

**Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого
Новгорода в X-XVI вв. [Zagadki doma Svjatoj Sofii: Cerkov'
Velikogo Novgoroda v 10-16 vekah]**

Aleksandr Musin

► To cite this version:

Aleksandr Musin. Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X-XVI вв. [Zagadki doma Svjatoj Sofii: Cerkov' Velikogo Novgoroda v 10-16 vekah]. *Peterburgskoe vostokovedenie*, 240 p., 2016, 978-5-85803-462-9. <hal-03168375>

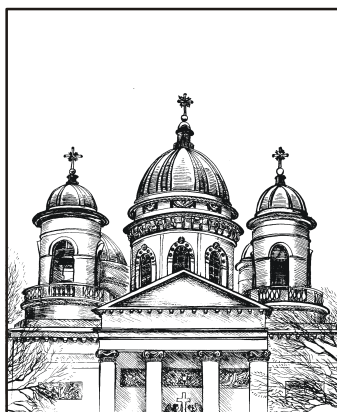
HAL Id: hal-03168375

<https://normandie-univ.hal.science/hal-03168375>

Submitted on 13 Mar 2021

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

SLAVICA PETROPOLITANA

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUT FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Alexander Musin

**THE SECRETS OF THE HOUSE
OF HOLY WISDOM**

**The Church of Novgorod the Great
in 10th—16th Centuries**

**St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers
St. Petersburg
2016**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Александр Евгеньевич Мусин

ЗАГАДКИ ДОМА СВЯТОЙ СОФИИ

**Церковь Великого Новгорода
в X—XVI вв.**

**Издательство «Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2016**

УДК 271.2+902
ББК 63.3(2Рос=Рус)+86.3
М 91

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012—2018 годы)»*

Книга написана при поддержке РГНФ (проект № 12-41-93029к)

Утверждено к печати решением Ученого Совета ИИМК РАН

Рецензенты:
доктор ист. наук С. В. Белецкий, канд. ист. наук А. А. Пескова

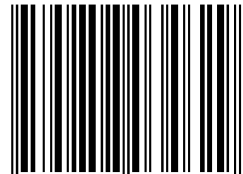
Мусин А. Е. Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X—XVI вв. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2016. — 240 с., ил. (Slavica Petropolitana).

Книга представляет серию очерков, посвященных истории новгородской Церкви — дома Святой Софии. Она является первой отечественной попыткой популярного систематического изложения истории христианского Новгорода в X—XVI вв., основанной на применении современных научных знаний. В книге подчеркивается историчность древнерусского христианства, рассматриваются его отличия от современной церковной практики, декларируется отказ от мифов в восприятии истории Церкви, а также предлагаются новые решения дискуссионных моментов новгородской истории.

Уникальное сочетание исторического, археологического и богословского образования позволяют автору увидеть «другую Древнюю Русь», иначе взглянуть на хорошо известные исторические памятники и события. История церкви в Новгороде дана на широком фоне христианской культуры Новгорода и исторических судеб Киевской митрополии Вселенского Патриархата.

Настоящее издание продолжает серию публикаций А. Е. Мусина, посвященных истории Церкви в Древней Руси, и предназначено всем читателям, интересующимся историей и культурой России.

ISBN 978-5-85803-462-9

9 785858 034629

© А. Е. Мусин, 2016

© Петербургское Востоковедение, 2016

Памяти друга —
протоиерея Анатолия Павленко (1966—2013),
настоятеля церкви Покрова Богородицы в Мариенбурге,
что под Гатчиной

ЕПИСКОПЫ И АРХИЕПИСКОПЫ НОВГОРОДСКОЙ ЦЕРКВИ X—XVI вв.

Свт. Иоаким Корсунянин (989 (?)—1030)	Давид (1307—1324)
Свт. Лука Жидята (1036—1059)	Свт. Моисей (1325—1330, 1352—1359)
Стефан (1060—1068)	Свт. Василий Калика (1331—1352)
Феодор (1069—1077)	Алексий (1359—1388)
Свт. Герман (1078—1095)	Иоанн (1389—1415)
Свт. Никита (1096—1108)	Свт. Симеон (1416—1421)
Иоанн Попьян (1110—1130)	Феогност, «чернец на сенях» (1421—1423)
Свт. Нифонт (1130—1156)	Евфимий I Брадатый (1423—1429)
Свт. Аркадий (1158—1163)	Свт. Евфимий II (1434—1458)
Свт. Илья — Иоанн (1165—1186)	Свт. Иона (1458—1470)
Свт. Гавриил — Григорий (1187—1193)	Свт. Феофил (1470—1482)
Свт. Мартирий (1193—1199)	Сергий (1483—1484)
Митрофан (1200—1210, 1219—1223)	Свт. Геннадий (1485—1503)
Свт. Антоний (1210—1219, 1225—1227, 1228—1229)	Свт. Серапион (1506—1509)
Арсений, «чернец на сенях» (1223—1225, 1227—1228)	Свт. Макарий (1526—1542)
Спиридон (1230—1249)	Феодосий (1542—1550)
Далмат (1251—1273)	Серапион (1551—1552)
Климент (1274—1299)	Свт. Пимен (1552—1570)
Свт. Феоктист (1300—1307)	Леонид (1571—1575)
	Александр (1576—1591, с 1589 — митрополит)

ВВЕДЕНИЕ

В названии исторической книги почти всегда может присутствовать слово «загадка», поскольку история по определению полна тайн и умолчаний. История была и есть «место для дискуссий», исполненное «внутренних противоречий и двойных толкований». И только в ситуации, когда человек остается один на один с противоречивыми известиями древних текстов и разнообразием мнений современных ученых, он способен на правдивую оценку своего прошлого и свободный выбор собственного будущего. Такая оценка и такой выбор превращают человека в ответственную и думающую личность, мыслящую исторически. А результатом самостоятельного суждения о прошлом, и по сути — суда над ним (не случайно работу историка сравнивают с трудом криминалиста, да и само слово «историк», пришедшее к нам из греческого языка, означает свидетеля, очевидца) становится соответствующий образ истории.

При чтении школьных учебников, древних текстов и новейших исследований у читателя, в каком бы возрасте он ни был, складывается некая картина прошлого, появляется ее видение и понимание, возникает образ мира, населенный людьми, облик которых может быть продиктован современной исторической живописью. Истинный смысл и значение такого образа — показать (в силу возможности) правду истории и помочь человеку в ее познании. Именно так отцы Церкви, собравшиеся на Вселенский собор в Никее в 787 г., понимали икону, когда утвердили, что смысл образа — в свидетельстве реальности исторического факта, в данном случае — факта Рождества Христова. Но те же византийские богословы предупредили последующие поколения, что не видящий разницы между образом и первообразом, между иконой и тем, что она изображает, может быть по праву назван идолопоклонником. Аналогично образ истории, ее «икона», способен превратиться в идола, препятствующего человеку в понимании прошлого.

Такое «идолопоклонство» может быть добровольным заблуждением и обычного человека и историка, склонных идеализировать прошлое или излишне доверять собственным представлениям о нем — в ущерб внимательному прочтению древних летописей. Такое «идолопоклонство» может также стать результатом целенаправленной «исторической политики», с помощью которой государство стремится навязать

зять своим подданным вполне определенную «икону истории», которой надлежит совершать ритуал поклонения. Средоточием такой иконы является могущественная держава, вне которой человек не существует и ради которой он обязан пожертвовать собой и близкими по первому требованию правителя. По этой логике история должна превратиться во вдохновляющий рассказ, «мобилизующий нарратив», призванный убедить слушателя, что между Отечеством и государством надлежит ставить знак равенства. В отлитых на века формах должна воплотиться единая «позитивная» концепция славного прошлого великой страны, вершиной развития которой оказываются стабильность и достаток, дарованные ныне здравствующим национальным лидером. Такая концепция обязана подчеркивать взаимосвязь всех исторических периодов, непрерывная смена которых привела к нынешнему благоденствию, без намека на существовавшие, но так и нереализованные альтернативы. От нее требуется воспитывать не граждан, но подданных, которых должно переполнять уважение ко всем страницам собственного прошлого и чувство гордости за каждый из пройденных страной «этапов большого пути».

Однако далеко не все страницы истории оказываются достойны уважения, и это правило верно для любого народа. Некоторые страницы должны пробуждать не гордость, но стыд, чтобы избавить нацию от повторения подобных событий. К тому же принятые в обществе хрестоматийные оценки и исторические стереотипы, на которых во многом и строятся подобные концепции, могут быть совершенно ошибочны и даже безнравственны. Они опровергаются свидетельствами древних источников, новейшими открытиями и честными суждениями. Нужно понимать: не может быть прочным величие страны, построенное на мифах и полуправде (если не лжи!), когда оценка событий исходит не из твердых нравственных принципов, действенных во все времена, но из сиюминутных политических интересов. Общественное разочарование в недобросовестной исторической политике, осуществляемой в интересах временщиков, грозит обернуться национальной катастрофой.

По сути, в истории нет ничего, кроме человека, его прав и постоянно сталкивающихся людских интересов. Антропологический взгляд на прошлое соответствует не только многовековому человеческому опыту, но и современным научным методам, а также согласуется с богословским видением истории, согласно которому в основании земного бытия лежат человек и его свободная воля. Представления об истории как об осознанном процессе, взаимосвязанном во всех своих проявлениях и направляемом единой, не зависящей от человека волей, парализуют гражданское общество.

Личная причастность гражданина к истории, правда которой, пусть и горькая, должна быть пропущена через личный опыт, есть за-

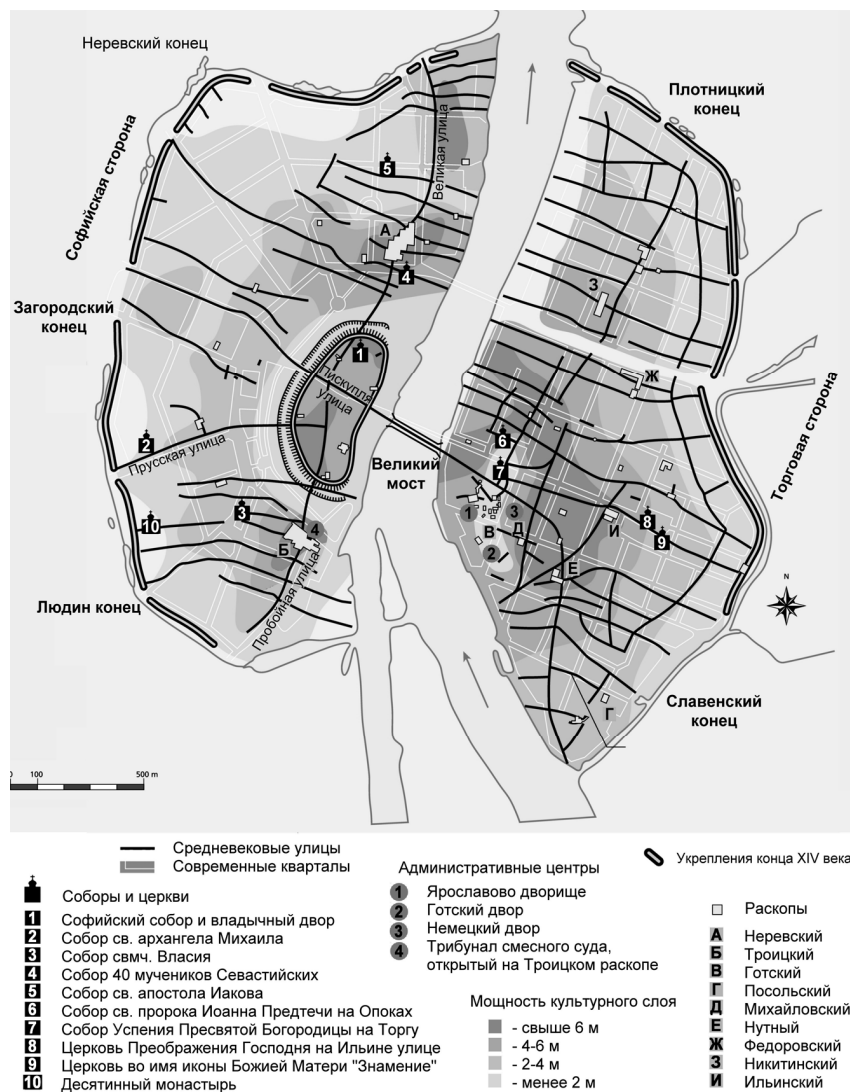
лог нравственного здоровья нации и государства. Ведь история — не только рассказ, но и свидетельство, она дважды проходит через «я» человека. В этом заключается один из многих парадоксов истории как науки. Историк не только изучает прошлое и людей прошлого, которых к моменту изучения не существует, но изучает их в настоящем через свидетельства и известия самого прошлого.

Наука «история» не существует без современных людей-историков, умеющих в своих исследованиях провести тонкую грань, отделяющую известия о древних событиях от оценок и толкований, которые люди прошлого давали этим событиям, для чего историку подчас нужен весь его человеческий и научный опыт. Значит, чем более историк «субъективен», лично ответствен перед читателем и изучаемым прошлым, чем более полно он использует древние свидетельства и собственные знания, тем «объективнее» написанная им история. Однако «объективность» истории гарантирована не только «субъективностью» историка, но и тем многоголосым хором разнообразных исследовательских мнений о прошлом, без сопоставления которых оно не может быть понято в полной мере.

Одним из ярких примеров такой полифонии в истории России оказывается прошлое Великого Новгорода. Интерес к Новгородской земле как к одному из центров сложения Отечества продиктован не только тем, что Киев, «мать городов *руских*», как многие неправо думают, «российских», оказался сегодня вне пределов России. В действительности для Севера Восточной Европы Новгород обладал таким же значением, как и Киев для Юга. Двучастное устройство «державы Рюриковичей», которое стоило бы назвать федеративным, принадлежало к историческим реалиям русского средневековья и осознавалось современниками. Единое государство под названием «Киевская Русь» — всего лишь кабинетная теория, которая в XX в. приобрела политическую окраску. Киевская Русь в одночасье стала средневековой проекцией «единого и могучего» СССР, а населявшая ее «древнерусская народность», еще одно ученое изобретение¹, стала восприниматься как древний аналог «новой исторической общности — советского народа».

Известно, что в выходной записи древнейшей из сохранившихся на Руси книг, Евангелия, созданного в 1057 г. по заказу новгородского посадника Остромира, сообщается, что труд этот был закончен, когда князь Изяслав «придержал обе власти: и отца своего Ярослава и брата

¹ См., в частности: Юсова Н. Н. «Давньоруська народність»: зародження і становлення концепції в радянській історичній науці (1930-ті—перша половина 1940-х рр.). Київ, 2006. О неоднозначности восприятия концепции Киевской Руси в 1930-е гг. см.: Платонова Н. И. История археологической мысли в России: вторая половина XIX—первая треть XX века. СПб., 2010. С. 238—239.

План средневекового Новгорода

своего Владимира»². Что Киев, что Новгород предстают здесь равноправными политическими образованиями — «областями» со своей «властью». На единовременное обладание «Руской землей» и «вла-

² Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV веков. М., 2000. С. 14—15.

стью новгородскою» претендовал и князь Всеволод в своем «Рукописании» — княжеском торговом уставе XII в., дарующем привилегии новгородской церкви св. Иоанна Предтечи на Опоках: «Се аз, князь великий Гавриил, нареченный Всеволод... властвующее всею Рускою землею и властью новгородскою...»³. Эти свидетельства должны быть сопоставлены с зачалом, сохранившимся в Новгородской первой летописи, где мы читаем: «Временник, еже есть нарицается летописание князей и земля Руския, и како избрал Бог страну нашу на последнее время, и грады почаша бывати по местом, прежде Новгородская волость и потом Киевская»⁴. Таким образом, приоритет новгородского государственного образования по отношению к киевскому восходит к началу русской истории.

Этот приоритет не есть изобретение новгородского патриотизма, но подчинение киевского политического бомонда, из недр которого, быть может, и вышли предваряющие Новгородскую летопись историософские рассуждения, существующему порядку вещей. В 1205 г. князь Всеволод Большое Гнездо, отправляя своего старшего сына Константина в Новгород, напоминает тому, что «Новгород Великий старейшинство имеет княженью во всей Руськои земли»⁵. Такое старейшинство заставляло Рюриковичей, претендующих на власть в этой «земле», искать признания в Новгороде, отправляя туда своих сыновей и союзников. Без этого их суверенитет над Киевом, с точки зрения человека средневековья, был нелегитимен. Конституция Господина Великого Новгорода сформировалась вовсе не как привилегия, продиктованная популизмом Рюриковичей и полученная городской общиной путем политического лавирования между различными княжескими группировками XII в., — она претендует на глубинные исторические основания.

Похоже, подобный порядок был известен еще во времена византийского императора Константина VII Багрянородного (945—959), который именвал «внешней *Росией*», скорее всего, будущую Новгородскую землю, если не все подвластные русам территории, в их противопоставлении (противостоянии?) собственно «Руськои земле»⁶. Такое

³ Шапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI—XV в. М., 1976. С. 160.

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / А. Н. Насонов (ред.). М.; Л., 1950. С. 103 (sine anno). Далее — НПЛ.

См. также: Гиппиус А. А. Предисловие к «Софийскому временнику» (Киевскому Начальному своду): текст, язык, источники // Русский язык в научном освещении. 2 (20). 2010. С. 143—199.

⁵ Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. 1. М., 1997. Ст. 422 (6714 [1205]). Далее — ПСРЛ.

⁶ Константин Багрянородный. Об управлении империей: текст, перевод. Комментарий / Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев (ред.). М., 1991. С. 45.

политико-географическое членение Восточной Европы предполагало существование и «внутренней *Росии*», в которой справедливо видеть Среднее Поднепровье во главе с городами Киевом, Черниговом и Переславлем, что безусловно верно для XI в.⁷ Слова князя Олега про Киев — метрополию русов или «мать городов *руских*»⁸ касались, прежде всего, днепровской «*Руской земли*».

Сразу оговоримся, что для автора настоящей книги, как и для автора Повести временных лет, будь это прп. Нестор Летописец или иной книжник, русь — это не просто средневековая народность, имевшая скандинавские или славянские корни. Исторические источники — арабские, византийские, русские — прекрасно передают то, что исследователи называют «полисемией» руси, которая выступает одновременно как этнос и как социальная группа, полиэтническая в своей основе и имевшая определенный социально-политический статус. Эта этно-социальная группа, обязанная своим происхождением и названием скандинавам, проникавшим в Восточную Европу начиная с VIII в., вбирала в себя и представителей местных племен. Но лишь со второй половины IX в. — времени «призвания варягов» и утверждения династии Рюриковичей — она приобрела черты высшего социального слоя молодого государства и стала военно-административной, политической и экономической элитой Древней Руси, в дальнейшем постепенно растворившись в массе восточного славянства и передав ему свое имя, свое самосознание и свою культуру⁹.

Очевидно, что как этническое, так и социальное содержание руси эволюционировало на протяжении IX—XI вв. Похоже, это хорошо понимали древнерусские интеллектуалы. В летописной статье 862 г. летописец отождествляет русь и варягов, представляя первую скандинавским племенем и помещая ее в один ряд с предками будущих шве-

⁷ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 1951.

⁸ Повесть временных лет. 2-е изд. Л., 1996. С. 14 (6390 [882]). Далее — ПВЛ.

⁹ О становлении этого подхода см.: Мачинский Д. А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси: период зарождения древнерусской народности // Русский Север: проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики / Т. А. Бернштам, К. В. Чистов (ред.). Л., 1986. С. 3—29; Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги: русско-скандинавские отношения домонгольского времени // Славяне и скандинавы / Е. А. Мельникова (ред.). М., 1987. С. 189—297; Лебедев Г. С. Комментарий к I статье Русской Правды Краткой редакции // Генезис и развитие феодализма в России: проблемы идеологии и культуры / И. Я. Фроянов (ред.). Вып. 10. Л., 1987. С. 78—64; Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX—XI в.) // Вопросы истории. 8. 1989. С. 24—38.

дов, норвежцев, англичан и жителями Готланда. Однако тут же оговаривается: Рюрик, призванный на княжение межэтнической конфедерацией племен, населявших будущую Новгородскую землю (=славян, кривичей, мери и чуди), взял с собой «всю русь» как свой род, т. е. связанную с его персоной семейно-социальную организацию служебного характера¹⁰. Не случайно в Новгородской летописи и, быть может, в предшествовавших ей гипотетических летописных сводах вместо «всей руси» упоминается «дружина» Рюрика¹¹.

Уже в эпоху княжения Олега, то есть спустя двадцать лет (время жизни одного поколения), летописец отмечает в записи под 882 г., что русью стали называть княжескую дружину, состоявшую не только из скандинавов, но и из представителей прочих восточно-европейских племен: «и беше у него варязи, словене и прочи, прозвашася русью»¹². До определенного времени лидирующее положение в этой этносоциальной группе занимали именно скандинавы, что позволило западноевропейским книжникам IX—X вв., не вникнув глубоко в суть описываемого явления, отождествить русов со свеонами или норманнами, как это сделали автор Бертинских Анналов (839 г.), нотариус итальянского короля Людовика II (871 г.), епископ Лиутпранд Кремонский, и — в силу историографической инерции — диакон Иоанн из Венеции (около 1000 г.)¹³.

Впоследствии, согласно летописцу, имя *русь* закрепилось за славянским племенем полян, населявшим Среднее Поднепровье, которое и было, собственно, «Руской землей». Летописец подчеркивает, что славяне приняли имя *русь* от варягов точно так же, как славянский по происхождению язык стал *руским*¹⁴. Само же появление термина «варяг» в русском обиходе следует увязывать с распространением этого социального феномена в Византии начиная с 1030-х гг.¹⁵. Очевидно, на Руси XI в. он появляется для того, чтобы отличить современных ле-

¹⁰ ПВЛ. С. 13 (6370 [862]).

¹¹ НПЛ. С. 107 (sine anno).

¹² ПВЛ. С. 14 (6390 [882]); НПЛ. С. 108 (sine anno).

¹³ Annales de Saint-Bertin / F. Grat, J. Vielliard, S. Clémencet, L. Lelien (ed.). Paris, 1964. P. 30—31 (839); Epistolae Karolini aevi. 5. MGH Epistolae 7. Berlin, 1928. P. 388; Chronicon Salernitanum / U. Westerbergh (ed.). Stockholm, 1956. P. 111; Liudprandi Cremonensis Opera omnia: Antapodosis; Homelia paschalis, Historia Ottonis, Relatio de Legatione Constantinopolitana / P. Chiesa (ed.). Corpus Christianorum, Continuatio mediaevalis 156. Turnholti, 1998. P. 10 (1: 11), 131 (5: 15); Fonti per storia d'Italia. 9. Cronache veneziane antichissime, secoli X—XI / G. Momticolò (ed.). Rome, 1890. P. 59—171.

¹⁴ ПВЛ. С. 16 (6406 [898]).

¹⁵ Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Васильевский В. Г. Труды. Т. 1. СПб., 1908. С. 176—337.

тописцу выходцев из Скандинавии от тех скандинавов, которые некогда составили изначальную русь.

Несмотря на то, что происхождение самого имени «русь» продолжает вызывать дискуссии, гипотеза, предлагающая выводить «русь» (греческое *Ῥως* и латинское *Rhos*) из древне-северного «*rōþs-*»/«*drōts*» (самоназвание команды воинов-гребцов, какими и представляли себя скандинавы) через финское «*ruotsi*»¹⁶, представляется ныне наиболее правдоподобной. Славянизация социального скандинавского термина, превратившая его в этноориентированное название «русь», хронологически неотделима от эпохи первых контактов VIII—первой половины IX в., что доказывается вошедшей в латинский книжный язык формой *Ruzzi*¹⁷. Стоит подивиться проницательности древнерусского летописца, который применил к истории руси такой подход, который мы сегодня назвали бы «культурно-антропологическим».

Новгород, возникший спустя лишь несколько поколений после призвания варягов, находился в достаточно сложных отношениях с этой *русью* и *Руской* землей. В 1149 г. князь Изяслав Мстиславич и поставленный без благословения Вселенского патриарха митрополит Климент Смолятич вызвали главу новгородской Церкви епископа Нифонта в Киев, о чем владычный летописец написал: «Отправился архиепископ Новгородский Нифонт в Русь»¹⁸. Вплоть до XIII в. Русь в глазах новгородца находилась там, где был Киев¹⁹. Север Восточной Европы и Старая Ладога действительно могли быть местом рождения руси как новой этносоциальной группы «купцов и воинов»²⁰, но в X в. эта русь, еще представлявшая собой конгломерат соперничающих группировок во главе с «архонтами росов»²¹, лишь номинально представ-

¹⁶ Thomsen V. The relations between ancient Russia and Scandinavia and the origin of the Russian state: three lectures delivered at the Taylor institution. Oxford, 1877.

¹⁷ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки, культурных, торговых, политических отношений IX—XII веков. М., 2001. С. 11—112.

¹⁸ НПЛ. С. 29 (6657 [1149]).

¹⁹ Население Галицко-Волыньских земель также не считало себя *русью*. Под 6653 (1145) г. летописец, имея в виду войну, начатую киевскими князьями, отметит: «Того же лета ходиша вся Руская земля на Галиць». НПЛ. С. 27, 213. См. на эту тему: Волощук М. М. Галицкая идентичность в XII—XIII вв.: земельный, династический и этнический аспекты // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 1. 2010. С. 165—178.

²⁰ Мачинский Д. А. О месте Северной Руси в процессе сложения древнерусского государства и европейской культурной общности // *Археологическое исследование Новгородской земли* / Г. С. Лебедев (ред.). Л., 1984. С. 5—25.

²¹ Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. 1. Київ, 1913. С. 424—426; Назаренко А. В. Территориально-политическая структура Древней Руси в пер-

ленных князем киевским в дипломатических сношениях с Византией, концентрировалась преимущественно в срединных широтах Восточной Европы.

В преамбуле договора этой руси с Византией, сохранившегося в русском летописании, послы и гости с именами в большинстве своем скандинавскими, заявляют: «Мы от рода рускаго»²². В Новгородской первой летописи хронист конца XI в. завершает повесть о призвании варягов словами: «И от тех варяг, находник тех, прозвашася русь, и от тех словет Руская земля, и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжска»²³. И так, новгородцы не называли себя русью и не именовались так соседями²⁴. В науке неоднократно обсуждалось историческое содержание «варяжского рода» новгородцев. Оно толковалось то как свидетельство проживания в городе потомков скандинавов, то как основа определенных политических привилегий горожан, в частности — права не платить «варяжскую дань», установленную «руским», т. е. киевским князем²⁵. Стоит, однако, вспомнить, что под понятием «род» в то время подразумевалась не столько этническая принадлежность, сколько социально-политическая организация общества. Последнее способно прояснить для нас политический приоритет Новгорода над Киевом. С точки зрения человека средневековья, на-

вой половине X в.: Киев и «внешняя Русь» Константина Багрянородного // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы международной конференции, 14—18 мая 2007 г. / Б. С. Короткевич, Д. А. Мачинский, Т. Б. Сениченкова (ред.). Труды Государственного Эрмитажа. 49. 2009. С. 418—422; *Стефанович П. С.* Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X—XI веках. М., 2012. С. 413—415.

²² ПВЛ. С. 23 (6453 [945]).

²³ НПЛ. С. 107 (sine anno).

²⁴ *Шахматов А. А.* История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1. Кн. 1. С. 160; *Алешковский М. Х.* К типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. 1975 г. [Вып. 2]. М., 1976. С. 133—167, здесь с. 157.

²⁵ *Янин В. Л.* Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003. С. 66, 421; *Гиппиус А. А.* Скандинавский след в истории новгородского боярства // The Slavization of the Russian North / J. Nuorluoto (ed.). Slavica Helsingiensia. 27. Helsinki, 2006. P. 93—109; *Петрухин В. Я.* Новгородцы от «рода варяжска»? // Диалог культур и народов в средневековой Европе. Сб. ст. в честь 60-летия РАН Е. Н. Носова / Н. В. Хвошинская, А. Е. Мусин (ред.). СПб., 2010. С. 148—150; *Мусин А. Е.* «Род русский», «род варяжский», «род прусский»: миграции и историческая память как факторы политогенеза // Восточная Европа в древности и Средневековье: Миграции, расселения, война как факторы политогенеза. Материалы конференции / Е. А. Мельникова (ред.). М., 2012. С. 192—197.

сколько она может быть нам доступна, это значило, что не варяги сформировали особенности новгородского общественного устройства, а сами новгородцы стояли у истоков «варяжского рода», поскольку их предки были инициаторами «призвания варягов» и заключения с князем Рюриком конституционного договора, «ряда» 862 г., смысл которого был связан с установлением «наряда» как гражданского мира и социального порядка.

Появление на Севере Восточной Европы варяжской династии в результате «ряда»-договора как раз и могло заложить основы формирования в Новгороде особой политической системы, для которой была характерна практика заключения с князьями особого договора — «докончания», что надежно зафиксировано рядом источников в 1264—1471 гг.²⁶ Однако кодификация новгородских прав могла состояться много раньше. При описании событий 1229—1230 гг., связанных с «княжеской чехардой» в Новгороде, летопись упоминает в качестве основы для восстановления законной власти «все грамоты» Ярослава²⁷, которые в XIV в. уже именуются в летописании «старой пошлиной новгородской»²⁸. В 1209 г. князь Всеволод Юрьевич подтверждает новгородцам действенность неведомых нам «уставов старых князей»²⁹. Описывая события 1169 г., связанные с поражением княжеской армии Андрея Боголюбского под стенами Новгорода, летописец вынужденно спорит с широко распространенным в его время мнением, что новгородцы «издавню свободжены суть от прадед князь наших»³⁰.

В 1154 г. после месячного княжения сын князя Ростислава Мстиславича Давид был изгнан новгородцами из города, «зане не створи им ряду, но боле раздра»³¹, т. е. за то, что не смог навести в городе порядок, выступив примирителем, но напротив — посеял среди горожан еще больший разлад. Однако упомянутое здесь слово «ряд» вновь возвращает нас к княжеской функции социального регулятора, устроителя «ряда»—«наряда» в соответствии с предполагаемым «рядом»-договором. Если бы эти известия исходили лишь от новгородских интеллектуалов средневековья, их можно было бы счесть играми местных патриотов. Однако все эти «грамоты» и «права» получают неожиданное подтверждение, пусть и косвенное, в устах тех, кто «по долгу службы» вынужден с ними бороться. Это заставляет нас серьезно от-

²⁶ Ср.: Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 5, 62, 64, 83.

²⁷ НПЛ. С. 67 (6736 [1228]), 68 (6737 [1229]), 70 (6738 [1230]).

²⁸ НПЛ. С. 350 (6847 [1339]); Софийская I-я летопись. ПСРЛ. 5. СПб., 1851. С. 221 (6847 [1339]).

²⁹ НПЛ. С. 50 (6717 [1209]).

³⁰ ПСРЛ. 1. Ст. 362 (6677[1169]).

³¹ НПЛ. С. 30, 217 (6662 [1154]).

нестись к возможности существования издревле определенных прав и привилегий, которыми пользовались и город и земля.

Совершенно очевидно, что хрестоматийные события 1136 г., когда новгородцы выгнали из города князя Всеволода-Гавриила Мстиславича³², не были «революцией», изменившей ход местной истории, но лишь эпизодом в отстаивании Новгородом древних политических прав. Именно на основе старинной практики сформировались особые отношения горожан и князя, где последний рассматривался не как государь — самовластец и суверен города, но лишь как господин — его сеньор. В связи со сказанным характерен конфликт Новгорода с Иваном III в 1477 г. По версии великокняжеского летописца, новгородское посольство якобы было уполномочено всем городом, вопреки многовековой традиции, даровать Ивану Васильевичу и Ивану Ивановичу титул «государей»: «прислали к великим князем... бити челом и называти их себе государи», «а наперед того, как земля их стала, того не бывало, ни которого великого князя государем не зывали, но господином»³³. Позднее новгородцы дезавуировали московскую версию, назвав ее ложью и уточнив, что послов «с тем не посылали». Тот факт, что великий князь был для Новгорода именно господином, а не государем, подтверждается не только самосвидетельством московского летописца — «политтехнолога» средневековья, но и доказывается текстами договорных грамот новгородцев с князьями 1270—1471 гг., хотя договор 1264 г. не именует князя Ярослава Ярославича и «господином»³⁴.

Эта «новгородская конституция» была отлична и в определенной степени автономна от киевской, собственно *«русской»* автократии, возникшей в результате завоевания Рюриковичами Среднего Поднепровья после 882 г., что признавалось представителями всех восточно-европейских политических образований. Таким образом, призвание Рюрика и восходящая к этому событию новгородская «вольность в князьях» действительно могли стать организующим моментом северо-русского народоправства.

Вместе с тем средневековый Новгород, до определенной степени и до некоторого времени политически независимый как от Киева, так и от Москвы, был Новгородом христианским. Для эпохи средневековья это означало не только его принадлежность к конкретному единству религиозной культуры, но и вхождение в единство иного рода, связанное с подчинением церковной иерархии в лице митрополитов Киев-

³² НПЛ. С. 24 (6644 [1136]).

³³ Московский летописный свод конца XV в. ПСРЛ. 25. М.; Л., 1949. С. 309 (6985 [1477]).

³⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / С. Н. Валк (ред.). М.; Л., 1949. С. 10—11, № 1. *Далее — ГВНП.*

ских и всея Руси и основанное на нормах канонического права. Таким образом, настоящая книга апеллирует не только к общественному интересу к новгородской истории как основе российской государственности, но и к истории христианства на Руси, предполагая, что в истории Восточной Европы существовали иные формы общественных связей, скреплявшие между собой народы и общества, нежели имперская политика, газовая труба или «вертикаль власти».

Эпоха X в. оказывается во многих смыслах ключевым моментом русской истории. Многие особенности современных общественных отношений, такие как система ценностей российской политической элиты, связанная с эксплуатацией своего народа, инвестициями в международную экономику и сосредоточением в одних руках экономических и полицейских функций, формируются именно в это время. Тогдашние «купец» и «воин» предвосхищали современных «олигарха» и «чекиста». Быть может, именно потому столько споров вызывает сегодня место преподавания истории Древней Руси в рамках школьной программы. Однако именно в это время закладываются основы русской христианской культуры как результат осознанного конфессионального выбора. Крещение Руси представлено русской летописью как одна из немногих осуществившихся альтернатив российской истории. Сцена «выбора веры», где принятие новой религии подано как результат публичного обсуждения и осознанного предпочтения князя и народа, отражает (при всей ее легендарности) ответственное отношение общества к вопросам религии. Можно строить различные предположения, как сложилась бы история России, будь во времена оны сделан выбор в пользу ислама или же католического Рима. Простерся бы Халифат от Кордовы до Киева? А может, восприняв римский опыт общения с мирской властью, Русская Церковь сумела бы выработать иммунитет против российских лихолетий? Как бы то ни было, с момента выбора веры все достижения и неудачи России могут быть объяснены именно им и теми метаморфозами, которые претерпело христианство на Руси. В конце концов, не что иное, как определенным образом понятое Православие (в его позднесредневековой, «московской» редакции), предопределило общественно-культурную ситуацию XVII в., потребовавшую реформ Петра Великого и обеспечившую вековое сопротивление им, частью которого стали события 1917 г., что позволило протоиерею Сергею Булгакову образно написать: основанием российской катастрофы XX в. был не «Гром-камень Медного всадника» — петровские преобразования, но «меловая скала Херсонеса» — владимирово крещение.

Сегодняшний интерес к истории христианства закономерен, однако эта закономерность во многом продиктована заинтересованностью соотечественников в решении собственных религиозных проблем, связанных с поиском персональной и национальной идентичности.

Подобная «злободневность» зачастую подталкивает современников конструировать историю христианства в Древней Руси по «образу и подобию», т. е. по аналогии с сегодняшней приходской жизнью. Такая модернизация искажает историю страны, способствует формированию ложных стереотипов и мифов в восприятии Православия, создает исторического «идола», об опасности чего мы уже говорили. Это заставляет исследователя быть крайне осторожным при обращении к темам церковной истории, где ему предстоит показать не только особенности христианства на Руси, но и подчеркнуть отличия средневековой церковной жизни от современной.

Главным своеобразием христианской цивилизации эпохи средневековья была тесная взаимосвязь и даже почти полное «демографическое» совпадение Церкви и общества. В то же самое время и у общества и у Церкви существовали эффективные средства взаимного контроля, работала выверенная веками система сдержек и противовесов, препятствовавшая как растворению «метаисторических» задач Церкви «не от мира сего» в мирской суете, так и клерикальному диктату, отчуждению отдельного человека и целой общины от церковной жизни.

Эти взаимоотношения существовали в конкретных исторических формах, присущих конкретной эпохе со свойственными ей ценностями и ментальными установками. Понятия политических интересов, выгоды и пользы могли в то время существенно отличаться (и отличались!) от эксплуатируемых современным обществом, зараженным в том числе конспирологическими теориями. Присущая некоторым социальным группам страсть к разоблачению «существующих» повсюду заговоров, от локальных до мировых, есть не что иное, как секуляризованная вера в противостояние Бога и демонических сил. Но если в Средние века эта борьба имела нематериальные основания, то сегодня, будучи лишенной религиозной основы, «теория заговора» населяет окружающий мир и его историю фантомами. Отношения людей прошлого были гораздо более прозрачными, хотя бы в силу того, что людские общины были не столь многочисленными, а их интересы не всегда прагматичными.

Сегодня древний принцип «*Is fecit, qui prodest*» применяется по отношению к прошлому с разрушающей простотой, призывая во всем искать глобальный политический интерес или идеологическую подоплеку. Современные вопросы, обращенные к прошлому, остаются без ответа или получают ответы неверные, поскольку вопрошают на незнакомом языке. Кто был инициатором канонизации святых князей Бориса и Глеба: князь Святополк, замаливавший грехи и стремившийся укрепить свои позиции на Руси, или князь Ярослав, святостью братьев желавший обосновать законность своей власти в Киеве, или же династия Рюриковичей в целом, намеревавшаяся укрепить новое феодальное государство первыми государственными и династически-

ми святыми?.. Все, что нам известно о канонизации святых в XI в., позволяет прийти к единственному непредвзятому мнению, отличному от набора стереотипов, господствующих в науке и обществе. Прославление князей-мучеников как святых не было следствием сознательно спланированной идеологической акции, но явилось естественным результатом их стихийного почитания местной церковной общиной. Его стержнем и главной формой были ежегодные заупокойные панихиды на месте погребения Бориса и Глеба в Вышгороде под Киевом; главными действующими лицами истории выступали вышгородский клир и местные христиане, собиравшиеся на службы, а основой цикла агиографических произведений о свв. Борисе и Глебе могли стать «вышгородские записки», составленные местными клириками; существование таких записок предчувствовали отечественные историки. Древняя Русь и династия Рюриковичей оказались вовлечены в этот процесс лишь впоследствии, потому что сопротивляться было невозможно, да и не нужно. Отсюда, из вовлеченности, и проистекают общегосударственные мероприятия по возведению новых храмов на месте упокоения князей в 1072 и 1115 г., а также включение сказания о свв. Борисе и Глебе в древнерусскую летопись. Впрочем, другие вопросы, например, что именно почитали древнерусские христиане в погибших в междоусобице братьях, видели ли они в них «королей-целителей» или устроителей «ряда», т. е. социальной справедливости, еще долго будут оставаться без ответа...

Однако, выбирая язык диалога с прошлым, стоит задуматься, насколько потомки вообще способны понять во всей полноте жизнь своих предков, в том числе и религиозную? Представляется, что это возможно лишь благодаря способности исследователя прочесть исторический текст как глазами его современников, так и сквозь призму современного опыта осмысления прошлого, в том числе личностного. Стоит вспомнить, что историк не просто изучает бывшие в истории события, он изучает эти события, изложенные другим «историком» — средневековым, пусть он и не именуется исследователем или научным сотрудником, но зовется писцом или летописцем. Личность того, кто свидетельствует о прошлом, и для кого это прошлое было обыденностью и современностью, не могла не оставить отпечатка на самих свидетельствах.

Вспомним уже упоминавшиеся события 1205 г., когда князь Константин Всеволодович отправился на свое короткое княжение в Новгород. Согласно древнейшему списку Новгородской Первой летописи середины XIV в. (Синодальному), он въехал в город в воскресный день — 20 марта, на память прп. Герасима Иорданского, однако Комиссионный список той же летописи, появившийся в сороковых годах XV в., связывает этот день с иной церковной памятью — в сей день празднуются прпп. Иоанн, Сергей, Патрикий и прочие монахи, убитые

в VIII в. в обители прп. Саввы Освященного в Святой земле³⁵. А в Лаврентьевской летописи, где также упоминается это событие, сказано, что Константин прибыл в Новгород в воскресенье на память свт. Никиты, архиепископа Аполлониадского, защитника иконопочитания (начало IX в.)³⁶.

Двадцатое марта 1205 г. действительно было воскресением, но, взглянув в современный церковный календарь, читатель будет поражен: здесь, под 20 марта/2 апреля он найдет и свт. Никиту, и палестинских преподобных, но отнюдь не старца Герасима с его верным львом (память старца празднуется ныне 4/17 марта³⁷). Однако делать вывод, что автор Синодального списка Новгородской летописи ошибся, рано. Дело в том, что в Византии, согласно Студийскому уставу, который употреблялся и на Руси в XI—XIV вв., память прп. Герасима действительно приходилась на 20 марта! Лишь в конце XIV—XV вв. появился устав Иерусалимский, созданный в Лавре прп. Саввы Освященного, в месяцеслове которого празднование св. Герасиму находилось уже на его сегодняшнем месте. Соответственно, в 1438—1443 гг. повелением архиепископа Евфимия II в Новгороде богослужебные книги для каждого месяца были переписаны уже по новому календарю³⁸. Именно по этой причине писец Комиссионного списка и исправил текст летописи. Разная среда, в которой создавались и переписывались владимиро-суздальские и новгородские летописи (княжеско-владычная в одном случае и епископско-монашеская в другом) обусловили внимание писца к разным святым, чья память приходилась на день исторического события. В Лаврентьевской летописи им оказался святитель, а в Новгородской хронике приоритет был отдан монахам.

Перед нами — лишь один пример насыщенной внутренними интригами истории православного Новгорода. Однако интрига, составляющая сюжет книги, требует адекватной формы изложения. Как должно показать историю церковной жизни Господина Великого Новгорода, не выйдя при этом за рамки предполагаемого издания? «Нервом» церковной истории всегда была череда архиереев, отражающая апостольское преемство епископской власти, которое самой традицией гарантирует истинность исповедуемой Церковью веры. Но епископ, возглавлявший местную Церковь, не действовал в одиночку. Он был окружен не только городской общиной, но гораздо теснее клиросом, составлявшим его канцелярию и богослужебное окружение — Владычный двор, именовавшийся в Средневековье домом Святой Софии.

³⁵ НПЛ. С. 50 (6713 [1205]).

³⁶ ПСРЛ. I. Ст. 423 (6714 [1205]).

³⁷ НПЛ. С. 246 (6713 [1205]).

³⁸ Новгородские рукописи XV в.: Кодикологическое исследование рукописей Софийско-Новгородского собрания Государственной Публичной библиотеки / Е. М. Шварц (ред.-сост.). М., 1989. С. 19—27.

Этот дом возник одновременно с появлением Церкви в Великом Новгороде, крещение которого должно было лишь незначительно отстоять во времени от крещения Киева и киевской *руси*. Именно так, посредством строчных букв, стоит описывать это событие, датированное летописью 988 г.³⁹, смыслом которого было обращение в новую веру жителей собственно Руской земли — вокруг Киева. Как некогда Рюрик, согласно летописцу, взял с собой на Восток в поисках лучшей жизни «всю русь», так и в конце X в. Владимир выбрал для своей руси новую жизнь, предложив ей крещение. Лишь в глазах поздних потомков это событие превратилось в Крещение Руси, в масштабы которого уместились вся территория и все население Восточной Европы.

Русские летописи и российские историки относят крещение Новгорода и основание здесь самостоятельной епархии к 988—992 гг.⁴⁰, откуда и стоит вести нить новгородского епископского преемства. Однако ближайшие потомки описываемых событий пытались отнести их к временам куда более ранним. Вошедшая в «Повесть временных лет» легенда о путешествии апостола Андрея Первозванного на Русь по пути «из варяг в греки» не только приписывала ему освящение тех гор, на которых возникнет Киев, но и направляла его на берега Волхова, где апостол как человек античной культуры должен был изумиться обычаю новгородской бани: «видех бани древены, и пережгутъ е рамяно, и совлокутъся, и будут нази, и облеются квасом уснияным, и возмутъ на ся прутье младое, и бьютъ ся сами, и того ся добьютъ, едва слезуть ле живи, и облеются водою студеною, и тако ожить»⁴¹.

В настоящее время у нас нет оснований сомневаться в том, что апостол Андрей никогда не бывал на территории будущей России: христианская проповедь в его времена сосредоточивалась в иудейском рассеянии Римской империи и в общественной среде, окружавшей синагогу. Известно, что легенда об апостоле Андрее признавалась знаменитым церковным историком XIX в. митрополитом Макарием (Булгаковым) как достоверная⁴², одновременно вызывая неприятие друго-

³⁹ ПСРЛ. 1. Ст. 116—119 (6496 [988]).

⁴⁰ Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 2. С. 30; Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 1901. Т. 1: 1. С. 172—173; Янин В. Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город: исследования и материалы. 7. М., 1984. С. 40—56; Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X—XIII веков. М., 1989. С. 34—35; Рапов О. М. Русская Церковь в IX—первой трети XII в. Принятие христианства. М. 1988. С. 262—265, 271—273.

⁴¹ ПВЛ. С. 9 (sine anno).

⁴² Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. М., 1994. Кн. 1. С. 91, 96.

го знатока русского церковного прошлого Е. Е. Голубинского, называвшего легенду результатом «честолюбия и тщеславия наших предков» или «тщеславия неизвестного автора»⁴³. Сегодня было бы непростительно видеть в описании омовения лишь исторический анекдот, да еще и «антиновгородской» направленности. Да и сам эпизод стоит поместить в контекст ментальности, присущей человеку того времени.

Подобного рода бытовая подробность в глазах современника летописца «доказывала» реальность путешествия апостола Андрея вокруг Европы: раз знает детали, значит — видел. Важно также, что омовение занимало важное место в христианском богословии и благочестии: крещение в посланиях апостола Павла именовалось «баней новой жизни». Баня была не только символом нравственной и ритуальной чистоты, но еще важным фактором «социальной опрятности» античного и византийского общества, причем Церковь активно участвовала в устройении общественной гигиены. Чуть позже мы узнаем, что митрополит Ефрем в Переславле XI в. создал не только кафедральный собор, но и «строение банное», существовавшее в каждом уважающем себя греческом городе. Таким образом, «банный эпизод» путешествия апостола Андрея оказывался для читателей летописи знаковым, подтверждающим то, что жители будущей Новгородской земли были не только внутренне готовы принять крещение, но были достойны стать гражданами византийской цивилизации, поскольку их чистоплотность соответствовала кодексу ромейской чести.

Впрочем, речь могла идти не только о ромействе. Это наблюдение, как кажется, подтверждается еще одним свидетельством средневековой агиографии. Омование язычников, поражающее воображение христианина, было своеобразным топом миссионерской литературы. Так, основатель Фульдской обители аббат Стурмий (ок. 704—779), направляясь из Тюрингии в Майнц, встретил купающихся в реке многочисленных славян. Увидев их, осел, на котором ехал подвижник, задрожал от страха, а сам святой не мог вытерпеть смрадного запаха, исходящего от их тел⁴⁴. Удивление публичным омовением, похоже, уже не практикуемым в средневековой Европе сопрягается здесь отчасти с восприятием этого действия как прообраза будущего обращения и крещения.

Однако легенда об апостоле Андрее обладала для древнерусского сознания и более важным историософским смыслом, свидетельствуя о причастности Русской Церкви к апостольской, истинной вере, а также

⁴³ Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1: 1. С. 20—21, 30.

⁴⁴ *Eigilis vita Sturmi abbatis Fuldensis* // *Monumenta Germaniae Historica*. 2. Hannoverae, 1829. P. 365—377. Благодарю коллегу профессора Университета в Люблине (Польша) Анджея Плешчинского, познакомившего меня с этим сюжетом.

подчеркивая ее принадлежность к Церкви Вселенской. Такое «образное доказательство» вполне соответствовало средневековому сознанию и проистекало из его особенностей, однако дальнейшее мифотворчество в этой области, «заставившее» апостола посетить не только земли будущей Руси, но и острова будущего Валаамского монастыря на Ладожском озере, вряд ли приемлемо.

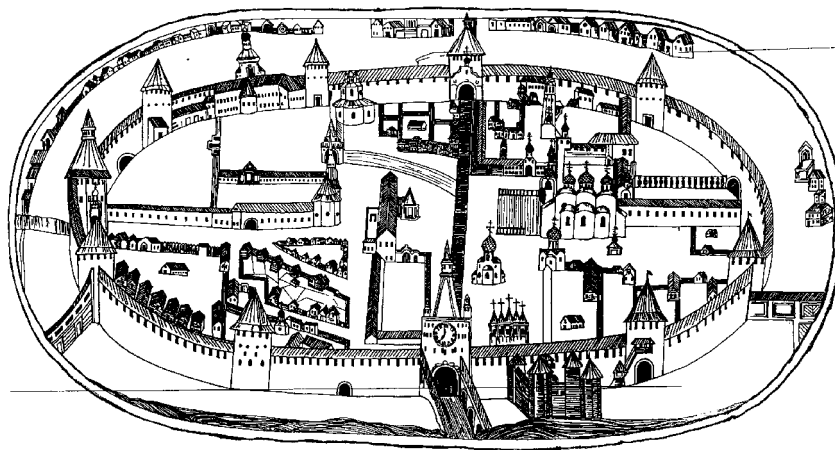
Все, кто не были русью, приобщались к новой вере постепенно. Однако этот процесс сходным образом протекал у самых разных народов и на различных территориях. В обществе эпохи поздней Античности церковные структуры формировались прежде всего на основе семейных общин греческого полиса — в форме *domus ecclesiae* («домашняя церковь»); из последних складывалась ткань епископской *париклии* — будущей епархии в современном понимании этого слова. Подобный «дом», по-гречески *οἶκος*, ляжет в основу не только такого понятия как «экономика», но и в основание традиционных представлений о церковной общине как некоем особом доме — цельном социальном и хозяйственном организме, посвященном Богу. Основанный прп. Сергием Радонежским монастырь будет именоваться «домом Святой Троицы», а обитель епископа Новгородского Мартирия в Старой Руссе во имя Преображения Господня станет «домом Святого Спаса».

Чем именно был дом Святой Софии в Новгородском кремле? Первые резиденция новгородского архиерея упоминается в 1136 г. как «епископлъ двор», расположенный в северо-западном углу Новгородского кремля. К этому времени здесь уже существовали Софийский кафедральный собор и церковь свв. Богоотец Иоакима и Анны, а также, возможно, Никитский корпус, разобранный в 1670 г. «до средних сводов» и перестроенный при митрополите Питириме (1664—1672)⁴⁵. Последний мог быть построен в восточной оконечности Кремля — на месте одной из жилых или служебных построек рубежа XI и XII вв., о чем свидетельствует название, в котором упоминается имя тогдашнего епископа. Что до западной части двора, то до середины XII в. там не было постоянной застройки, а в предшествующее время эта зона была отмечена следами постоянной перепланировки территории⁴⁶. Формирование «епископской цитадели» (обычного для европейского города клерикального квартала) завершает строительство княжеского Детинца в 1044 г.⁴⁷

⁴⁵ Греков Б. Д. Новгородский дом святой Софии. Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины. 1. СПб., 1914. С. 29.

⁴⁶ Родионова М. А. Итоги археологических исследований на Владычном дворе в Новгородском Кремле // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 25. Великий Новгород, 2011. С. 44—57, здесь с. 57.

⁴⁷ НПЛ. С. 181 (6552 [1044]).

Вид новгородского Кремля и Владычного двора
на иконе Знамение Божией Матери из Михаило-Архангельской церкви
в Новгороде. Конец XVII века. Прорись

Первые известия о резиденции епископа как будто бы не имеют ничего общего с церковной жизнью: если в 1136 г. владычный двор становится местом заключения князя Всеволода, то в 1142 г. здесь за-
точается князь Ростислав, в 1210 г. — князь Святослав, а в 1230 г. «владычная гридница» вновь становится местом вынужденного пре-
бывания княжича Ростислава. В 1228 г. на владычном дворе собирает-
ся вече, а в 1269 г. он превращается в мастерскую по починке военной
техники — «пороков». Наместники великого князя Михаила Тверско-
го в 1314 г. вновь оказываются узниками Владычного двора⁴⁸.

На фоне столь оживленной социально-политической деятельности двора роль самого архиерея в его устроении представляется достаточ-
но скромной: лишь в 1191 г. архиепископ Гавриил ставит Сретenskую
церковь «во дворе у себя». Возможно, с Владычным двором связано
сооружение, существовавшее к 1211 г. и известное как «палата» архи-
епископа Митрофана, в том же году перестроенное архиепископом
Антонием в церковь «во имя святого Антония». Активное строитель-
ство архиереев на Владычном дворе начинается лишь с правления ар-
хиепископа Василия Калики: в 1336 г. вокруг Софийского собора (и
по всей очевидности вокруг самого двора) возводится новая ограда, в
1341 г. здесь строится «терем великий», в 1350 г. — «палата камен-
ная» на дворе рядом с церковью Рождества Христова. Еще ранее ка-

⁴⁸ НПЛ. С. 24 (6644 [1136]), 26 (6650 [1142]), 51 (6718 [1210]), 67 (6736 [1228]), 86 (6776 [1269]), 94 (6822 [1314]).

кой-то «теремец» стоял на месте Входаиерусалимского храма, построенного в 1336 г. В 1388 г. упоминаются уже владычные сени — как возможное средоточие целого комплекса построек.

Владычный двор, часозвоня и Грановитая палата.
Современный вид с юго-востока

Архитектурное преображение Владычного двора продолжается и при архиепископе Евфимии II, при котором здесь возведены не менее 13 построек: в 1433 г. — новые «сени», или палата в стиле «кирпичной готики», позже названная «грановитой», созданная немецкими мастерами, которая в 1440 г. была расписана; в 1435 г. — церковь свт. Иоанна Златоуста на воротах, в 1436 г. — часозвоня, в 1437 г. — церковь св. митрополита Петра на воротах, в 1440 г. — комната каменная «меньшая», в 1442 г. — церковь свт. Николая, а также каменные комната и поварня, в 1443 г. — каменные «духовница и сторожа», в 1445 г. — церковь свт. Евфимия «на сенях». Позднее, при архиепископе Ионе, в 1463 и в 1466 гг. на Владычном дворе возводятся церкви прп. Сергия Радонежского и Богоявления Господня⁴⁹.

⁴⁹ НПЛ. С. 39 (6699 [1191]), 52 (6719 [1211]), 347 (6844 [1336]), 353—354 (6849 [1341]), 362 (6859 [1350]), 382 (6896 [1388]), 416 (6941 [1433]), 417 (6943 [1435]), 419 (6945 [1437]), 421 (6949 [1440]), 423 (6950 [1442]), 425 (6953

В итоге владычный двор предстает укрепленной внутригородской территорией, занятой многочисленными храмами, службами и постройками, расположенными на нескольких уровнях (по аналогии с осадными дворами боярства в древнерусском городе или даже местным замком), используемой совокупно владычным духовенством и служилыми людьми⁵⁰. Подобная ситуация складывалась не только в Новгороде, но и вокруг Софийского собора в Киеве, который вместе с комплексом соборных и жилых строений опоясывала мощная крепостная стена. Аналогичная ситуация сложилась в Переславле Южном, где митрополит Ефрем еще до 1089 г. заложил «град каменный» с епископскими воротами и надвратной церковью св. вмч. Феодора, в котором располагался Михайловский собор с «великой пристроєю», церковь св. ап. Андрея и «банное строение»⁵¹. К XVI—XVII вв. новгородский владычный двор превращается в замкнутый двухуровневый комплекс связанных между собою помещений и корпусов⁵².

Представлениям о Владычном дворе как о замке городского типа соответствует и характер выявленных здесь культурных отложений, свидетельствующий об этом участке как о городском усадебном комплексе, быт которого был во многом сходен с бытом прочих новгородских усадеб. Однако в обществе надежно укоренился стереотип, согласно которому архиерейская резиденция непременно должна быть похожа на монастырь. Между тем так было не всегда: церковная традиция предписывала резиденции епископа находиться рядом с кафедральным храмом, а детинец древнерусского города являлся в некотором роде его оградой⁵³. Новая «монастырская практика», окончательно сложившаяся в позднем средневековье, долго пробивала себе дорогу. Пожалуй, впервые лишь в 1276 г. Константинопольский патриарший Синод, в ответ на недоумение Сарайского епископа Феогно-

[1445]); Новгородская II-я (Архивская) летопись. ПСРЛ. 30. М., 1965. С. 172 (6971 [1463]); Новгородская IV-я летопись. ПСРЛ. 4. 1: 2. Л., 1925. С. 456, 498 (6971 [1463]); ПСРЛ. 16. Ст. 219 (6974 [1466]).

⁵⁰ Греков Б. Д. Новгородский Дом святой Софии... С. 27—28, 65.

⁵¹ Кирпичников А. Н. Ладога и Переславль Южный — древнейшие каменные крепости на Руси // Памятники культуры. Новые открытия / Д. С. Лихачев (ред.). М., 1977. С. 427—428; Каргер М. К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 206—216.

⁵² Гордиенко Э. А. Владычная палата Новгородского Кремля. Новгород, 1991; Гордиенко Э. А., Петрова Л. И. Опись вотчинам новгородского архиепископа и церковной утвари 1763 г. Публикация и комментарий // Новгородский исторический сборник. 5 (15). 1995. С. 10. Рис. 16, 17.

⁵³ Голубцов А. П. Соборные чиновники и особенности службы по ним. М., 1907. С. 38, 51—54.

ста, который спрашивал, имеет ли право епископ устроить свою резиденцию в монастыре, однозначно разрешил такое совмещение⁵⁴.

Очевидно, что общественное сознание того времени воспринимало монастырь и владычный двор в существенном различии их социально-политических функций. Однако во второй половине XIII в. русский епископат, отстаивая свою юрисдикцию над монастырями, создал ряд прецедентов, обустроив епископские резиденции на территории монашеских общин. Эти прецеденты получили поддержку Патриаршего Синода, но не древнерусского общества. Можно вспомнить события 1312—1313 гг., когда в Новгороде архиепископ Давид основал Никольскую церковь «на своем дворище», а потом устроил в ней монастырь и всedневную службу⁵⁵. Речь шла как раз о городском дворе, находящемся в собственности владыки в Неревском конце, но вовсе не о Владычном дворе. Епископский двор явно не рассматривался как личная резиденция, это было общественно-значимое место с определенными функциями. Учитывая особый патронат Святой Софии — Премудрости Божией над Новгородом и Новгородской землей⁵⁶, можно утверждать, что Владычный двор вместе с Софийским собором были своеобразной персонификацией новгородской Церкви, к которой так же приложимо имя «дом Святой Софии». Это имя становится в настоящей книге символом взаимоотношений новгородского епископа и средневекового общества.

Чтобы продемонстрировать особенности таких взаимоотношений, автор предлагает обратиться к наиболее спорным и наименее изученным вопросам истории новгородской Церкви в серии очерков. В этих очерках мы постараемся, насколько возможно, придерживаться известной последовательности епископских правлений, предлагая краткую характеристику каждому из них на фоне присущих эпохе проблем. Эти реальные *исторические проблемы* сегодня стали *проблемами историков*. Ученые не только пытаются правильно понять отголоски дошедших до нас исторических событий, но хотят увлечь ими читателя, сделав его соучастником исторического расследования, что зачастую имеет характер захватывающего детектива.

Зачем епископа Феодора «уел» его собственный пес? Почему новгородские архиереи XI в. так часто умирали в Киеве? В каком отно-

⁵⁴ Памятники древнерусского канонического права. 1: Памятники XI—XV вв. / С. А. Павлов (ред.). Русская историческая библиотека. 6. СПб., 1908. Ст. 137.

⁵⁵ НПЛ. С. 94 (6820 [1312]).

⁵⁶ Хорошев А. С. Новгородская святая София и псковская Святая Троица по летописным данным (из истории местных патрональных культов) // Хорошие дни. Памяти А. С. Хорошева / А. Е. Мусин (ред.). Великий Новгород; СПб.; М., 2009. С. 102—116; Мусин А. Е. Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб., 2010. С. 5—8.

шении к новгородской Церкви находится известный нам сегодня патриарший титул, включающий в себя упоминание «всех Руси»? Были ли связаны постоянные конфликты новгородских владык с митрополитами в Киеве и в Москве с противостоянием «свободолюбивого Новгорода» и «князей-тиранов»? Сколько лет могло быть епископу Никите в момент его кончины, и почему его печать была найдена за многие сотни километров от Новгорода, а архиепископ Нифонт освящал антиминс для храма св. вмч. Георгия с разрешения Ростовского епископа Нестора? Почему епископ Иван Попьян был вычеркнут из истории новгородской Церкви, какую роль в этой истории сыграло княжеское «спонсорство»? Избрание епископов на вече — было ли оно следствием демократических процедур, существовавших в Новгородской «боярской республике», и был ли епископ Илья действительно избран на вече? Почему «коллаборационист» и «тиран» Александр Невский стал святым, как вообще становились святыми в средневековом Новгороде? Икона Софии-Премудрости Божией, где она представлена огненным ангелом, — что она изображает и какое отношение к ней имеет архиепископ Алексий? Зачем новгородцы (с благословения архиепископов) приглашали к себе на службу литовских князей и польских королей? И были ли они «изменниками Православию», когда совместно молились с митрополитами Киевскими Герасимом, Григорием и, быть может, Спиридоном? Кем приходился архиепископ Новгородский Евфимий Брадатый новгородскому «олигарху» Оницифору Лукичу? Были ли новгородцы «тайными иудеями», «еретиками», «язычниками» и «колдунами», как их именовали великокняжеские чиновники из Москвы? Почему архиепископ Геннадий Гонзов не только не участвовал вместе с прп. Иосифом Волоцким в борьбе против «жидовствующих», но даже был лишен кафедры? Действительно ли в истории Русской Церкви имели место «канонизационные соборы» митрополита Макария, на которых местных подвижников благочестия провозглашали святыми? Почему присланные из Москвы новгородские владыки в одночасье становились поборниками «новгородской старины» — свободы и независимости?

В центре бесчисленных исторических загадок непременно оказывается Владычный двор, отношения которого с современниками и определяли бытие дома Святой Софии.

История еще долго будет загадывать нам все новые и новые загадки, ведь простые и исчерпывающие ответы даются лишь на простые и неинтересные вопросы. Чем сложнее вопрос, тем трудней на него ответить, тем больше скрупулезности, дотошности, внимательности требуется от исследователя-сыщика, вступившего на путь разгадывания исторических загадок...

Очерк I

МЕТАМОРФОЗЫ «ТЕМНОГО ВРЕМЕНИ»

Если в русской истории и есть «темные века», непроницаемые для историка в силу скудости известий о них, то в первую голову это эпоха Владимира Святого и Ярослава Мудрого. События и процессы того времени трудно «прочитать» и реконструировать; последнее несомненно свидетельствует о том, что культура Древней Руси, а равно и сама страна и населявшие ее народы находились в стадии становления, поиска идеальных форм своей будущей истории, и эти формы закладывали контуры грядущего христианского общества.

Парадоксальным образом среди дошедших до нас свидетельств эпохи отсутствует то, что, казалось бы, обязательно должно сохраниться в христианском обществе — епископские диптихи. Так, последовательность митрополитов Киевских оказалось возможным восстановить лишь в результате кропотливого труда современных историков. Имя первого предстоятеля Русской Церкви — архиепископа Феофилакта, возглавлявшего посольство византийского императора Василия II на Русь в 988 г. и впоследствии переведенного на новую Киевскую кафедру из Севастии Армянской на востоке Малой Азии, вообще оказалось забыто церковной традицией¹. Его место занял некий Михаил — фантом, изобретенный средневековым книжником в XV в. и тем не менее удостоенный ныне в Московской патриархии титула «первого митрополита Киевского».

Быть может, его имя было внесено в искусственно созданный диптих русских митрополитов и в поздние редакции церковного Устава князя Владимира Святого, созданные в XV—XVI вв., под влиянием реформаторской деятельности митрополита Михаила I, занимавшего Киевскую кафедру в 1130—1145 гг. Это имя встречается в Уставной грамоте князя Ростислава Мстиславича Смоленской кафедре, созданной в 1030-е гг., т. е. в том же правовом контексте, что и во Владими-

¹ Поппэ А. В. Митрополиты Киевские и вся Русь (988—1305 гг.) // Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). СПб., 1996. С. 446—471; Турилов А. А. Южнославянские переводы XIV—XV вв. и корпус переводных текстов на Руси // Вестник церковной истории. 1/2 (17/18). 2010. С. 147—175, здесь с. 152, 171.

ровом Уставе. Возможно, первым документом, «совместившим» двух Михайлов, был утвержденный в Новгороде Устав князя Всеволода о церковных судах².

Еще более загадочно появление в этой истории некоего Леонтия или Леона, который в качестве первого русского митрополита встречается в Уставе князя Владимира, переписанном в Новгороде в XIV в. Этот документ превращает в современников князя Владимира Святого († 1015) и св. патриарха Фотия (858—867, 877—886). В русской письменности Леонтий иногда предшествует Михаилу, как это можно видеть в Печерской редакции Владимирова Устава, а иногда наследует его кафедру, как сказано в Троицкой версии этого документа³. Был ли Леонтий тем епископом, который отправился к русам при императоре Василии I Македоняnine (867—886), когда после неудачного набега на Константинополь русы, по свидетельству византийских историков X—XI вв., приняли крещение и даже епископа⁴, и чье имя могла сохранить византийская традиция, перенесенная позднее на Русь, или его имя вошло в русскую историю иным путем, — наверняка мы никогда не узнаем.

В Новгороде середины XV в. одновременно придерживались двух разных версий: первым киевским митрополитом считали как сомнительного Леона, чье имя было взято из текста Устава, так и вполне реального Феопемта, упомянутого в начальном русском летописании под 1039 г.⁵ Однако истории самой новгородской кафедры в этом смысле повезло куда больше. Ее диптихи сохранились и представлены сегодня несколькими редакциями, которые не противоречат друг другу⁶. В XI в. преемство епископской власти в этом городе выглядело следующим образом: епископ Иоаким Корсунянин, управлявший кафедрой 42 года (989—1030 гг.); Ефрем, «иже нас учаше», скорее всего, в качестве *locum tenens* (1030—1035/1036 гг.); Лука, бывший епископом 23 года (1035/1036—1058/1059 гг.), единственный, для которого

² Щапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы... С. 144—145, 154.

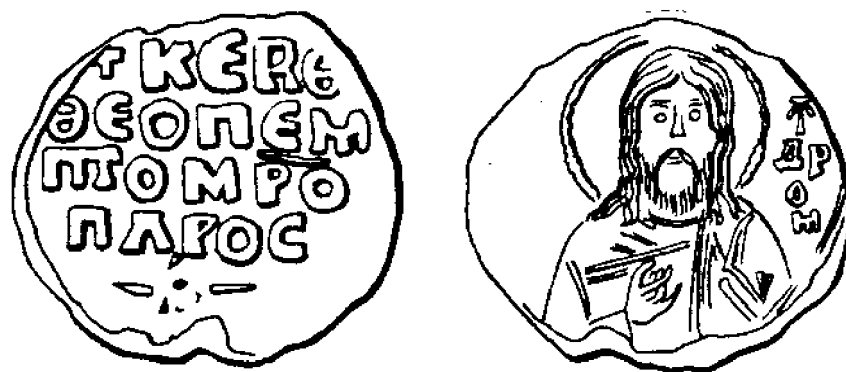
³ Там же. С. 72—73, 76.

⁴ Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / I. Bekker (ed.). Bonn, 1838. P. 1—211; Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Я. Н. Любарский (изд.). М., 1992.

⁵ НПЛ. С. 163 (6497 [989]), 473 (sine anno); ПСРЛ. 1. Ст. 153 (6547 [1039]).

⁶ Хорошев А. С. Летописные списки новгородских владык // Новгородский исторический сборник. 2 (12). 1984. С. 127—142; Гимон Т. В. События XI—начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / Е. А. Мельникова (ред.). М., 2012. С. 584—703. Я благодарен автору последней из упомянутых статей, с содержанием которой я смог познакомиться до выхода публикации в свет.

указаны сразу и день кончины — 15 октября, и место кончины — древнерусский город Копысь на Днепре, и место погребения — «за святой Софьею в Новгороде»; Стефан, бывший в епископии 8 лет (1060/1061—1068 гг.), его же в Киеве «свои холопы удавиша»; Феодор, который был епископом 9 лет (1069—1077 гг.) и умер, потому как его «свой пес уяде»; Герман, епископствовавший 18 лет (1078—1096 гг.) и по странному совпадению, как и Стефан, скончавшийся в Киеве; и, наконец, Никита, управлявший кафедрой 13 лет (1096—1108 гг.) и погребенный согласно летописи в Софийском соборе, в приделе свв. Иоакима и Анны⁷.

Печать митрополита Киевского Феопемта. 1030—1040-е гг. Прорись.
Свод В. Л. Янина

Уникальные бытовые подробности списка, отсутствующие в раннем летописании, свидетельствуют, что диптих вероятнее всего основан на устном предании дома Святой Софии. Это предание оказалось записано в Пространной редакции списка новгородских владык — между датой кончины архиепископа Давида († 1325), чьим именем обрывается редакция, содержащаяся в Новороссийском списке Новгородской 4 летописи и Уваровском списке Ермолинского летописца⁸, и 1352 г., когда еще были живы оба преемника Давида на кафедре — Моисей и Василий Калика. Таким образом, погодная редакция новгородского архиерейского диптиха, обязанная своим появлением Пространной редакции, есть не что иное, как умозрительная реконструкция книжника XV в., использовавшего для своей работы указанные летописи. Однако сейчас трудно сказать, были ли интересующие нас бытовые подробности изначально заложены в уже существовавший

⁷ НПЛ. С. 473 (sine anno).

⁸ Новгородская IV-я летопись. ПСРЛ. 4. 1: 3. Л., 1929. С. 625 (sine anno).

синодик новгородских владык или же перечень с фольклорными деталями впервые стал известен лишь в XIV в.

Представляется, что если в основе списка и лежал синодик дома Святой Софии, то это не был помянник с точными датами кончины каждого епископа, предназначенный для ежегодного совершения заупокойных служб, но текст, который велегласно читался в Софийском соборе во время службы Торжества Православия в первое воскресенье Великого Поста⁹. Этот перечень не предполагал никаких иных подробностей кроме имен почивших, которым возглашалась «Вечная память». Именно в таком виде перечни киевских митрополитов и новгородских архиереев, князей и посадников присутствуют в Комиссионном списке Новгородской летописи. Здесь, кстати, не упоминается избранный на новгородскую кафедру монах Арсений, которому там не положено было быть как не получившему хиротонии, а имя епископа Иоанна Попьяна вставлено, судя по всему, лишь в XV в. непосредственно из летописи и ради «исторической правды». Последний действительно был епископом в Новгороде, но в силу отказа от кафедры лишился права на епископское достоинство и молитвенное поминовение, о чем перечень непосредственно и сообщает. Очевидно синодикальный перечень новгородских владык, включавший как фольклорные подробности, так и летописные известия (в том числе и специально высчитанные сроки святительства каждого архиерея), был создан позднее и на основе чина Торжества Православия.

Из всего сказанного следует несколько выводов, касающихся истории дома Святой Софии в XI в. В это время «дом» еще «строился», о чем также свидетельствует и современная археологическая наука: здесь не существовало не только летописания, но и стабильной канцелярии, способной фиксировать кончину святителей для будущих панихид. Канцелярия, представленная скорее всего владычным духовенством, клиросом, приходила и уходила вместе со своим архиереем. Вряд ли изменения в перечне владык, связанные с новым характером известий о епископах начиная с рубежа XI—XII вв., где уже присутствует дата их кончины и место погребения, фиксируют время составления первой редакции списка. Более вероятно, что эти подробности обязаны своим появлением началу владычного летописания в Новгороде в 1110-х гг. и сопровождавшей его кристаллизации исторической памяти софийского клироса.

Сам же перечень, в силу его предполагаемой связи с чином Торжества Православия, в принципе не должен был иметь конкретной даты

⁹ *Никольский К.*, священник. Анафематствование (отлучение от Церкви), совершаемое в первую неделю Великого поста. Историческое исследование о чине Православия. СПб., 1879; *Успенский Ф. И.* Синодик в Неделю Православия. Сводный текст с приложениями. Одесса, 1893.

редактирования: имена добавлялись в чин после обновления кафедры. Возможно, он был внесен во владычную летопись в момент создания гипотетического свода 1160-х гг., будучи доведенным до епископа Аркадия.

Однако длительное сохранение устного предания свидетельствует, что в Новгороде уже началось складывание местной общины. Выражение «иже ны учаше», относящееся к местоблюстителю Ефрему, совсем необязательно должно быть связано со свидетелем событий. «Величественное множество», скрытое за местоимением «мы», лишь указывает на формирование церковной памяти, позволявшей члену Церкви причислить себя к единому потоку священной истории. Именно она позволяла церковным писателям эпохи средневековья вопрошать воображаемого или реального собеседника: «А помнишь, как на Первом Вселенском соборе, иже в Никее?..» Возможно, эта память до определенного времени сохранялась даже не столько в Софийском соборе, сколько в новгородских монашеских общинах, например в Юрьевом монастыре, в интересах которого в XII—XIII вв. на основе владычной летописи мог быть создан самостоятельный свод.

Впрочем, главный вопрос истории Новгородской церкви конца X—XI вв. даже не в том, кто и как управлял епархией, а чем и кем, собственно, приходилось управлять. С точки зрения истории церковной организации весьма важно понять, по какому принципу были объединены в евхаристические общины первые новгородские христиане. Церковно-административные округа на Руси, основанные на византийских принципах, были искусственно наложены на естественно сформировавшиеся общины и земли, из которых состояло молодое общество. По этой причине применение таких терминов, как «епархия» и «приход», по отношению к древнерусским реалиям нуждается в ряде ограничений. Сам термин «приход», искусственно объединяющий христиан, связанных местом проживания, а иногда и профессией, впервые упоминается в письменных памятниках лишь в 1485 г.¹⁰

Есть основания полагать, что в ряде случаев мы имеем дело с церковной структурой, специально созданной государством путем организации новых церквей, назначения к этим церквам «в прихожане» определенных групп населения и перекройки пределов ранее существовавших «мирских» общин. Так, в Новгороде XVI в. писцовые книги различают собственно новосозданные «приходы к церкви» и «мирские» храмы (очевидно, с традиционно сложившейся общиной)¹¹. Устав князя Ярослава Мудрого о митрополичьих судах, который был

¹⁰ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. / Л. В. Черепнин (ред.). М., 1964. Т. 3. С. 369.

¹¹ Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911. С. 37 и др.

Георгиевский собор Юрьева монастыря, вид с юго-востока.
Снимок 1900-х гг. Фотоархив ИИМК РАН

актуален еще в XIII—XIV вв., говорит не о приходе, но о «пределе —
переезде — уезде»¹², кальке греческого термина для обозначения цер-

¹² Щапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы... С. 89, 98, 106; Памятники древнерусского канонического права... Ст. 108.

ковной общины, который в Российском государстве конца XV—XVI в. превратился в административно-территориальный округ, уже не связанный с церковным управлением. Существовала еще «покаяльная семья», вообще не зависящая от территориальных границ: о последней упоминает епископ Новгородский Нифонт в своих канонических ответах¹³.

Итак, на начальном этапе становления Церкви в Новгороде пределы церковных общин зависели не столько от церковного права и предписанных им границ, сколько от «конструкции» городской общины. Какова была структура новгородского общества того времени? Известно, что под защитой I-й статьи *Правды Руской* в XI в. пребывали «русин» как представитель протофеодального военно-дружинного и торгово-административного слоя, концентрировавшегося вокруг князя, «словенин», относящийся к славянской патронимии, и «изгой», являвшийся лично свободным, но вышедшим из общины жизнеспособным феноменом¹⁴. Вероятно, кодификация этой *Правды* была связана с событиями местной истории, когда князь Ярослав в условиях союза с Новгородом во время гражданской войны 1015—1019 гг. был вынужден уравнивать в правах своих русов, проживавших в городе, с членами существовавших здесь славиний и подтвердить городские права «грамотами Ярославлими», на которых впоследствии основывались отношения города и его сеньора.

Принято считать, что социальную основу Новгорода составляла как раз славянская патронимия, представлявшая родовую аристократию¹⁵. Однако рядом существовала и другая, не менее значимая общественная сила — связанные с князем служилое боярство и его отроки-дружинники, к которым тесно примыкало население, объединенное в сотенную организацию. Ведь население города не было исключительно славянским. Уже в 930—950 гг., т. е. с самого начала существования Новгорода, среди жителей будущего Людиного конца к югу от Кремля были скандинавы, возможно, пополнявшие «княжескую» русь и практиковавшие культы и ритуалы северного язычества, связанные с основанием жилищ¹⁶. В свете новых археологических данных социальная организация раннего Новгорода представляется более слож-

¹³ Смирнов С. И. Древнерусский духовник. М., 1913. С. 45, 176—177.

¹⁴ Лебедев Г. С. Комментарий к статье I Русской Правды краткой редакцией... С. 78—84.

¹⁵ Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. 1 (11). 1982. С. 79—95, здесь с. 89.

¹⁶ Мусин А. Е. Скандинавское язычество на Востоке по данным археологии: общее и особенное // Российский археологический ежегодник. 2. 2012. С. 562—566.

ной, чем это казалось ранее, а происхождение города не может быть сведено к самоорганизации местной племенной аристократии во имя контроля над княжеской властью. В ранней истории Новгорода, как и во многих других эпизодах прошлого России, явственно ощущается уравнивающее начало общественной соревновательности, противостоящее омертвляющему влиянию политической монополии.

В *Правде Руской* есть одна поразительная вещь, на которую исследователи, похоже, не обращали должного внимания: этот закон еще не знает клириков как самостоятельных субъектов права. Очевидно, что существование двух социально-правовых систем — княжеской и общинной, «славянской» и «русиной», препятствовало формированию самостоятельного, подчиненного местному епископу сословия духовенства в Древней Руси. Совершенно очевидно, что в исследуемое время клирики естественным образом примыкали к уже имевшимся на то время общественным группам.

Следовательно, в древнерусский период основой церковной жизни были существующие подразделения социально-политической организации общества, представленные княжеским двором, городской сотней или боярской патронимией, население которых группировалось вокруг принадлежавшего к этой организации священника. Известие Новгородской летописи 1193 г. сообщает нам о походе воеводы Ядрея «в Югру ратью». Здесь среди «вячих» мужей, принявших участие в экспедиции, упоминаются Яков Прокшинич и поп Иванко Леген, очевидно, связанный с родом Прокшиничей и сопровождавший боярскую дружину¹⁷. Эта архаичная ситуация, которая допускала, что в священство рукополагали холопов без предварительного дарования им персональной свободы, вызывала озабоченность Вселенских патриархов еще в XIII в. Об этом повествуют дошедшие до нас грамоты патриарха Германа 1228 г. к митрополиту Кириллу I¹⁸, а также деяния Владимирского собора 1274 г.¹⁹ Дружинно-княжеская среда также имела в своем окружении «собственное» духовенство. Пресвитер упоминается в окружении княгини Ольги²⁰. «Свой презвутер» находился в шатре князя Бориса на Альте во время его предсмертного моления²¹. В белозерском походе Яна Вышатича 1071 г. вместе с дружиной участвует «попин Янев»²². Параллельно с этими тремя церковно-общественными объединениями существовала община городского собора, про-

¹⁷ НПЛ. С. 41 (6701 [1194]).

¹⁸ Памятники древнерусского канонического права... С. 79—84.

¹⁹ Там же. С. 80.

²⁰ ПВЛ. С. 32 (6477 [969]).

²¹ *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им // Памятники древнерусской литературы. Пг., 1916. Вып. 2. С. 33—34.

²² ПВЛ. С. 76 (6579 [1071]).

образ дома Святой Софии, представленная епископом и его окружением, «софиянами», — клиром и горожанами, скрепленными с ними разными видами социальных связей (вплоть до личной зависимости).

Новгородские летописи не всегда позволяют напрямую отождествить конкретный храм с «княжеской» или «боярской» общиной, а новгородская археология не выявила до настоящего времени «частных церквей» в раскопанных усадьбах²³. Однако существование подобных храмов в Древней Руси довольно хорошо известно²⁴. Судя по всему, ранние деревянные церкви XI в. возникали на границах уже освоенных «пятен» городской застройки, на тех самых местах, где их позднее сменяют каменные храмы. Равным образом можно говорить о том, что на Торговой стороне на правом берегу Волхова селилось преимущественно связанное с князем сотенное население, о чем свидетельствует достаточно скромный быт исследованных здесь усадеб, и строились по преимуществу княжеские храмы. Еще в 1030-е гг. на Славенском холме мог быть основан Ильинский храм, о котором речь еще впереди. В середине XI в. в Новгороде мог возникнуть храм во имя св. вмч. Дмитрия Солунского, впервые упомянутый много позднее, хотя почитание этого святого было связано с семейством князя Изяслава Ярославича, правившего здесь в 1050-е гг.; в 1113 г. строится княжеский Никольский собор, а в 1127 г. на дворе своего соратника Петраты князь Всеволод начинает строительство каменного храма во имя св. Иоанна Предтечи²⁵.

Храмы, которые мы условно называем «сотенными», предназначенными для молитвы общин, связанных с князем, строились и на Софийской стороне. Возможно, с победой Глеба Святославича над князем Всеславом в 1069 г., пришедшейся на память св. ап. Иакова²⁶, связано строительство Яковлевской церкви в Неревском конце. На месте самой битвы мог быть заложен Покровский Зверин монастырь. Рядом с ним уже в конце XI в. возник монастырь во имя св. прав. Лазаря, где существовал скрипторий, трудившийся над переписыванием богослужебных книг²⁷. Не позднее начала XII в. на северной оконечности

²³ Подробнее см.: Мусин А. Е. Церковная организация средневекового Новгорода в XI в. // Новгород и Новгородская земля в эпоху Ярослава Мудрого: источники и исследования / В. Л. Янин (ред.). Великий Новгород, 2010. С. 155—197.

²⁴ Стефанович П. С. Некняжеское церковное строительство в домонгольской Руси: Юг и Север // Вестник церковной истории. 1 (5). 2007. С. 117—133; Гиппиус А. А. К вопросу о новгородском Лазаревском скриптории рубежа XI и XII вв. // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 1 (27). 2007. С. 36—44.

²⁵ НПЛ. С. 20 (6621 [1113]), 21 (6635 [1127]).

²⁶ НПЛ. С. 17 (6577 [1069]).

²⁷ Янин В. Л. Новгородский скрипторий рубежа XI и XII вв. Лазарев монастырь // Археографический ежегодник за 1981 г. М., 1982. С. 52—63; Столярова Л. В. Свод записей... С. 31—55. № 13—48.

Церковь св. вмч. Дмитрия Солунского на Торговой стороне.
Вид с востока. Снимок В. В. Сулова. 1890-е гг. Фотоархив ИИМК РАН

того же конца появляется Дмитриевская церковь княжеского человека Ноздрицы²⁸. В связи с закладкой князем Мстиславом Владимировичем

²⁸ НПЛ. С. 21 (6626 [1118]), 42 (6703 [1195]).

Николо-Дворищенский собор. Вид с юго-востока. Снимок 1900-х гг.
Фотоархив ИИМК РАН

нового кремля в 1116 г., сразу после победы над чудью на память 40 мучеников Севастийских²⁹, можно говорить о строительстве к северу от

²⁹ НПЛ. С. 20 (6624 [1116]).

Собор св. Иоанна Предтечи на Опоках. Вид с северо-востока.
Снимок 1900-х гг. Фотоархив ИИМК РАН

него деревянного храма в честь этих святых. Ктиторм этой церкви в начале XIII в. был новгородский тысяцкий ³⁰.

³⁰ НПЛ. С. 52, 65 (6719, 6735 [1210, 1227]).

Покровский Зверин монастырь на р. Гзень. Церковь Покрова Богородицы.
Вид с юга. Снимок 1900-х гг. Фотоархив ИИМК РАН

Сложнее идентифицировать «боярские» церкви. В Неревском конце это могла быть существовавшая к XII в. Козмодемьянская церковь, упомянутая в 1146 г.³¹ и ныне не сохранившаяся. В XIV—XV вв. эта

³¹ НПЛ. С. 27 (6654 [1146]).

Церковь свщмч. Власия. Вид с юго-востока. Снимок конца 1900-х гг.
Фотоархив ИИМК РАН

церковь стала общинным храмом новгородских аристократов Мишиничей-Оницифоровичей³². Возможно, об этой церкви идет речь в со-

³² Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., 1998. С. 159—160.

хранившейся на стене Софийского собора процарапанной надписи, упоминающей Козму и Демьяна, которая может быть датирована 1050—1054 гг.³³ В Людином конце с боярскими патронимиями могла быть связаны церковь свщмч. Власия на Волосовой улице, которая возникла задолго до 1184 г., когда летопись сообщает, что «срубиша церковь нову св. Власия»³⁴. О возможной древности храма может свидетельствовать и одно из граффити Софийского собора, относимое к периоду 1050—1109/1112 гг., где говорится о кончине «раба Божия Исаия от святого Власия»³⁵.

Монастырь св. вмц. Варвары на Черницыне улице, история которого также может восходить к XI в., впервые упоминается в 1138 г.³⁶ В XII столетии его монахини проживали неподалеку в окрестных усадьбах, о чем свидетельствуют найденные здесь во время археологических исследований берестяные грамоты. В этих письмах сестры не только интересуются здоровьем «телицы святой Варвары» — очевидно коровы, принадлежавшей монастырю, но и записывают зачало Пасхальной службы, чин который существенно отличался как от современного богослужения, так и от службы, совершавшейся в средневековье в Софийском соборе³⁷.

Если сегодня с Пасхальным тропарем поются стихи из псалмов 67: 1-3 («Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут, яко тает воск от лица огня, тако да погибнут грешницы от лица Божия, а праведницы да возвеселятся») и 117: 24 («Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оный»), то в конце XII в. монахини исполняли псалом 106: 15—16 («Да исповедятся Господеви милости Его, и чудеса Его сыновом человеческим, яко сокруши врата медная и верей железныя сломи») и только потом обращались к привычному нам 117 псалму. Это свидетельствует об удивительном разнообразии литургических традиций, существовавших в Древней Руси. Средневековая Церковь сохраняла местные обычаи и отнюдь не стремилась к мертвящему единообразию.

Впрочем, большая часть «боярских церквей» могла располагаться в ближайших к городу селах, как это было с храмом свв. апп. Петра и Павла, построенном в 1092 г. жителями Лукиной улицы на Сильнице

³³ *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М., 1978. С. 114—124.

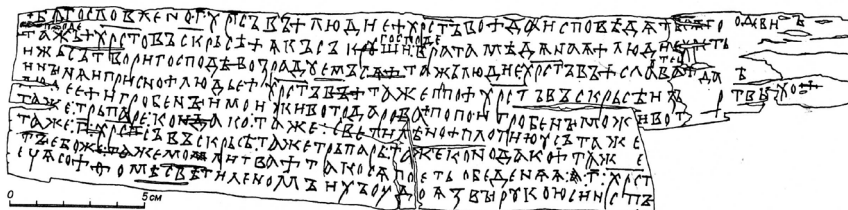
³⁴ НПЛ. С. 37 (6692 [1184]).

³⁵ *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. С. 80.

³⁶ НПЛ. С. 25 (6646 [1138]), 211 (6646 [1138]).

³⁷ *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990—1996 гг.). М., 2000. С. 28.

к югу от Новгорода, где существовало поселение X—XI в.³⁸ К концу XII в. церковь во имя св. вмч. Георгия стояла к северу от города на Волхове в Слудиче за рекой Робией, родовом селе неревского боярина, ставшего прп. Варлаамом Хутынским³⁹. Еще до 1189 г. появилась церковь во имя свв. Трех отроков на Жатуне на реке Веряже, где еще в XVII в. проходил путь из Новгорода на Руссу и Псков, память о которой сохранилось в названиях современных деревень Новгородского района — Три отрока и Желкун. Церковь должна была появиться в селе, связанном с боярами Прусской улицы и их родовым храмом в честь св. архангела Михаила, поскольку в 1219 г. «церковица мала» с таким же редким посвящением свв. отрокам Анании, Азарии и Мисаилу была поставлена «посторонь» Михайловской церкви, стоящей на этой улице⁴⁰. Скорее всего, с Жатуни в Новгород был перенесен, в соответствии с древней традицией, и сам престол, поскольку жизнь городской аристократии становилась все более зависимой от городской среды. Быть может, ранняя боярская церковь существовала в Деревяницах, по соседству с христианским кладбищем XI—XII вв., которое сформировалось вокруг снесенной до основания сопки — погребального памятника, традиционно связываемого со славянской аристократией⁴¹.

Берестяная грамота № 727 с зачалом пасхальной службы
конца XII—начала XIII в, найденная на усадьбе Варваринского монастыря.
Троицкий раскоп. Прорись

С этим явлением, отражавшим стремление новгородской аристократии стать горожанами, не порывая при этом связей с сельской

³⁸ Антипов И. В., Булкин Вал. А., Васильев Б. Г. Новые исследования памятников средневековой новгородской архитектуры // Новгород и Новгородская земля: история и археология. 17. Великий Новгород, 2003. С. 45—51, здесь с. 45—47.

³⁹ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004. С. 458; Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 206—211.

⁴⁰ НПЛ. С. 39, 230 (6697 [1189]), 59, 260 (6727 [1219]).

⁴¹ Конечный В. Я. Древнерусский грунтовый могильник у поселка Деревяницы около Новгорода // Новгородский исторический сборник. 2. 1984. С. 29—61.

Церковь свв. апп. Петра и Павла на Сильнице — Синичьей горе.
Вид с востока. Снимок 1900-х гг. Фотоархив ИИМК РАН

округой, откуда они все были родом, может быть связана еще одна загадка церковного Новгорода. Археологи давно шутят, что новгородцы в XI—XII вв. жили, но не умирали. Действительно, нам неизвестны на

территории города прицерковные кладбища этого времени, хотя появление погребений в пределах городских стен, *intra muros*, считается одним из ярких свидетельств христианизации местного общества. Достоверно известные захоронения при таких храмах, как церковь во имя свв. Бориса и Глеба в Кремле, построенная в 1167 г., или церковь св. вмч. Феодора Стратилата на Ручье, впервые упомянутая в 1329 г., могут быть отнесены к XIII в., быть может, к рубежу XII—XIII вв. Массовые погребения при храмах, открытые раскопками, относятся лишь к XV—XVI вв. Где же новгородские христиане погребали своих усопших? Похоже, ответ на этот вопрос напрямую связан с особенностями социальной организации средневекового Новгорода. Общинные кладбища находились за городской чертой, в селах и урочищах, связанных со славянскими патронимиями, выходцы из которых составляли значительную часть городского населения. Быть может, уже упоминавшееся ранее кладбище в Деревяницах является археологическим примером именно такой ситуации.

Церковь св. вмч. Феодора Стратилата на Ручью. Вид с юго-востока.
Снимок 1900-х гг. Фотоархив ИИМК РАН

Лишь со временем в результате усилий церковной иерархии и княжеской власти традиционное право уступило церковному и произошла «социальная нивелировка» христианских общин, различных

по своему общественному статусу. Не позднее первой половины XII в. появилось «Правило о церковных людях», стремившееся вывести древнерусское духовенство за рамки существующей схемы социальных отношений⁴². Этот процесс, в своих основных направлениях совпадающий с усилиями великокняжеской власти по созданию централизованного государства, и привел к образованию классического русского прихода XVI—XVII вв.

Роль епископа и связанного с ним дома Святой Софии в этих событиях трудно переоценить. Ключевое место в превращении Новгорода в христианский город принадлежат Владычному двору в новгородском Детинце с дубовым Софийским храмом, епископской домовою церковью свв. Иоакима и Анны и Пискуплей улицей⁴³. Исследования показывают, что епископский комплекс возник на уже обжитой во второй половине X в. территории Софийского холма. Легенда о том, что древний деревянный Софийский сбор «о 13-ти верхах», впоследствии погибший в пожаре, был изначально построен в южной части Кремля, остается лишь легендой. Археологические исследования на месте Борисоглебской церкви в Детинце не выявили следов ранее существовавшего деревянного храма⁴⁴. О строительстве деревянного Софийского собора в 989 г. сообщают лишь поздние летописные своды. Синодальный список Новгородской летописи, наиболее древний, сообщает о гибели некоего храма с посвящением святой Софии под 6553 г. (1045) и датирует это событие субботой 15 марта безо всякой детализации⁴⁵. Поскольку тут же сообщается о закладке князем Владимиром Ярославичем новгородской Софии, то известие о пожаре традиционно связывают с Новгородом. Однако в Комиссионном списке пожар датирован 4 марта 6557 г. (1049). Именно в этой летописи говорится, что древняя София находилась в «конце Пискупле улицы, идеже ныне поставил Сотке церковь камени святого Бориса и Глеба над Волховом»⁴⁶, который не дожил до нашего времени. Если 4 марта 1049 г. действительно было субботой, то 15 марта 1045 г. — нет. Существует предположение, что речь может идти о 15 марта 1046 г., и что сообщение о пожаре 1045 г. относится к Софии Киевской⁴⁷. Сама же легенда о местонахождении св. Софии в Новгороде на месте Бори-

⁴² Щанов Я. Н. Княжеские уставы и Церковь в Древней Руси. XI—XIV вв. М., 1972. С. 37—38, 118—121.

⁴³ *Dejevsky N. J. Novgorod in the early middle ages: the rise and growth of an urban community. BAR international series. 1642. Oxford, 2007.*

⁴⁴ *Строков А. А. Раскопки в Новгороде в 1940 г. // Краткие сообщения института истории материальной культуры. 11. 1945. С. 65—73.*

⁴⁵ НПЛ. С. 16 (6553 [1045]).

⁴⁶ НПЛ. С. 181 (6653 [1045], 6657 [1049]).

⁴⁷ *Сивак С. И. О деревянной Софии в Новгороде // Russia Mediaevalis. 7: 1. 1992. С. 9—15.*

соглебского храма могла возникнуть не ранее XIII—XIV вв. Именно в это время храм во имя свв. Бориса и Глеба являлся церковным центром Загородского конца и боярства Прусской улицы, и этому должно было соответствовать «славное прошлое» места, некогда выбранного для строительства храма⁴⁸.

Очевидно, одним из первоначальных слагаемых общественно-политического статуса Владычного двора была княжеская собственность на городскую землю, как это имело место в Смоленске, где князь Ростислав Мстиславич не позднее 1150 г. передал городской холм собору и епископу, или же в Европе, где подобные анклавы возникают исключительно на королевской или княжеской земле. Однако память о подвластной Рюриковичам земле прочно сохранялась в новгородском обществе. В источниках между 1339 г. и 1535 г. упоминается Околоток, территория которого надежно реконструируется в пределах Малого Земляного города 1582 г. и современного Кремлевского парка⁴⁹. Он полукольцом обнимал не только Владычный двор и Кремль, занимая южную часть Детинца, но и заполнял пространство между первоначальными городскими поселками. Возможно, это была территория будущего Новгорода, изначально принадлежавшая князю.

Чем был Софийский холм, находившийся под княжеской властью, в дохристианскую эпоху? Представляется, что именно здесь, «над Волховом», а отнюдь не в урочище Перынь, расположенном «над Ильменем», княжеский воевода Добрыня ставит новгородцам в 980 г. идол Перуна для поклонения⁵⁰. Очевидно, что Перынь, вокруг которой расположились княжеские земли — Городище, Юрьев монастырь, село Ракома и многочисленные славянские поселения, возникает как святилище еще в IX—X вв. Появление здесь идола Перуна противоречит сути языческой реформы 980 г., поскольку ее целью была попытка сделать княжеский культ всенародным. Гораздо более логичной выглядит водружение Перуна для населения нового города на Софийском холме, тем более что здесь, несколько южнее, мог располагаться языческий некрополь по обряду кремации⁵¹. Но уже в 988—992 гг. эта

⁴⁸ Янин В. Л. Церковь Бориса и Глеба в новгородском Детинце (О новгородском источнике Жития Александра Невского) // Янин В. Л. Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 246.

⁴⁹ Подробнее: Мусин А. Е. Новые данные по исторической топографии Великого Новгорода // Новгород и Новгородская земля: история и археология. 18. Великий Новгород, 2004. С. 292—303.

⁵⁰ Ср.: Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. С. 10—11, 14; Алешковский М. Х. Повесть временных лет: судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1979. С. 128.

⁵¹ Алешковский М. Х. Отчет об археологических раскопках на территории Новгородского Кремля в июне-августе 1959 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. Д. № 1985.

Вид на Рюриково Городище, Юрьев монастырь и урочище Перынь (слева) от храма Спаса-на-Нередице. Снимок 1900-х гг. Фотоархив ИИМК РАН

сакральная территория из-под княжеского патроната могла перейти во власть епископа.

Если о первом епископе Новгородском Иоакиме нам практически ничего не известно, кроме его предположительно херсонесско-корсунского происхождения, то преемник его по кафедре Лука Жидята, поставленный на кафедру князем Ярославом в 1036 г., более историчен. Он родился уже в христианской Руси — около 1000 г.: дата его рождения исчисляется на основании канонического возраста возведения в архиепископское достоинство — 30—35 лет. Утверждение Луки на кафедре произошло вместе с посажением на новгородский стол князя Владимира Ярославича, что было связано с широкими административно-политическими реформами и централизацией княжеской власти в Новгороде и Пскове⁵². Сведений о новгородском происхождении Луки у нас нет, а его патроним происходит, скорее всего, от непривычного сегодня славянского имени Жидислав⁵³.

Со временем правления епископа Луки может быть связано важное событие в истории Новгорода — появление в городе урочища «Десятина», где впоследствии совершится чудо

⁵² НПЛ. С. 66 (6544 [1036]).

⁵³ *Соболевский А. И.* Заметки о собственных именах. 4. Жидята // Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. Сборник Отделения русского языка и словесности. 88 (3). 1910. С. 255—256.

Вид на Софийский собор и Владычный двор с часозвони. Снимок 1900-х гг.
Фотоархив ИИМК РАН

от иконы Знамение и возникнет Десятинный монастырь. Легенда о Десятинном монастыре, якобы основанном в 998 г. Иоакимом Корсунянином, присутствует только в поздней летописи Авраамки⁵⁴. Само название «Десятинный монастырь» появляется лишь во второй половине XV в., тогда как в 1327, 1391 и 1413 гг. говорится о строительстве или перестройках церкви «на Десятине» или «в Десятине», т. е. городском урочище, носящем такое имя. Известно, что церковь Рождества Божией Матери возникает при архиепископе Моисее в 1327 г. трудами «княгини Святослави». В 1397 г. боярин Исак Акинфович строит здесь каменный храм, в 1413 г. другой боярин, Иван Морозов, ставит здесь новую каменную церковь в честь зачатия св. Иоанна Предтечи. К середине XV в. здесь возникает женский монастырь, а престол во имя св. Иоанна Предтечи становится придельным в храме Рождества Богородицы⁵⁵.

Археологические исследования в непосредственной близости от монастыря показали, что городская застройка с ведущими к выезду из

⁵⁴ Летопись Авраамки. ПСРЛ. 16. СПб., 1889. Ст. 40 (6506 [998]).

⁵⁵ НПЛ. С. 98 (6835 [1327]), 388 (6905 [1397]), 404 (6922 [1414]); Новгородская IV летопись ПСРЛ. 4. 1. М., 2000. С. 260 (6835 [1327]), 413 (6921 [1413]).

Церковь Рождества Богородицы Десятинного монастыря.
Вид с северо-востока. Снимок П. П. Покрышкина. 1912 г.
Фотоархив ИИМК РАН

города улицами существует здесь уже в XI в., а в 1040-х гг. появляется «поруб» — средневековая тюрьма⁵⁶. Характер материальной культуры этого квартала — с многочисленными пломбами и торговым инвентарем, а также «пограничное» расположение этого пространства у городской черты свидетельствуют, что мы имеем дело с комплексом мытной-таможни, традиционно располагавшейся у выезда из города, который должен был находиться в конце Прусской улицы. Отсюда начинался «Русский путь» в Руссу и Псков. Это объясняет, почему именно сюда зимой 1169—1170 гг.⁵⁷ пришли князья-союзники Андрея Боголюбского со своим войском: появившись у официального въезда в город — у «городских ворот», они (от имени князя Владимирского) потребовали ключи от города. Так сеньор требует подчинения от своего вассала. Сюда же, на переговоры с коалицией, пришел архиепископ Илья — с уже чтимой в Новгороде иконой Знамения Божией Матери.

Наша гипотеза о том, что значимость урочища была связана с расположением здесь городской таможни, подкрепляется и его названием — «Десятина». Речь идет именно о мытной десятине, а не о десятине Устава князя Владимира Святого 996 г. Из источников известно, что в середине XI в. князь Ярослав Мудрый своим уставом о святительских судах передает епископату право собирать таможенный налог в виде «десятой недели мыта»⁵⁸. Быть может, именно этот Устав упоминается в сообщении Новгородско-Софийской группы летописей под 1036 г., когда после утверждения в Новгороде князя Владимира и епископа Луки Ярослав Мудрый «написал людям грамоту и сказал: „По сей грамоте давайте дань“». В полном соответствии с княжеским Уставом епископ Лука Жидята устроил собственную мытню у восточных городских ворот. Территория рядом с будущим валом и Прусскими воротами отошла в собственность Церкви и получила соответствующее название. Стоит добавить, что мы считаем возможным связать строительство храма Рождества Богородицы на Десятине в 1327 г. с конкретной «княгиней Святославлей». Это Анна, вдова брянского князя Святослава Глебовича († 1310), сына Глеба Ростиславича († 1278), внука Ростислава Мстиславича Смоленского, единственная супруга князя по имени Святослав, подходящая на эту роль. Ее сын, Феодор Святославич, князь Дорогобужский, в 1326 г. приезжал в Новгород заключать мир от имени князя Гедимины, будучи членом литовского посольства⁵⁹.

⁵⁶ Гайдуков П. Г., Олейников О. М., Фараджеева Н. Н. Десятинный раскоп в Великом Новгороде // Институт археологии: новые полевые исследования / О. С. Румянцева, Н. А. Макаров (ред.). М., 2010. С. 80—83.

⁵⁷ НПЛ. С. 33, 221 (6677 [1169—1170]); ПСРЛ. 1. Ст. 361—362 (6677 [1169—1170]).

⁵⁸ Щапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы... С. 86.

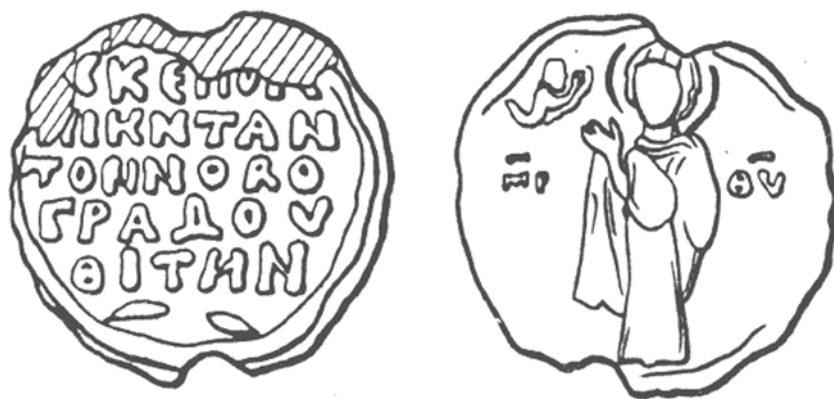
⁵⁹ НПЛ. С. 98 (6834 [1326]); Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. ПСРЛ. 43. М., 2004. С. 109 (6834 [1326]).

Осада Новгорода войском князя Андрея Боголюбского
и чудо от иконы Знаменье Божией Матери.
Миниатюра Лицевого летописного свода. Лаптевский том. XVI в.

Другим исторически осязаемым епископом XI в. является Никита, из пострижеников Киево-Печерского монастыря. Подробности его жития известны из Печерского патерика. Это единственный архиерей,

от делопроизводства которого сохранилась уникальная вислая печать, найденная на селище недалеко от Юрьева-Польского во Владимирском ополье: здесь изображена Богоматерь Халкопратийская, а сам епископ назван «пастырем новгородским»⁶⁰. Историческая «осязаемость» Никиты связана еще и с тем, что до нашего времени сохранились также и его мощи, обретенные в 1558 г. Состояние найденных останков заставило некоторых исследователей поставить вопрос о возможной фальсификации и подмене мощей в XVI в. Антропологическое заключение состояло в следующем: останки якобы принадлежат юноше или субъекту «более старшего возраста, евнухоидной конституции», в то время как на момент кончины Никите якобы не могло быть менее 50 лет⁶¹.

Печать епископа Новгородского Никиты. 1096—1108 гг. Прорись.
Свод В. Л. Янина и П. Г. Гайдукова

Однако (с учетом знания исторических и канонических реалий) получается, что могло. В момент поставления Никиты на кафедру в 1096 г. ему не должно было быть меньше 30—35 лет, т. е. родиться он был должен не позднее 1060—1065 гг. Из Киево-Печерского патерика известно, что около 1078 г. (время, когда обителью управлял игумен Иоанн) он был «юн», т. е. вполне мог быть в возрасте 13—18 лет — обычные лета для новонаначального монаха в средневековой Руси. Так, согласно Житию св. митрополита Петра (1308—1326), игумена Рат-

⁶⁰ Гайдуков П. Г., Янин В. Л. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2006 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 21. Великий Новгород, 2007. С. 146, 148. Рис. 12. № 53а.

⁶¹ Янин В. Л. Некрополь Софийского собора: церковное предание и историческое критика. М., 1988. С. 169—181.

ского, во время поступления в монастырь ему было 12 лет⁶². Если Никита пришел в обитель в подобном возрасте, то к моменту кончины († 1108) ему могло быть 42—48 лет, что не противоречит ни антропологическому заключению, ни принятому в иконографии описанию: «святитель млад, без броды».

Остальные новгородские святители XI в. в современных им источниках почти не отражены. Однако не только это объединяет их судьбы: всех их притягивал Киев как место окончания земной жизни. В Киеве умерли Стефан и Герман, а Лука преставился по пути из Киева. К тому же в судьбе Луки и Стефана роковую роль сыграли их собственные холопы. Лука был оклеветан холопом Дудикой, своими же холопами был удушен епископ Стефан. Известно, что епископ Лука в 1055 г. был вызван в Киев митрополитом Ефремом (*circa* 1055—*circa* 1061), где был предан суду и временно отстранен от управления кафедрой. Через 3 года обвинения были сняты, Лука был возвращен в Новгород, оклеветавший его холоп, подвергнутый согласно византийскому праву членовредительскому наказанию, бежал за границу. Характер конфликта между Лукой и киевским митрополитом остается неясным, но возникает закономерный вопрос, насколько мирными были визиты в «Рускую землю» Стефана и Германа, которые нашли там свою кончину при митрополитах Георгии (*circa* 1065—*circa* 1076) и Николае (*circa* 1093—*taq* 1104)? Рискнем предположить, что если известная нам автономия Новгородской земли от Киевской Руси была частью древнерусской конституции, то существование в Восточной Европе единой митрополии *Росия*, входящей во Вселенский Патриархат, никак не предполагало с точки зрения церковного права особого статуса составлявших ее епархий.

Считается, что прибавка «всея Руси» к титулу митрополита Киевского появилась только в 1160-х гг. — после объединения митрополии, длительное время расколотов неканоническим избранием на киевскую кафедру Климента Смолятича, при митрополите Иоанне IV (1164—1166), поскольку существуют печати митрополита епархии *Росия* с именем Иоанн, отождествляемого некоторыми исследователями именно с Иоанном IV⁶³. Однако этот титул использовался уже князем Всеволодом Ярославичем († 1093), который именовал себя «архонтом всей *Росии*», что также известно благодаря его печатям⁶⁴. Титул мог появиться в делопроизводстве в 1078 г., в момент завершения триумвирата Ярославичей (правления трех сыновей князя Яросла-

⁶² Книга Степенная царского родословия. ПСРЛ. 21: 1. СПб., 1912. С. 322.

⁶³ Понтэ А. В. Митрополиты Киевские и всея Руси... С. 458—459; Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. С. 50—52.

⁶⁴ Soloviev A. V. Un sceau gréco-russe au XIe siècle // Byzantion: Revue internationale des études byzantines. 40. 1970. P. 435—436.

ва Мудрого: Изяслава, Святослава и Всеволода). Более того, печати митрополита Иоанна Киевского с таким титулованием совершенно не обязательно должны принадлежать церковному деятелю XII в. В XI в. три главы Русской Церкви, которые занимали кафедру в 1020-е, 1080-е и 1090-е гг., носили это имя, и такая печать могла принадлежать любому из них.

Итак, особенности употребления титулатуры предполагают, что она активно присутствовала в церковном делопроизводстве. Стоит также вспомнить, что весьма близкий термин *πάντων τῶν Ρῶς* известен и в договорах *руси* с Византией, что по смыслу соответствует выражению «вся русь», употребляемому русской летописью. Однако вряд ли греки использовали буквальный перевод этого славянского выражения. Скорее всего, оно отражало политические реальности Восточной Европы, увиденные глазами византийцев. Социально-политическая раздробленность Древней Руси была привычным явлением, но греки в дипломатических сношениях стремились выделить из общей массы киевского князя как «архонта всей руси», который бы отвечал за соблюдение положений заключенных договоров. Аналогичным образом и Вселенский патриархат поставлял епископа в Восточную Европу для «всей руси» или, точнее, для «всех русов». Особенности политического положения Новгорода в составе древнерусской федерации не могли не повлиять на позицию епископов Новгородских, стремившихся утвердить похожие отношения в рамках единой Церкви. Это могло вызвать соответствующую реакцию киевских митрополитов-греков, жертвами которой и стали Лука, Стефан и Герман (в 1055, 1068 и 1095 гг. соответственно).

В истории новгородской кафедры есть еще одна загадочная смерть. Епископ Феодор, на время правления которого пришелся языческий бунт 1071 г., разделивший новгородцев на дружину во главе с князем и епископом и горожан во главе с волхвом, был «уяден» собственным псом. Скрывается ли что-то особенное за этой уникальной бытовой подробностью, которая в глазах современных событий читателей способна задеть епископское достоинство покойного? Известно, что собака в Византии рассматривалась как животное нечистое. Греки упрекали европейцев-латинян, что те «едят с псы в едином сосуде»⁶⁵. На Руси подобный взгляд на собаку, восходящий, возможно, к языческой архаике, тоже был хорошо известен⁶⁶. Если собака заходила в церковь, то храм после этого подлежал повторному освящению⁶⁷. Средневеко-

⁶⁵ Павлов С. А. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 195.

⁶⁶ Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1994. Т. 2. С. 84—100.

⁶⁷ Смирнов С. И. Древнерусский духовник. С. 148.

вый клирик и монах не имели права держать в жилище собаку. Не нарушил ли владыка Федор принятые в то время церковно-общественные нормы?

В любом случае, смерть от нечистого животного превращала умершего в «заложного» покойника, недостойного христианского погребения, что могло вызвать конфликт епископа и его новгородцев, описанный в летописи под 1071 г. Подобным образом Олег Вещий, князь-жрец, поклонявшийся Перуну — небесному громовержцу, умер от жала змеи, согласно летописному преданию поджидавшей его в конском черепе⁶⁸: и то и другое может быть понято как знаки другого языческого божества — Велеса, повелителя подземного мира. Такая кончина была предсказана ему языческим жрецом-волхвом, а сама легенда могла отражать противостояние двух жреческих традиций на Руси: народной и политической. К тому же столкновения епископа с его окружением вообще были характерны для ранней истории дома Святой Софии: холоп Дудика оклеветал епископа Луку перед митрополитом, от руки собственных холопов погибает епископ Стефан...

Однако нельзя забывать, что пес в христианской культуре является устойчивым символом язычника, демонического начала, восходящим к знаменитому изречению Христа «не давайте святыни псам» (Мф. 7: 6). Некоторые исследователи считают, что одно из реконструируемых божеств славянской мифологии — Симаргл — отличалось «собакообразием»⁶⁹. Следовательно, в глазах современников смерть епископа, противостоящего язычникам, от пса, символа язычества, могла приобрести мифопоэтическую интерпретацию, которая и позволила стать этому известию частью устной традиции. Так образы, присутствующие в сознании средневекового человека, являют нам отголоски истории, ставшей фольклором.

Итак, в XI в. дом святой Софии еще находится в стадии становления и поисках форм сохранения исторической памяти, которые могли быть как вполне характерными для христианского общества, так и реализовывать себя в эпических формах, присущих человеческой архаике. В то же время Владычный двор постепенно превращается в центр преобразования городской среды, выстраивая свои отношения как с горожанами, так и с Рюриковичами и митрополитами Киевскими. С утверждением этих отношений и будут связаны события XII в.

⁶⁸ ПСРЛ. 1. Ст. 38—39 (6420 [912]).

⁶⁹ Тревер К. В. Собака-птица: Сэнмурв и Паскудж. Л., 1937; Рыбаков Б. А. Русалии и бог Симаргл-Перепплут // Советская археология. 2. 1967. С. 91—116. Критику см.: Васильев М. А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси. Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. М., 1999.

Очерк II

ТАИНСТВЕННАЯ АНАФЕМА

Отношения новгородских епископов с русскими князьями, создавшими систему материального обеспечения молодой Церкви, складывались зачастую непросто. Непростой была и судьба епископа Иоанна Попьяна, который прибыл в Новгород после кончины епископа Никиты 20 декабря 1110 г. Однако, несмотря на активное церковное строительство в 1110—1120-х гг., возможное начало владычного летописания и кристаллизацию отношений новгородцев и Рюриковичей, пришедшиеся на период его святительства, епископ совершенно не упоминается на страницах летописи. Лишь под 1130 г. читаем: «В се же лето отвержеса архиепископ Иоанн Новгорода, и поставиша архиепископа Нифонта». Список епископов середины XV в. дает уточнения: «Иван Попьян, седев 20 лет, отвержеса архиепископья, сего не поминают», т. е. его имя было вычеркнуто из чина Торжества Православия и более не возглашалось публично среди имен других новгородских владык¹. Древнейший синодик, составленный в конце XIV в. в Лисицком монастыре, также не упоминает его имени. Руины этой обители, некогда бывшей одним из главных центров книжной мудрости в средневековом Новгороде и обладавшей собственным скрипторием, читатель может сегодня увидеть по пути в Хутынский монастырь — по правую руку, где на невысоком холме стоит одинокий крест.

Ряд псковских синодиков XVI—XVII вв. все же называют Иоанна в числе поминаемых архиереев². Однако существуют свидетельства о том, что в Пскове XVI в. исторические подробности, связанные с епископом Иоанном, были уже забыты. В некоторых редакциях жития архиепископа Нифонта, составленного псковским священником Василием в 1558 г., можно прочесть, что «блаженный Иоанн... ослабев в силах, оставил епископский престол и удалился в монастырь»³. Так не

¹ НПЛ. С. 19, 203 (6618 [1110]), 22, 407 (6638 [1130]), 473 (sine anno).

² Янин В. Л. Некрополь... С. 205—207.

³ Житие епископа Нифонта // Памятники старинной русской литературы. 4 / Г. Кушелев-Безбородко (изд.). СПб., 1862. С. 4.

раз бывало в истории, особенно в истории позднего средневековья, но к нашей истории это отношения не имеет. Известные нам обстоятельства «отвержения» Иоанна исключают возможность его удаления «на покой» в псковский Мирожский монастырь, якобы основанный им еще в начале 1120-х гг.⁴

Печать епископа Новгородского Иоанна Попьяна. 1110—1120 гг.

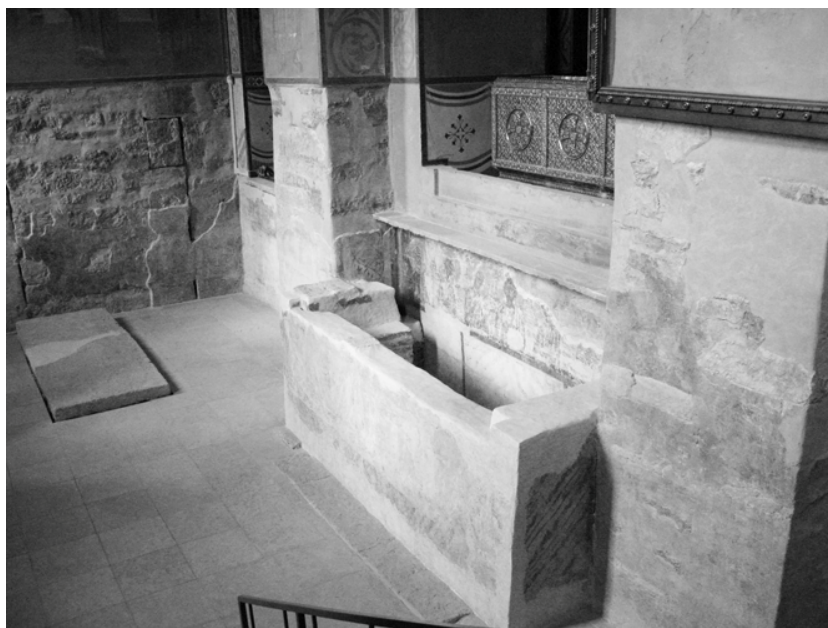
Причины «отвержения» епископа Иоанна не раз были предметом изучения отечественных исследователей. Епископа считали то сторонником князя, вступившим в конфликт со свободлюбивыми новгородцами, которые изгнали его из города и вычеркнули его имя из летописи, то поборником новгородских свобод, противостоявшим княжеской тирании и от нее пострадавшим⁵. Исследователи писали о стремлении епископа к независимости от киевского митрополита и даже от Константинопольского патриарха, привлекая для этого сохранившиеся свинцовые печати, которыми Иоанн скреплял документы и оформление которых (в частности, изображение св. ап. Иоанна Богослова, а также титул «пастырь новгородский») якобы свидетельствовало о подобных амбициях⁶. Однако сфрагистический тип Иоанновых булл не несет в себе ничего экстраординарного. «Пастырями» именовали себя и его предшественник Никита и его преемник Нифонт, а Вселенским патриархом в то время был Иоанн IX Агапит (1111—1134), на что

⁴ Эту версию см.: Круглова Т. В. К истории создания первых монастырей в Пскове // Древнерусское искусство. Художественная жизнь Пскова и искусство поздневизантийского эпохи. К 1100-летию Пскова. Сб. ст. / М. А. Орлова (ред.). М., 2008. С. 33—34.

⁵ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 50.

⁶ Янин В. Л. Печать новгородского епископа Ивана Попьяна // Вспомогательные исторические дисциплины. 9. 1978. С. 47—56.

могло указывать изображение соименного святого на печатях новгородского епископа. К тому же Иоанн, судя по всему, был выходцем из Византии, и его прозвище Попьян восходит к греческому патрониму *Popianos/Papaioanos*. Вряд ли он стремился к независимости от родного ромейства, смысла и содержания византийской веры и византийской жизни: греки не мыслили верности Православию без соблюдения греческих обычаев.

Кирпичная гробница в Мартирьевой паперти.
Софийский собор. Новгород. Конец XII в.

Было высказано предположение, что Иоанн был в 1144 г. с почестом погребен в кирпичной гробнице Мартирьевой паперти Софийского собора. Позднее его тело якобы без всяких почестей было извержено вон при погребении епископа Аркадия, когда Попьян и был исключен из новгородских синодиков как противник новгородской независимости⁷. Однако мнение о «небрежности» извлечения неизвестных останков из гробницы ничем не подкреплено, а сама гробница явилась, скорее всего, местом упокоения архиепископа Мартирия в конце XII в.

В этой истории есть два важных момента, нуждающихся в раздельном изучении. «Непоминание» Иоанна должно объясняться не

⁷ Янин В. Л. Некрополь... С. 23—57.

столько «нелюбовью новгородцев» к своему епископу, сколько вполне конкретным каноническим преступлением, заключавшимся в самовольном оставлении епископского престола.

Каноническое право Восточной Церкви предусматривает возможность отказа епископа от своей кафедры (Послание III-го Вселенского собора к памфилийской Церкви о митрополите Евстафии — т. н. 9 правило собора, 17 правило Поместного Антиохийского собора, 36 Апостольское правило, 16 правило Двукратного собора, 10 правило свт. Петра Александрийского, 2 и 3 правила свт. Кирилла Александрийского), что было хорошо известно в Древней Руси благодаря Кормчей книге XII в. — сборнику церковных правил, приписываемому киевскому митрополиту Ефрему⁸.

Такие отречения встречались в русской истории: в 1401 г. епископы Иоанн Новгородский и Савва Луцкий были вынуждены «отписаться» от своих кафедр. Известны отреченные грамоты архиепископа Новгородского Феофила 1482 г., новгородского архиепископа Сергия и суздальского епископа Феодора 1484 г.⁹ При соблюдении определенной процедуры, предполагавшей подачу письменного отречения митрополиту, епископ сохранял свое архиерейское достоинство — «имя, честь и общение епископа» — естественно, при условии невмешательства в управление своей бывшей епархией: «с тем токмо, чтобы он не рукополагал, не занимал церкви, и самовластно не священнодействовал». Именно с такими ограничениями административного характера, а отнюдь не с исключением из диптихов и запретом причащаться архиерейским чином, связаны такие пункты этих отречений в XV в., как обещания не вступаться ни в какие епископские дела, не учить и не проповедовать и даже «ниже епископом именоваться». Смущение, которое вызвало у летописца конца XV в. причащение «заштатного» митрополита Зосимы «во всем святительском чину» в Троице-Сергиевой лавре в 1496 г.¹⁰, должно объясняться восстановлением канонической практики, утраченной в эпоху становления русской автокефалии. В данном случае Зосима «все правильно сделал».

Более того, согласно церковному праву епископ сохранял свой сан, если он изгонялся с кафедры народным волнением или интригами духовенства. Однако ни один епископ не имеет права оставить вверенной ему кафедры, ссылаясь на пастырские трудности или «непокор-

⁸ Бенешевич В. Н. Древне-славянская Кормчая XIV титулов без толкований. СПб., Т. 1. 1906. С. 69, 108—111, 260, 564—565.

⁹ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. ПСРЛ. 11. СПб., 1897. С. 185 (6909 [1401]); ПСРЛ. 5. С. 252 (6909, 6912 [1401, 1404]); ПСРЛ. 6. С. 132 (6912 [1404]); Памятники древнерусского канонического права... Ст. 745—748, 750—754.

¹⁰ Владимирский летописец. ПСРЛ. 30. М., 1965. С. 139 (7004 [1496]).

ность народа». В этом случае он автоматически лишался чести и достоинства архиерея и исключался из церковных диптихов¹¹. Именно таков и был случай епископа Иоанна, отречение которого не было принято Церковью. Непонятно, предоставлялось ли оно вообще на суд высшей церковной власти, поскольку митрополит Михаил прибывает в Киев только летом 1130 г. Следовательно, причины исключения Иоанна из синодика лежат в самом факте церковного преступления — отвержения от кафедры, а не в посмертной мести новгородцев.

Печать митрополита Киевского Михаила. 1130—1145 гг. Прорись.
Свод В. Л. Янина

Однако этот вывод не объясняет причин самого отвержения. Попробуем рассмотреть историю епископа Иоанна на фоне исторических событий первой четверти XII в. Сразу стоит отметить, что за 20 лет его правления каждый второй год приносил стихийные бедствия и неурожай, а в 1128/1129 г., непосредственно перед оставлением Иоанном кафедры, в Новгороде разразился страшный мор¹². Известно, что первоначальной формой материального обеспечения Церкви на Руси была часть княжеских доходов в виде десятины, которая перечислялась соборным церквям. Таким образом, финансовые выплаты Церкви со стороны княжеской власти, напрямую зависевшие от урожая, в этих условиях не могли быть стабильными.

Именно в это время, в условиях хозяйственного кризиса первой трети XII в., возникают новые формы экономического обеспечения Церкви, связанные с княжескими пожалованиями земель епископским

¹¹ Читатель может познакомиться с этими канонами в авторитетном издании: *Николай (Милош)*, епископ. *Правила Православной Церкви с толкованиями*. СПб., 1911. Репринт. изд. М., 1994. Т. 1. С. 313—328; Т. 2. С. 76, 309—313, 523—526.

¹² НПЛ. С. 20—22 (6619-6636 [1111—1129]).

кафедр и монастырям, что снимало с княжеской власти часть ответственности за материальное содержание клира. Однако этот процесс разрушал основы церковной организации на Руси как единого экономического и административного организма, превращая отдельные церковные структуры в самостоятельные экономические единицы. Побочным явлением подобных пожалований было установление тесных связей между монастырем и донатором в ущерб подчинению монашеской общины епископу.

Парадоксальным образом, сразу после «отвержения» Иоанна (в начале 1130-х гг.) в Новгороде почти одновременно появляется несколько княжеских документов, связанных с новым экономическим обеспечением местной церкви. Такая «хронологическая компактность» событий создает ощущение, что Иоанн был одним из последних препятствий на пути утверждения нового порядка вещей. К числу интересующих нас документов относятся жалованная грамота князей Мстислава Владимировича и Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на волость Буйцы (1130 г.), грамота князя Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю на село Витославицы и другие земли (1134 г.), грамота князя Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на «рель» у Волхова (1134 г.), жалованная грамота Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на волость Ляховичи (1134 г.) и уставная грамота Святослава Ольговича Новгородской епископии (1136/1137 гг.), предполагающая замену десятины от судебных пошлин (вир и продаж) стабильной суммой в 100 гривен новых кун¹³. Подобные тенденции воплощены и в уставной грамоте Ростислава Смоленской епископии 1130-х гг., которая предполагает, что в случае неурожая десятина может быть сокращена.

Отмеченный нами комплекс грамот свидетельствует о характерном для Новгорода кризисе централизованной княжеской десятины, распределяемой органами церковного управления, создании самостоятельного монастырского хозяйства и усилении независимости монастырей от епископской власти. Формирование новых церковно-княжеских отношений, предполагавших отказ от прямого экономического патроната князя над епископатом могло вызвать протест со стороны епископа Иоанна, выступавшего за сохранение старой системы взаимоотношений.

Тот факт, что епископ Иоанн Попьян мог активно вмешиваться в дела монастырей, пытаясь взять иноческие общины под свой контроль, подтверждается его сложными отношениями с прп. Антонием Римлянином, основателем монастыря на берегу Волхова. Антоний стал «римлянином» только в поздних агиографических текстах XVI в.,

¹³ ГВНП. С. 139—141, № 79—82; Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. ... С. 135—142.

когда спор о том, кто является «Третьим Римом» и наследником Рима Первого — Новгород или Москва, разгорелся в полную силу, а латинское христианство стало окончательно ассоциироваться с «римской верой». Изначально новгородцы знали лишь, что Антоний прибыл в город «из немец», т. е. из абстрактной европейской заграницы. Тот легендарный факт, что он приплыл сюда на камне, якобы неизменном атрибуте кельтских святых, никоим образом не делает из него ирландского монаха-миссионера — для средневекового сознания это был привычный атрибут явления миру необычного человека.

Храм Рождества Богородицы Антониева монастыря. Вид с юго-запада.
Снимок 1890-х гг. Фотоархив ИИМК РАН

Монастырь был основан еще при епископе Никите. В 1117—1119 гг. здесь возводится величественный храм Рождества Пресвятой Богородицы¹⁴, но летопись ничего не сообщает об участии епископа Иоанна в его освящении. В духовной грамоте-завещании Антония можно прочесть санкцию против епископского засилья в монастырской жизни: если «епискуп станет насильством творити на месте сем, да будет проклят». Но эта фраза — лишь общее место подобных монастырских уставов в Византии, отстаивающих независимость своей

¹⁴ НПЛ. С. 20, 21 (6625, 6627 [1117, 1119]).

обители от внешнего давления. Однако известие, что, основывая монастырь, Антоний «не приях и имения ото князя ни от епискупа, но токмо благословение от Никиты епискупа»¹⁵, заставляет нас задуматься о действительных отношениях игумена с преемником Никиты. Кстати, игуменом Антоний официально стал лишь в 1131 г.¹⁶, т. е. получил официальное настоятельство из рук нового епископа Нифонта после смены архиерейской власти в Новгороде. Епископ Иоанн, похоже, демонстративно не возводил в сан главу одной из монашеских общин, что может свидетельствовать о натянутых отношениях монастыря с архиерейской кафедрой.

Интересно отметить, что предполагаемый нами протест русской иерархии против создания особого церковного хозяйства за счет земельных пожалований совпадает по времени с борьбой против харистикариата, которую вела церковная иерархия в Византии¹⁷. Напомним суть этого явления. В силу ряда причин, часто напрямую связанных с экономическим кризисом, монастыри и епископские владения попадали в зависимость от светских лиц — через аренду ими части церковной недвижимости или земельных угодий. Изначально предполагалось, что доход от такой аренды будет способствовать удовлетворению потребностей Церкви. Однако в итоге доходы от монастырского хозяйства попадали в чужие руки, а сами кафедры и обители оказывались в бедственном положении.

Процесс формирования монастырской земельной собственности на Руси внешне мало похож на существовавшую в Византии практику харистикариата. Однако эта разница не должна скрывать от нас существо дела: и здесь и там разворачивались события, приводившие мона-

¹⁵ ГВНП. С. 160, № 103; *Янин В. Л.* Грамоты Антония Римлянина и их датировка // Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 50.

¹⁶ НПЛ. С. 22 (6639 [1131]).

¹⁷ *Успенский Ф. И.* Мнения и постановления константинопольских поместных соборов XI и XII вв. о раздаче церковных имуществ (харистикарии) // Известия русского Археологического института в Константинополе. Одесса, 1900. С. 1—48; *Laurent V.* Charisticariat et commende à Byzance. Deux fondations patricarcales en Épire aux XIIe et XIIIe siècles // *Revue des études byzantines*. 12. 1954. P. 106—107; *Darrouzès J.* Dossier sur le charisticariat // *Polychronion. Festschrift Franz Dölger zum 75. Geburtstag / P. Wirth (dir.). Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der neueren Zeit. Reihe D. 1.* Heidelberg, 1966. P. 150—165; *Ahrweiler H.* Charisticariat et autres formes d'attribution de fondations pieuses aux Xe—XIe siècles // *Zbornik Radova Vizantinološk Instituta*. 10. 1967. P. 1—27; *Lemerle P.* Un aspect du rôle des monastères à Byzance: les monastères donnés à des laïcs, les charisticaires // *Comptes-rendus des séances de l'année 1967 de l'Académie des inscriptions et belles lettres*. Paris, 1967. P. 9—28.

стыри в зависимость от светского элемента, ослаблявшие их связь с местной епископской кафедрой и разрушавшие духовные основы монашеской жизни. Греческое духовенство, попадая на Русь, должно было рассматривать такое положение дел сквозь призму своего отношения к известному им по византийскому опыту явлению харистикариата.

Печать хартофилакса Великой Церкви диакона Никифора.
1080—1090-е гг.

Напомним, что в первой четверти XII в. Русской Церковью управлял грек — митрополит Никифор (1104—1121), обновивший практически весь епископат, который должен был разделять воззрения митрополита. Взгляды Никифора хорошо прослеживаются по четырем сохранившимся его посланиям, в которых князь приобретает обобщенные черты идеального защитника церкви¹⁸. Обычно история русских митрополитов греческого происхождения до их избрания на кафедру остается неизвестной, однако в данном случае мы считаем возможным отождествить Никифора Киевского с диаконом Никифором, хартофилаксом Софии Константинопольской¹⁹. Этот церковный деятель, бывший начальником канцелярии и хранителем архива Великой Церкви между 1081—1094 гг., предстает перед нами как авторитетный и образованный богослов. Нам известны пять его произведений. В 1091—1103 гг. он состоял в переписке с архиепископом Охридским Феофилактом (1078—1107), выступая в ней за независимость монастырей, и, вне всякого сомнения, был противником харистикариата.

¹⁸ Подскальски Г. Христианство и богословская литература Киевской Руси (988—1237). СПб., 1996. С. 246—247; Митрополит Никифор: исследования, древнерусские тексты, переводы, комментарии / В. В. Мильков (ред.). СПб., 2007.

¹⁹ Бенешевич В. Н. Ответы хартофилакса Никифора на вопросы монаха Максима // Византийский временник. 12. 1906. С. 518—524; Gautier P. Le chartofilax Nicéphore: œuvre canonique et notice bibliographique // Revue des études byzantines. 27. 1969. P. 159—195.

Печать митрополита Киевского. 1104—1121 гг. Прорись.
Свод В. Л. Янина

Совпадение имен, удивительное преемство в датах церковной деятельности в имеющихся источниках, до 1103 г. упоминающих экс-хартофилакса Никифора, а после 1104 г. — митрополита Никифора, а также писательский дар позволяют допустить немалую вероятность тождества двух церковных деятелей. В то время возведение в епископское достоинство, как в Византии, так и на Руси, допускало принятие лишь «просхимы» студийской традиции, что не предполагало перемену имени. К этому стоит добавить и предполагаемое преемство их высокого иерархического статуса. Привилегии хартофилаксов в Византии были хорошо известны, что делало их идеальными кандидатами на престижную митрополичью должность, пусть даже эта кафедра находилась в пределах «иноплеменников Фракийского диоцеза», как греческое церковное право именовало далекую Русь.

Интересно отметить, что митрополита Никифора сменил на киевской кафедре в 1122 г. некто Никита, скончавшийся 9 марта 1126 г. Между тем преемником диакона Никифора на должности хартофилакса Великой Церкви после 1094 г. был диакон с тем же именем Никита, равным образом состоявший впоследствии в переписке с Феофилактом Болгарским... Нельзя ли в связи с этим предположить определенное преемство кадровой политики Вселенского патриархата в отношении митрополии *Росия*, по крайней мере, для эпохи Николая III Грамматика (1084—1111) и Иоанна IX Агапита (1111—1134)?

Подведем краткие итоги событиям Софийского дома начала XII в. Отсутствие каких-либо данных о конфликте между Новгородом и его епископом не оставляет сомнений в том, что инициатива отвержения исходила непосредственно от Иоанна, за что он и был извержен из диптихов. Возможная причина такой отставки могла быть связана с протестом архиерея-грека против складывавшейся на Руси новой

практики церковно-княжеских отношений, в том числе и в области экономического обеспечения Церкви. К 1130 г., моменту предполагаемого обострения этих отношений, из епископов, рукоположенных митрополитом Киевским Никифором, на кафедре оставался один Иоанн Новгородский, который, как представляется, пытался отстаивать византийский взгляд на отношения епископа и правителя. Климатические катастрофы, сопутствовавшие его правлению, могли усилить эсхатологические ожидания в средневековом обществе, которое и без того вечно жило в предчувствии конца истории. В этих условиях Иоанн, в полном соответствии со словами апостола Павла из послания к Солунянам, мог рассматривать себя как последнее препятствие на пути «тайны беззакония» (2 Фес. 2: 7) — нового порядка вещей, оставившего Церковь один на один с ее экономическими проблемами. С уходом Иоанна новый порядок вещей окончательно утвердился...

Очерк III

ГЕОГРАФИЯ ВЛАСТИ

Как далеко простиралась власть дома Святой Софии? В Византии традиционно канонической территорией епископа была совокупность полиса и хоры, на которую распространялась власть гражданской общины. Второе правило II-го Вселенского собора (381 г.) категорически запрещало областным епископам простирать свою деятельность на соседние епархии, а 17 правило IV-го Вселенского собора (451 г.) закрепляло приоритет гражданского территориально-административного деления над церковным¹. Своеобразие применения этих канонических норм на Руси еще не до конца выяснено исторической наукой. Однако уже сейчас незначительное число епископских кафедр, которое было всегда меньше реального количества древнерусских княжеств и городов, наводит на мысль о жестком применении нормы 57 правила Лаодикийского собора (360 г.), которое налагало ограничения на поставление епископов в малые города и села². На территории Древней Руси в период X—XIII вв. существовало лишь 19 архиерейских кафедр, тогда как в Византии VI в. исследователи насчитывают от 750 до 1000 епископов. Очевидно, древнерусское представление о городе как центре княжества не всегда совпадало с византийскими представлениями о полисе как центре епархии — вследствие малочисленности городского населения Древней Руси, которое оценивается исследователями по-разному³.

Один из древнейших памятников канонического права Древней Руси, правила митрополита Иоанна II (1076—1089), все же упоминает возможность раздела епархий и даже самой митрополии. Такой раздел можно производить «боязненно», лишь в тех областях, где проживает многочисленный народ, составляющий новую епархию, и только с согласия первосвященника области и собора епископов. Очевидно, что ос-

¹ *Никодим (Милош)*, епископ. Правила Православной Церкви... Т. 1. С. 247—252, 372—375, 521—522.

² Там же. Т. 2. С. 69—70, 73, 76—77, 114.

³ В этой связи см.: *Горская Н. А.* Историческая география России периода феодализма. М., 1994.

новой епархиального деления в данном случае признаются не столько географические и политические обстоятельства, но, прежде всего, демографические показатели, в том числе численность городского населения. Отсылка к 12 правилу IV-го Вселенского собора в Халкидоне касается, прежде всего, запрета на употребление авторитета светской власти для раздела уже существующих епархий вне соответствующего соборного решения. Отражение подобного канонического прецедента в памятнике церковного права 80-х гг. XI в. можно связать с попыткой формирования триумvirатом Ярославичей (после смерти Ярослава Мудрого) трех митрополий — в Киеве, Чернигове и Переславле; косвенные свидетельства тому есть как в летописных текстах, так и в греческих источниках⁴. Есть основания связать окончательную ликвидацию Черниговской и Переславской митрополий с итогом деятельности митрополита Иоанна II и отнести их ко времени около 1088/1089 гг.

Однако кратковременное существование титулярных митрополий на Руси позволило выявить одну из особенностей ее церковной организации, как то чрепалосность епископской юрисдикции. Власть епископа не ограничивалась замкнутыми пределами княжества и заключенной в нем епархии, она подчинялась мобильности княжеской власти, следуя в известном роде за перемещениями князя и его дружины, подчас довольно хаотичными, по просторам Восточной Европы. В силу этого епископская юрисдикция иногда простиралась на весьма удаленные анклавы на землях, которые было бы логично переподчинить иному архиерею. Так, Ростовская и Смоленская земли в конце XI—начале XII в. в церковном отношении зависели от весьма далекой от них Переславской кафедры — в силу их подчинения княжившим в Переславле Рюриковичам. В Ростове, где самостоятельная кафедра просуществовала недолго — около 1072—1073 гг., известна строительная деятельность митрополита Переславского Ефрема⁵, а относительно Смоленска существует уникальное запрещение присоединять его к Переславской кафедре, содержащееся в Уставной грамоте Ростислава Мстиславича 1136 г.⁶ Как известно, древнейший путь из Киева в Северо-Восточную Русь лежал через Смоленское Поднепровье, а политический и церковный контроль над этим путем осуществлялся именно переславским князем, что и обуславливало подобное соподчинение.

⁴ Из новейших исследований см.: *Назаренко А. В.* Митрополии Ярославичей во второй половине XI века // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 1. 2007. С. 85—103.

⁵ *Щапов Я. Н.* Государство и Церковь в древней Руси X—XIII веков. М., 1989. С. 61.

⁶ Грамоты Смоленской епископии // *Российское законодательство X—XX вв.* 1: Законодательство Древней Руси / В. Л. Янин (ред.). М., 1984. С. 212—223.

Подобным образом должна объясняться и уже известная нам находка печати епископа Новгородского Никиты конца XI—начала XII в. на селище в Юрьев-Польском районе Владимирской области⁷. Удаленность находки, что скрепляла неизвестный нам документ, от резиденции новгородского архиерея не должна вызывать удивления. Предположительно, она указывает на пространство власти Новгородской епархии той эпохи, однако конкретные причины формирования анклава новгородской церковной юрисдикции во Владимиро-Суздальском ополье нуждаются в уточнении. Впрочем, именно в это время можно предположить существование колонизационных потоков переселенцев — из Новгородской земли в данном направлении, в том числе через Верхнее Поволжье; последние как раз и могли сохранить в дальних землях верность дому Святой Софии. Подобная ситуация складывалась и на сопредельных территориях. Так, положение Тверского края на стыке Новгородской, Смоленской и Ростовской епархий в условиях новгородской колонизации и политической активности Новгорода в регионе в XII—XIII вв. равно могло способствовать распространению здесь власти новгородских владык⁸.

Наиболее ярким примером такого церковного анклава является история Волока Ламского и непосредственно Иосифо-Волоцкого монастыря. До начала XVI в. как сам монастырь, основанный прп. Иосифом в 1479 г., так и другие местные храмы, о чем свидетельствует обмен посланиями канонического характера между князем Борисом Волоцкими и архиепископом Новгородским Геннадием⁹, находились под омофором владык дома Святой Софии. Однако в 1507 г., после конфликта игумена с князем Федором Борисовичем, последовавшего из-за монастырского имущества, будущий святой, не испросив благословения своего архиерея и тем самым нарушив церковное право, вручил себя покровительству великого князя Василия III и, как следствие, оказался связан с московским митрополитом теснее, нежели со своим епископом. Это вызвало протест архиепископа Новгородского Серапиона († 1516), который в 1509 г. отлучил Иосифа от церковного общения. Последнее стоило владыке кафедры, с которой он был смещен повелением великого князя и определением архиерейского собора, после чего Серапион, хотя и вышел некогда из игуменов Троице-Сергиева монастыря, отправился на покой в Спасо-Андроников монастырь в

⁷ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнейшая новгородская владычная печать // Византийские очерки: Труды российских ученых в XXI Международному конгрессу византистов / Г. Г. Литаврин (ред.). СПб., 2006. С. 230—234.

⁸ Малыгин П. Д. Тверь и Новоторжско-Волоцкие земли в XI—XIII вв. // Становление европейского средневекового города. Сб. ст. / В. В. Седов (ред.). М., 1984. С. 149—158.

⁹ Памятники древнерусского канонического права... Ст. 755—758.

Москве. Хотя действия архиепископа Серапиона с канонической точки зрения были непререкаемы, канонические наказания с игумена Иосифа были сняты и светской и церковной властями, в связи с чем новгородский владыка адресовал митрополиту Симону (1495—1511, † 1512) соответствующее послание, где в качестве главного обвинения в адрес Иосифа значилось то, что тот «от предела святыя церкви Божия Премудрости изскочил»¹⁰.

Иосифо-Волоцкий монастырь. Вид с запада. Снимок 1900-х гг.
Фотоархив ИИМК РАН

История подчинения Волока Ламского Новгородской Церкви восходит к 1030-м гг., когда князь Ярослав Мудрый переносит поселение Староволоцкое на место средневекового города на реке Ламе и создает в непосредственной близости монастырь, посвященный св. пророку Илье. Это предание сохранил для нас Волоколамский патерик, созданный в начале 1530-х гг. иноком Иосифо-Волоцкого монастыря Досифеем (Топорковым), племянником прп. Иосифа¹¹. Для возможного уточнения даты этого события стоит вспомнить, что у Ярослава Мудрого был сын Илья, который княжил в Новгороде, как полагают неко-

¹⁰ Послание митрополиту Симону // Послания Иосифа Волоцкого / А. А. Зимин, Я. С. Лурье (ред.-сост.). М.; Л., 1959. С. 331—333; *Моисеева Г. Н.* Житие Новгородского архиепископа Серапиона // Труды отдела древнерусской литературы. 21. 1965. С. 147—165.

¹¹ Волоколамский патерик // Семинарий по древнерусской литературе Московских высших женских курсов. 5. Сергиев Посад, 1915. С. 1—2.

торые исследователи, в начале 1030-х гг., и где он безвременно скончался¹². По нашему разумению, с этим событием связано создание Ярославом Мудрым сразу нескольких Ильинских храмов не только на Волоке и в Ярославле, о чем сохранились свидетельства в «Сказании о построении града Ярославля» и в уже известном нам Волоколамском патерике, но и в самом Новгороде, на Славне, где церковь с таким посвящением определенно существовала к 1104 г.¹³ Не исключено, что события на реке Ламе произошли непосредственно после посещения Ярославом Новгорода в 1036 г., когда на кафедру была поставлен епископ Лука. По пути из Северной Руси в Киев князь мог не только основать здесь новые храмы, но и подчинить их дому Святой Софии, как и сам Волок — Новгороду¹⁴.

Однако наряду с управлением удаленным анклавом новгородский архиерей мог ощущать подобные «канонические прорехи» и на территории собственной епархии. Отголоски таких проблем доходят до нас в связи с перипетиями 1136 г. в Новгороде, связанными с женитьбой князя Святослава Ольговича на неизвестной аристократке. Против этого брака выступил епископ Нифонт, который обратился к князю с библейскими словами: «не достоин ея пояти», сразу отсылающими нас к обличению царя Ирода св. Иоанном Предтечей. Известно, что иудейский правитель Ирод Антипа женился на Иродиаде, своей племяннице и жене сводного брата Филиппа, изгнав прежнюю супругу, дочь арабского царя Ареты, что и вызвало обличения Иоанна, который, согласно евангельскому тексту, говорил царю: «не должно тебе иметь ее» (Мф. 14: 3—4).

Трудно с точностью сказать, какие из евангельских коннотаций — развод, прелюбодеяние или брак в запрещенной степени родства — лежали в основе позиции Нифонта, но в результате епископ не разрешил ни белому, ни черному духовенству присутствовать на свадьбе, и Святослав венчался в Николо-Дворищенском соборе в Новгороде «своими попы»¹⁵. Упоминание в Новгороде в середине XII в. княжеского духовенства, неподконтрольного местному епископу, уникально. Впрочем, особый статус связанного с князем духовенства хорошо прослеживается в Новгороде и позднее, в XIII в. В частности, dokonчание Новгорода с князем Ярославом Ярославичем 1268 (1270) г. требует, чтобы священники храмов в княжеской резиденции на Городище не получали доходов с новгородских погостов¹⁶.

¹² Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 48—49. Ср.: Новгородские летописи. ПСРЛ. 3. СПб., 1841. С. 210 (6538 [1030]).

¹³ Воронин Н. Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // Краеведческие записки. Ярославль. 4. 1960. С. 28—40; НПЛ. С. 19 (6613 [1104]).

¹⁴ Ср.: Зимин А. А. Новгород и Волоколамск XI—XV вв. // Новгородский исторический сборник. 10. 1961. С. 97—116.

¹⁵ НПЛ. С. 24, 209 (6644 [1136]).

¹⁶ ГВНП. С. 13, № 3.

Храм во имя св. пророка Ильи на Славне. Вид с юго-востока.
Снимок 1900-х гг. Фотоархив ИИМК РАН

Какому архиерею подчинялось княжеское духовенство в каноническом отношении? Митрополиту или епископу того княжества, откуда князь прибыл в Новгород? Святослав пришел в Новгород из Чернигова. Значит ли это, что с ним пришли представители тамошнего духовенства? Не исключено, что князь сам был «архиереем» для своих попов. Подобная ситуация существовала при дворе византийских императоров, где особая новелла запрещала патриарху и епископам от-

странять от службы клир императорских резиденций в столице и провинции¹⁷.

В свете таких особенностей жизни Новгородской Церкви стоит обратить внимание на древнейший из дошедших до нас антиминов домонгольского времени, освященный владыкой Нифонтом и традиционно датируемый 1149 г. Он был найден в середине XIX в. в уже известном нам Николо-Дворищенском соборе. Надпись, которая читается практически полностью, сообщает: «Жертвенник святого мученика Георгия священ от Нифонта архиепископа Новгородского повелением епископа Ростовского Нестора при благочестивом князе Георгии сыне Мономаха сентября 1 лета 66[5]7 индикта 12»¹⁸. Упоминание в надписи епископа Нестора, повелением которого владыка Нифонт совершает освящение, трактуется в историографии как указание на то, что храм св. вмч. Георгия находился в Ростовской епархии, где как раз в это время архиереем был Нестор. Возможно, речь может идти о первом Георгиевском соборе в Юрьеве-Польском, который был построен князем Юрием Долгоруким еще в 1145—1148 гг. Это событие сравнивается с летописным сообщением 1148 г. об освящении архиепископом Нифонтом церкви Богородицы в Суздале, в той же Ростовской епархии, «великим священием»¹⁹, которое могло произойти одновременно.

Однако после 1 марта 1149 г. Нифонт находился в Киеве, будучи заточен князем Изяславом Мстиславичем и митрополитом Климентом Смолятичем в Печерском монастыре. Он был освобожден только после вступления в Киев князя Юрия Владимировича 26 августа и 1 сентября вряд ли мог находиться в Ростовской земле и священнодействовать здесь повелением Нестора. В Новгород он возвращается уже после 1 марта 1150 г. Следовательно, 1 сентября 6657 г., скорее всего, есть 1 сентября 1148 г.

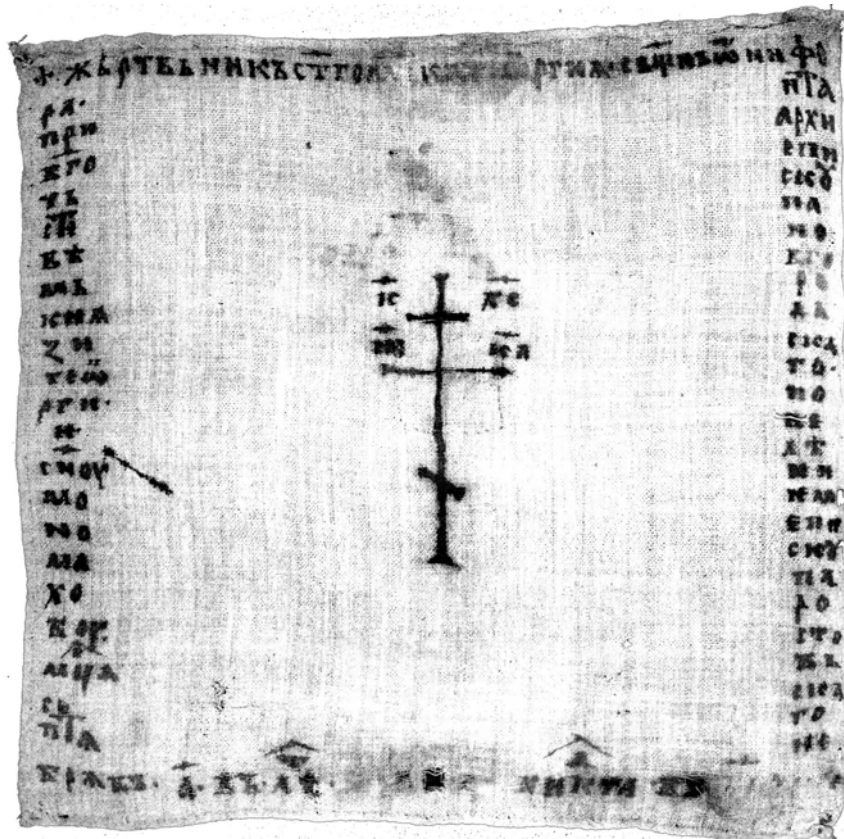
В пользу более ранней даты антиминов может свидетельствовать и именование Нифонта архиепископом в посвяtitельной надписи. Традиционно считается, что титул архиепископа, связанный со вторым местом кафедры в списке епархий Киевской митрополии, новгородские владыки получают в 1165 г., и первым архиепископом был Илья, речь о котором еще впереди. Именование Нифонта архиепископом в

¹⁷ Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001. С. 82—83; Burgmann L. Palatium canonibus solutum: Vier Texte zum byzantinischen Kirchen- und Verfassungsrecht aus dem Codex Zavordensis 121 // Cupido legum / L. Burgmann, M. T. Fögen, A. Schminck (ed.). Frankfurt am Main, 1985. S. 19—32.

¹⁸ Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV веков. Свод археологических источников. Е1-44. М., 1964. С. 28—32, № 25.

¹⁹ НПЛ. С. 28, 214 (6656 [1148]).

случае с антимином рассматривается как недоразумение, а иногда даже как свидетельство неподлинности священной вещи.

Антиминс храма св. вмч. Георгия, освященный архиепископом Нифонтом.
1148 г. Государственный Эрмитаж

Однако настоящий титул мог быть пожалован лично Нифонту Вселенским патриархом Николаем IV Музаломом (1147—1151). До нас дошло послание этого патриарха, адресованное Нифонту, правда, надо признать, что здесь он именуется епископом²⁰. И послание и предполагаемое пожалование явились следствием принципиальной канонической позиции новгородского владыки в связи с поставлением на киевскую кафедру митрополита Климента Смолятича (князем Изяславом и собором шести епископов без санкции Константинополя),

²⁰ Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 2. С. 581.

которое совершилось 9 августа 1147 г.²¹ Самочинное поставление митрополита раскололо митрополию. Епископ Нифонт заявил, что Климент был поставлен недостойно, поскольку не получил благословения от «великого собора», как мог именоваться Патриарший Синод. Новая титулатура, подчинявшая Нифонта непосредственно патриарху, могла рассматриваться киевским митрополитом как покушение на его права. В соответствии с уже известной нам практикой XI в. новгородский владыка был вызван на суд в Киев. Не исключено, что известие о новом титуле Нифонта вместе с патриаршим посланием в 1148 г. принес сам епископ Нестор, грек по происхождению, который как раз появляется на ростовской кафедре около времени освящения антиминса.

Итак, антиминс для некоего храма св. вмч. Георгия был освящен, скорее всего, 1 сентября 1148 г. В отечественной историографии мнение о том, что этот храм должен был находиться не в Новгороде, а в Ростове, обычно основывалось на рассуждении о том, что новгородский епископ, дескать, никак не мог находиться в зависимости от ростовского архиерея²². Однако нам уже известен факт пребывания в Новгороде в 1136 г. духовенства, неподконтрольного местному епископу и предположительно связанного с епархией того княжества, откуда князь приходил в Новгород.

Связь правивших в Новгороде князей с Ростовской землей определенно прослеживается в эпоху княжения здесь сыновей Юрия Долгорукого в 1138—1142 гг. и в 1150-е гг.²³ Однако это не исключает существования в Новгороде своеобразного «ростовского подворья» на протяжении всего этого времени, и в 1148 г. в частности. Вследствие этого возможность существования «жертвенника» вмч. Георгия в новгородских пределах, но в юрисдикции ростовского епископа, что требовало его «повеления» для освещения храма или нового антиминса, вполне допустимо. Поэтому мы предполагаем, что освятив совместно с Нестором Богородичный храм в Суздале, Нифонт к 1 сентября 1148 г. возвращается в Новгород, где на праздник Новолетия и совершает освящение антиминса для Георгиевской церкви. Известно, что с 1133 г. в Новгороде на Торгу в непосредственной близости от Николо-Дворищенского собора, где служило княжеское духовенство, стояла церковь св. вмч. Георгия²⁴. Остается добавить, что каноническая практика не только допускает возможность посылки архиереем антиминса в уже существующий храм, но и предполагает, что при каждой

²¹ ПСРЛ. 1. Ст. 315 (6655 [1147]); Ипатьевская летопись ПСРЛ. 2. М., 2001. Ст. 340 (6655 [1147]); НПЛ. С. 28 (6657 [1149]).

²² Впрочем, так полагали не все, см.: *Никольский К.*, протоиерей. Об антиминсах Православной Русской Церкви. СПб., 1872. С. 29.

²³ НПЛ. С. 25 (6646 [1138]), 26 (6650 [1142]), 29 (6662 [1154]).

²⁴ НПЛ. С. 23 (6641 [1133]).

смене епископа на кафедре тот должен переосвящать антиминсы для церквей своей епархии, подтверждая тем самым право местного духовенства на служение литургии.

Церковь св. вмч. Георгия на Торгу. Вид с юга, слева на заднем плане — собор св. Иоанна Предтечи на Опоках. Снимок 1900-х гг.
Фотоархив ИИМК РАН

Непосредственной зависимостью приходского духовенства от епископа и его соборного храма может объясняться и существование особых анклавов на территории конкретной епархии и кафедрального города. Стоит вспомнить, что городской клир был по своему статусу «приписан» к кафедральному собору со вседневной службой и лишь «командировался» к городским церквам, где службы совершались по праздничным и воскресным дням. Дополнительные подробности о характере архиерейской власти в Новгороде можно получить при знакомстве с историей организации владычного летописания XII—XV вв. Священник Герман Воята, скончавшийся в Пскове в 1189 г. и погребенный в Мирожском монастыре, традиционно рассматривается как один из первых владычных хронистов. Известно, что он прослужил у «святого Якова» 45 лет. Иерейская хиротония Германа состоялась в 1144 г., и рукополагал его епископ Нифонт²⁵. Еще одним деятелем

²⁵ НПЛ. С. 27 (6652 [1144]).

новгородского летописания был пономарь Тимофей, которого исследователи отождествляют с писцом (также клириком церкви св. Иакова) «Лобковского пролога» 1262 г., созданного для храма Нерукотворного Образа на Добрыне улице²⁶. Удалось установить, что Тимофей был не только создателем летописи и пролога, но и других кодексов XIII в., а также договоров Новгорода с князем Ярославом Ярославичем 1264—1268 гг. Иными словами, пономарь Тимофей предстает перед нами не только как владычный летописец, но и как секретарь новгородской владычной канцелярии, «владычный нотариус». Похоже, несколько поколений причта Яковлевской церкви были тесно связаны с домом Святой Софии, его канцелярией и летописанием.

Однако возникает вопрос, в каком из двух Яковлевских храмов Новгорода служили эти священно- и церковнослужители, поскольку церкви, посвященные св. Иакову, стояли на Добрыне улице в Людином конце и на Яковлевой улице в Неревском конце. Первое упоминание о храме в Неревском конце относится к 1172 г., однако церковь здесь существовала уже к 1135 г., поскольку тогда летописью упоминается соименная ей улица²⁷. Впрочем, как мы уже предположили, храм мог возникнуть сразу после 1069 г. Известно, что церковь св. Иакова на Добрыне улице существовала до 1175 г., когда она погибла в пожаре; в 1181 г. она была срублена заново²⁸.

Несмотря на интерес исследователей к данной теме, мнения о местоположении Яковлевской церкви, где служили летописцы, не отличаются разнообразием. Традиционно этот храм помещали в Людином конце и лишь изредка его связывали с Неревским концом, справедливо исходя из кончанских пристрастий летописца, который подозрительно часто обращал внимание на то, что происходило к северу от Кремля. Над исследователями во многом довлело «топографическое» доказательство принадлежности Яковлевского храма к Людину концу: эта церковь, как и церковь Нерукотворного Спаса, для которой писался пролог, стояли на одной улице²⁹. Однако такой аргумент не кажется безусловным. Заказ поступал туда, где, во-первых, имелся скрипторий, а во-вторых, туда, где работали профессиональнее, быстрее и не исключено, что дешевле.

Важным фактором могла быть и традиционность устоявшихся связей, что, на наш взгляд, и объясняет тот факт, что владычными летописцами и нотариусами дома Святой Софии на протяжении длительного

²⁶ Гунпиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. 6. 1997. С. 3—72.

²⁷ НПЛ. С. 23 (6643 [1135]), 34 (6680 [1172]).

²⁸ НПЛ. С. 34 (6683 [1175]), 37 (6689 [1181]).

²⁹ Гунпиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи. С. 5—6.

Церковь св. вмч. Пателеймона с гробницей св. блаж. Николая Кочанова
на месте прицерковного участка несохранившегося собора св. ап. Иакова.
Общий вид с юго-запада. Фото П. П. Покрышкина. 1914 г.
Фотоархив ИИМК РАН

времени оказывались клирики одной и той же церкви — храма св. Иакова. Считаем, что речь все же должна идти о храме в Неревском конце. Если Яковлевская церковь в Людином конце лишь изредка упоминается на страницах летописей, то неревская церковь св. Иакова не только постоянно фигурирует как важный религиозно-культурный центр, но в XIV в. это — один из семи городских соборов! Такой статус одной из древнейших церквей Неревского конца мог способствовать формированию здесь просвещенного клира, связанного с владычной канцелярией, чему есть дополнительное свидетельство — участие неревлянина Матфея Кусова во владычном летописании первой четверти XV в.³⁰ Судя по тесным связям местного клира с Владычным двором, можно считать, что церковь св. Иакова в Неревском конце изначально была «сотенным» храмом, тогда как отношения «боярских церквей» с епископом могли складываться иначе.

³⁰ Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. С. 80—84, 179.

Очерк IV

ВЕЧНО ЛИ ИЗБРАНИЕ НА ВЕЧЕ?

Как в Новгороде становились епископами? Ответ, казалось бы, всем известен. Архиерея, как и посадника, здесь избирали на вече — общем собрании горожан. Киевскому митрополиту оставалось лишь согласиться с избранным новгородцами кандидатом и совершить его епископскую хиротонию. Принято считать, что такая «церковная демократия» в Новгороде находилась как в противоречии с канонами Православной Церкви, так и пребывала в зависимости от прочих «республиканских» особенностей общественно-политической жизни этого города. Последнее якобы существенно отличало христианскую жизнь Новгорода от той церковной практики, которую летописи нам рисуют для остальной территории Руси. Согласно летописным известиям, поставление епископа здесь целиком находилось в руках князя и митрополита.

Принято также считать, что право избрания епископа на вече не возникло в Новгороде в одночасье, а стало своеобразной уступкой горожанам со стороны киевских митрополитов после определенных «дипломатических маневров» новгородской элиты. Однако это означало не победу новгородской кафедры над киевской митрополией, но поражение великокняжеского стола в борьбе с республиканским Новгородом, тогда как выборность архиерея оформила союз феодальной верхушки с церковной иерархией¹.

Такая картина сложилась не только в силу утвердившихся в общественном сознании стереотипов о «республике Святой Софии», но и как результат слишком доверчивого прочтения достаточно специфических памятников прошлого — летописей и сборников церковных канонов. Краткие летописные известия иногда воспринимаются как исчерпывающие «стенографические отчеты» о древних временах. Следовательно, чего нет в летописях, не бывало и в истории. Однако летописные строки отражают даже не политические пристрастия хрониста или же пресловутый нарратив, книжные штампы, которыми было

¹ *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. С. 35—36.

принято описывать происходящее вне органической связи с его содержанием. Погодные статьи русских хроник пытаются сохранить значимую для общества память о необычном, опуская при этом рутинные подробности, хорошо известные современникам. Именно к таким подробностям должна быть отнесена процедура поставления епископа в средневековом обществе. Впрочем, появление подобных деталей в летописном известии не обязательно было связано с экстраординарностью происшедших событий, а могло объясняться иными мотивами, связанными с интересами хрониста и его окружения. Более того, процедура епископского поставления в средневековье совсем не обязательно отвечала тому, что было записано в сборниках церковного права, как и окружающая нас сегодня действительность, что не вполне соответствует декларациям Конституции. Каноны и толкования к ним на то и писались, чтобы утвердить церковную норму в условиях, когда сама эта норма или постоянно нарушалась или просто не существовала.

Для того чтобы правильно понимать место новгородской практики избрания епископов в системе канонического права и в древнерусской истории, следует учитывать, что замещение вакантной кафедры в православной традиции состоит из четырех последовательных моментов: избрание (наречение, *electio*), искус (испытание, *aprobatio*), собственно поставление (хиротония, или рукоположение, *ordinatio*) и восприятие ставленника церковной общиной (восприятие, *receptio*)². При этом собственно избрание, совершающееся еще до представления кандидата собору епископов для испытания, может иметь сложный многоступенчатый характер. Это заставляет нас задуматься о том, что Церковь не есть собрание «профессиональных верующих» — епископов, священников, монахов, а также «приходских активистов» — князей и бояр. Церковь есть община, и без участия этой общины в той или иной форме в избрании, испытании, рукоположении и утверждении на кафедре нового епископа никакое возведение в архиерейское достоинство невозможно. Поэтому главным вопросом истории поставления епископов в Древней Руси оказываются формы и степень участия горожан в этом событии, которые и определяли местные особенности средневековой канонической процедуры.

Действительно, если обратиться к немногочисленным свидетельствам русской летописи о поставлении епископов в Южной и Северо-Восточной Руси, описанный там масштаб участия князя и митрополита вроде бы не оставляет общине никакого общественного пространства. В 1126 г. князь Ярополк Владимирович «постави игумена Марка... его же постави Никита митрополит епископом Переславлю». И в остальных известных случаях главным действующим лицом также яв-

² Болотов В. В. Лекции по истории древней Церкви. М., 1994. Т. 3. С. 176—177.

ляется князь. В 1185 г. князь Всеволод пребывает в конфликте с митрополитом Никифором из-за того, что тот поставил в Ростов «по мзде» епископа Николая, и просит митрополита отправить на кафедру игумена Луку. В 1190 г. тот же князь отправляет в Киев на поставление своего духовного отца Иоанна, в 1214 г. князь Константин посылает к митрополиту Матфею игумена Пахомия для хиротонии в ростовские епископы, а князь Юрий — игумена Симона для Владимирской кафедры³.

Однако во всех случаях перед нами предстает лишь факт отправки посольства в Киев, завершавший избрание и имевший отношение к искусству и поставлению; полного же описания процедуры избрания, предшествующей посольству, и рецепции, следующей за хиротонией, мы нигде не находим. Можно, конечно, утверждать, что и то и другое являлось княжеской прерогативой, но не будет ли это насилием над источником? Ипатьевская летопись определенно называет отсутствие избрания и рецепции епископа местной общиной в событиях 1185 г. как достаточную причину отвержения присланного в Ростов епископа Николая: «не избрали его люди нашей земли, но ты, митрополит, своею волею его поставил». Ей вторит хронист Лаврентьевской летописи, утверждающий, что поставление в святительский сан происходит по призванию Бога и Богородицы и хотению князя и людей⁴. У нас нет оснований считать эти фразы демагогией хрониста, между тем конкретные формы волеизъявления общины в избрании нового епископа средневековым летописцем не отражены. Князь остается в источниках самым активным мирянином в данном процессе.

Впрочем, уже события 1230 г. во Владимиро-Суздальской Руси являют нам более сложную процедуру. Князья Василько, Всеволод и Владимир отправляют посольство к своему отцу князю Юрию Всеволодовичу и епископу Владимирскому Митрофану с просьбой дать согласие на поставление епископом в Ростов архимандрита Рождественского монастыря Кирилла, главу монашеского духовенства во Владимире, а может — и во всей епархии. Кирилл торжественно вступает в Ростов. Навстречу ему выходит все княжье, боярство, соборный клирос и приходское духовенство, а также «все горожане от мала до велика», которые вводят его «с великой честью» в соборную церковь⁵. Только на следующий год, 6 апреля 1231 г., Кирилла рукополагают в Киеве в епископы. Если летописец и прибегает здесь к нарративу, то этот нарратив наилучшим образом отражает процедуру общинного *electio et receptio*. Нечто подобное можно увидеть и в событиях 1190 г.,

³ ПСРЛ. 1. Ст. 296 (6634 [1126]), 390—391 (6693 [1185]), 408 (6698 [1190]), 438 (6722 [1214]).

⁴ ПСРЛ. 1. Ст. 390—391 (6693 [1185]); ПСРЛ. 2. Ст. 629 (6691 [1183]).

⁵ ПСРЛ. 1. Ст. 453 (6738 [1230]).

когда вернувшийся из Киева после хиротонии епископ Ростовский Кирилл, тезка того иерарха, с которым мы только что познакомились, последовательно объезжает все главные города княжества — Ростов, Суздаль и Владимир, представляясь таким образом городским общинам в новом качестве ради соответствующего *receptio*, подобно князю Всеволоду, который в то же самое время отправляется в полюдье по Ростовской земле ⁶.

Нельзя все же не признать, что деятельному участию князя и завуалированному присутствию общины в замещении епископских кафедр в Северо-Восточной Руси противостоят систематические летописные упоминания об избрании епископа Новгородского на вече. Историографическая традиция начинает непрерывную цепочку избраний новгородских владык с 1156 г., когда на кафедру был избран епископ Аркадий ⁷. В трудах историков и в учебниках можно прочесть, что его преемник епископ Илья был избран на вече сразу же после смерти Аркадия 19 сентября 1163 г., хотя он впервые упоминается в летописи под 1165 г. в связи с собственной хиротонией. В этой «волоките» с рукоположением новгородского ставленника исследователи предпочитают видеть отрицательную реакцию Киева на выборные новшества, как это могло иметь место и с епископом Аркадием, рукоположенным только в 1158 г.

Устоявшийся исторический стереотип об избрании епископа Ильи на вече в 1163 г. основывается, прежде всего, на памятниках агиографии XV в. и на зависящих от них поздних летописных сводах ⁸. Однако ранние летописи ничего не сообщают об избрании Ильи ни в 1163, ни в 1165 гг. Более того, они прямо утверждают: «В лето 6673 поставлен бысть Илья архиепископом Новгороду от митрополита Иоанна при князе Рустем Ростиславе 28 марта на Вербницу и пришед Новугороду 11 мая при князе Святославе и посаднике Захарии» ⁹.

Все летописные сообщения об интересующем нас событии можно подразделить на пять групп. К первой группе относятся сообщения Новгородской I-й, IV-й и V-й летописей, а также Софийской и Тверской летописей. Сюда же примыкает и известие Никоновского свода. Текст известия звучит как «поставлен бысть Илья архиепископом Новгороду от митрополита Иоанна при князе Рустем Ростиславе» ¹⁰.

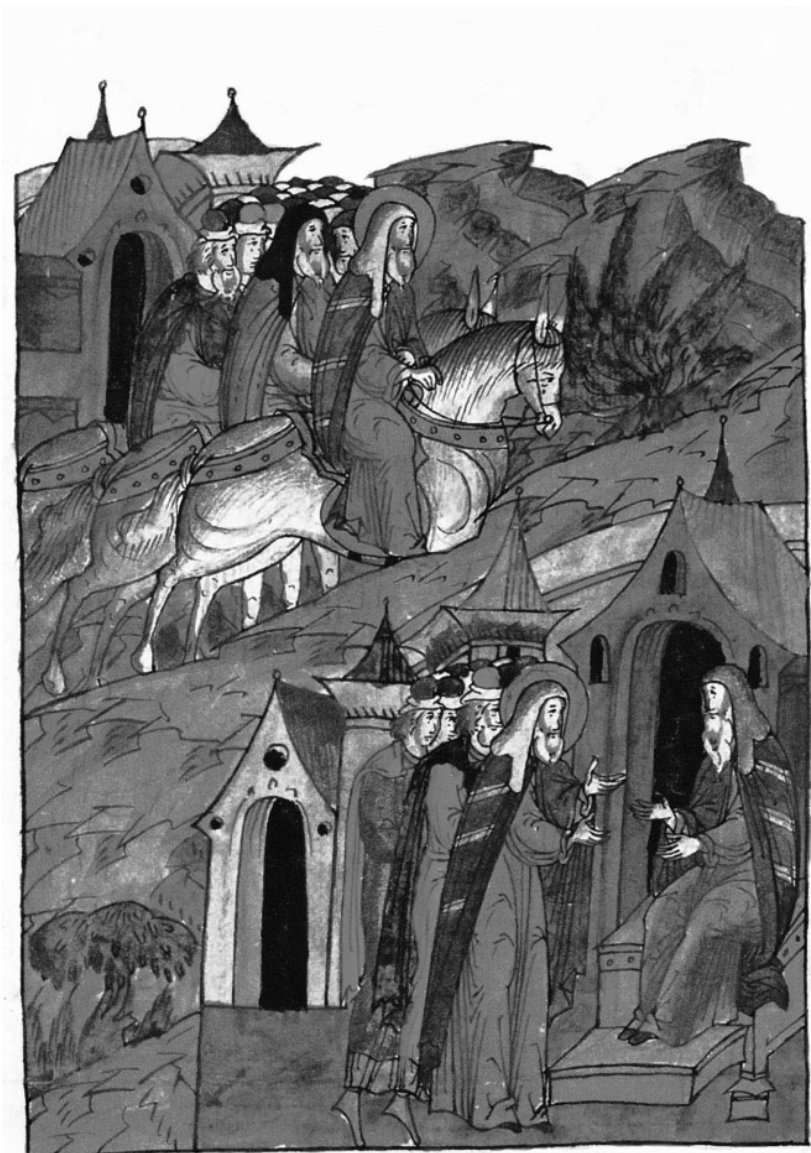
⁶ ПСРЛ. 1. Ст. 408 (6698 [1190]).

⁷ НПЛ. С. 29—30 (6664 [1156]).

⁸ Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XII—XVII вв. Л., 1973. С. 164.

⁹ НПЛ. С. 31 (6671, 6673 [1163, 1165]).

¹⁰ Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. ПСРЛ. 15. СПб., 1863. Ст. 236 (6673 [1165]); ПСРЛ. 5. С. 162 (6673 [1165]); ПСРЛ. 4. 2: 1. С. 159—160 (6673 [1165]).

Прибытие в Новгород епископа Ильи-Иоанна и его возведение
в сан архиепископа. 1165—1166 гг. Миниатюра Лицевого летописного свода.
Лаптевский том. XVI в.

Ко второй группе относятся летописные своды 1497 и 1519 гг., Ермолинская летопись, которая, кстати, не знает прочих новгородских епископов XII в., и Львовская летопись, где лаконично сообщается о поставлении епископа Ильи без упоминания митрополита¹¹. Третья группа летописей — Московский летописный свод по Уваровскому списку и Воскресенская летопись — также не дают подробностей новгородской церковной жизни, но сообщают: «Постави Ростислав князь Илью Новгородца епископом Новгороду Великому»¹². К четвертой группе летописных сообщений стоит отнести уникальное известие Ипатьевской летописи: «6674. Постави Ярослав князь епископа Илью Новгороду, то бо Илья родом бе новгородец»¹³, где имя Ярослава все же оказывается ошибкой писца. Лаврентьевская летопись ничего не знает об этом поставлении. Пятая группа летописных статей фиксируется в летописи Авраамки, Владимирском летописце и Новгородской II-й летописи. Здесь сообщается об избрании архиепископа Ильи в 1163 г. непосредственно после смерти епископа Аркадия, а также дополнительно говорится, что епископ Илья до своего архиерейства был священником в церкви свщмч. Власия в Новгороде. При этом летопись Авраамки сообщает лишь о поставлении: «Преставися Аркадий владыка сентября 19 и поставиша Иоанна», а остальные два списка, сообщая об избрании Иоанна в 1163 г., под 1165 г. парадоксальным образом дополнительно сообщают: «Поставлен бысть владыка Илья Великому Новгороду, а Киеву княжение Ростислав»¹⁴.

Поздний и недостоверный характер известий последней группы летописей становится очевидным из факта упоминания в некоторых случаях обоих имен святителя — монашеского или «схимного» Иоанн и мирского Ильи, с которым он и стал десятым епископом Новгородским. Очевидно, что при сохранении древнего известия о поставлении в 1165 г. епископа Ильи, эти летописи были дополнены сведениями жития об избрании в 1163 г. святителя по имени Иоанн, которое он получает лишь в конце своей архиерейской карьеры и с которым он и был прославлен как святой при архиепископе Евфимии II в 1439 г.

Студийский устав конца XII в., ныне хранящийся в Государственном историческом музее в Москве и принадлежавший некогда Благовещенскому монастырю на Мячине озере под Новгородом, основанно-

¹¹ Летописный свод 1497 г. ПСРЛ. 28. С. 33 (6667 [1159]); Ермолинская летопись ПСРЛ. 23. СПб., 1910. С. 46 (6674 [1165]); Львовская летопись. ПСРЛ. 20: 1. СПб., 1910. С. 122 (6674 [1165]).

¹² Летопись по Воскресенскому списку. ПСРЛ. 7. СПб., 1856. С. 78 (6674 [1165]).

¹³ ПСРЛ. 2. Ст. 525 (6674 [1165]). См.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 177.

¹⁴ ПСРЛ. 16. Ст. 45 (6671 [1163]); Владимирский летописец. Новгородская II-я (Архивская) летопись. ПСРЛ. 30. М., 1965. С. 69 (6671 [1163]), 166 (6671 [1163]).

му самим архиепископом Ильей и его братом Гавриилом в 1170 г., на одном из листов имеет запись, где не только говорится о кончине архиепископа Илии 7 сентября 1186 г., но и сообщается, что в предсмертном постриге он и получил имя Иоанн¹⁵.

Церковь Благовещения Богородицы на Мячине озере.
Снимок Г. И. Вздорнова. 1960-е гг.

В то время, в соответствии с традицией Студийского монастыря в Константинополе, избрание в епископы не предполагало принятия «полного» монашества. Три внутренние степени константинопольского иночества включали в себя по восходящей последование мантии, просхимы (или «малую схиму») и, наконец, собственно схиму или «великую схиму» — монашество как таковое¹⁶. Эту «великую схиму» ни в коем случае нельзя путать с современными «великосхимниками». Только в эпоху «Великих литургических реформ» XIV в. принятие новоназначенного монашества — последование мантии — вобрало в себя те молитвы и приобрело то значение, которое ранее было усвоено студийской просхиме. Сама «малая схима» превратилась в «полное монашество», а бывшее «полное монашество» Студийского устава превратилось в современную «великую схиму», став своеобразным «супермонашеством» и во многом дублируя своим чином ритуалы и обеты, уже принесенные во время принятия «малой схимы»¹⁷.

¹⁵ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. / С. О. Шмидт (ред.). М., 1984. С. 159—161.

¹⁶ Арранц М. Избранные сочинения по литургике. 4: Византийский монашеский постриг: исторический опыт. Рим; М., 2003.

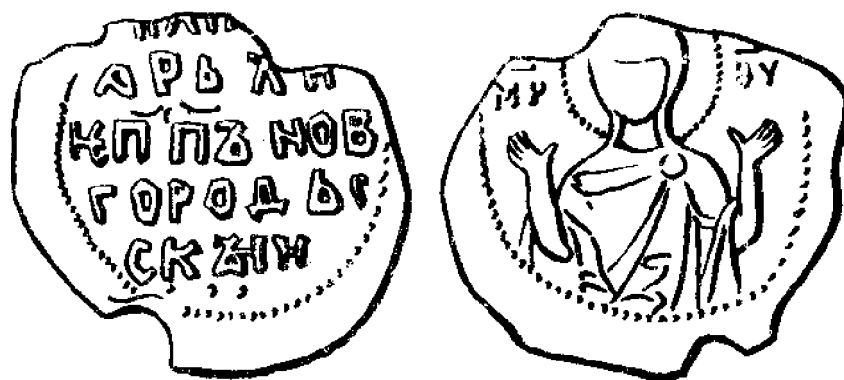
¹⁷ Пальмов Н. Н. Пострижение в монашество. Чинопострижения в монашество в Греческой Церкви: историко-археологическое исследование. Киев, 1914.

Итак, в 1165 г. при хиротонии в епископа Ильи мог получить лишь «просхиму» Студийского устава, которая не предполагала перемены имени, да и монашеским постригом в строгом смысле не считалась. С новым «предсмертным» именем новгородский архиерей и вошел в месяцеслов, поскольку именно так он поминался на заупокойных службах, совершаемых на его гробе в Софийском соборе. Поэтому известие Новгородской второй летописи о том, что Иоанн — это имя, которое тот якобы получил при монашеском постриге («наречен бысть во иноцех от митрополита Ивана и во архиепископы поставлен и имя даде ему в свое имя Иоанн») оказывается анахронизмом. В XV—XVI вв. монашество уже стало обязательным условием занятия епископской кафедры, что и заставило автора жития и, как кажется, зависимого от него летописца отнести монашеский постриг ко времени архиерейской хиротонии. Наши знания об эволюции монашеского пострига вкупе с разночтениями русских летописей позволяют заключить, что в истории с «избранием» Ильи на новгородскую кафедру в 1163 г. мы имеем дело лишь с домыслами историографа позднего Средневековья. Именно в окончательной редакции Повести об архиепископе Илье-Иоанне, связанной с именем Пахомия Серба и относимой к 1470-м гг., появляется известие о монашеском имени и об избрании на вече.

Появление в житийной повести мотива избрания не стоит связывать с политическими амбициями того времени, оно обусловлено историческим менталитетом средневекового новгородца, искренне полагавшего, что идеальный святитель должен быть избран на вече, как и его великие преемники, вне зависимости от исторических обстоятельств эпохи. Таким образом, сведения об избрании епископа Ильи на вече в 1163 или 1165 гг. представляются недостоверными. Скорее всего, он был избран и поставлен в Новгород непосредственно митрополитом Киевским Иоанном (1164—1166). В контексте достоверных известий об избрании на вече епископов Аркадия и Гавриила такое положение дел в 1153—1165 гг. может быть истолковано как попытка митрополичьей кафедры восстановить свои права в отношении Новгорода, предполагавшие более активное участие первоиерарха в замещении самой «полуночной» кафедры Вселенского патриархата.

Следует помнить, что митрополит Иоанн приходит на Русь только в 1164 г. после церковных нестроений, связанных с самочинным поставлением Климента Смолятича в 1148 г. повелением князя. В этих условиях назначение епископа в Новгород непосредственно из Киева выглядит логичной попыткой утвердить юрисдикцию митрополичьей кафедры на всей древнерусской территории, чтобы стать действительным митрополитом «всея Руси». Княжеское участие в этом поставлении также соответствует пику активности князя Ростислава в церковных делах. Решив вернуть на кафедру Климента Смолятича, Ростислав отправляет посольство во главе с Георгием Семковичем в Царьград, одна-

ко уже в Олешье в устье Днепра послы встречают только что назначенного на Русь митрополита Иоанна. Ростислав, поставленный перед фактом такого назначения, «не хотел прияти» нового митрополита, однако речь посла, увещание императора Мануила Комнина и «дары многи» сделали свое дело¹⁸. В то время с великокняжеской властью был вынужден считаться и Новгород, поскольку в результате союза между Ростиславом Смоленским и Андреем Боголюбским здесь начался период княжеского всевластия (1161—1167)¹⁹.

Печать архиепископа Новгородского Ильи, в монашестве Иоанна.
1166—1186 гг. Свод В. Л. Янина

Возникает закономерный вопрос: каким образом Илья (новгородец, что особенно подчеркивает автор Ипатьевской летописи) оказался на юге Руси? Известно, что в 1164 г. в Ростове возникает так называемая «леонтианская ересь», связанная с мнением епископа Леона о соблюдении поста в Господские праздники, приходившиеся на среду или пятницу. Опровержение ереси состоялось в императорской ставке на Дунае в присутствии императора Мануила Комнина. В диспуте определенную роль сыграли послы «черниговские и суздальские», причем летописец Переславля Суздальского сохранил имя суздальского посла — Илья²⁰. Отождествление Ильи, упомянутого в летописце, и епископа Новгородского Ильи не представляется невероятным: посол, принимавший участие в богословско-канонических спорах в присутствии императора, мог быть рекомендован на Новгородскую кафедру в 1164—1165 гг., в том числе и в силу своего новгородского происхождения. В Суздале новгородец

¹⁸ ПСРЛ. 2. Ст. 522 (6672 [1164]).

¹⁹ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1963. С. 101.

²⁰ Летописец Переславля Суздальского. ПСРЛ. 41. М. 1995. С. 90—91 (6672 [1164]).

Илья мог оказаться в результате событий 1157 г., когда князь Мстислав Юрьевич, княживший в Новгороде в 1153—1157 гг. и женившийся здесь на дочери боярина Петра Михалковича, был вынужден бежать из города²¹. Связь Петра Михалковича с боярством Людина конца в Новгороде представляется убедительной²². Предположительно, Илья, священствовавший у церкви свщмч. Власия в том же Людином конце, мог также оказаться в Северо-Восточной Руси — вместе с окружением Мстислава.

Археологические материалы Новгорода предоставляют дополнительные свидетельства о появлении здесь в середине 1160-х гг. духовенства из Южной Руси, которое могло прибыть в город вместе с новым епископом. На Федоровском раскопе, открывшем исследователям рядовые усадьбы горожан, живших в Плотницком конце, была найдена свинцовая булла, принадлежавшая епископу Галицкому Козме, который упоминается в летописных известиях в период 1157—1164 гг.²³ Печати этого архиерея до этого момента были найдены лишь на месте его епископской резиденции в древнем Галиче²⁴.

Печать епископа Галицкого Козмы. 1160-е гг. Прорись.
Свод В. Л. Янина и П. Г. Гайдукова

В 1164 г. епископ Козма оказывается в центре церковно-политических событий на Руси, сопровождая в Византию Андроника Ком-

²¹ НПЛ. С. 29—30 (6662—6665 [1153—1157]).

²² Янин В. Л. Я послал тебе бересту... С. 324.

²³ ПСРЛ. 7. С. 66 (6665 [1157]), 78 (6674 [1166]); Московский летописный свод конца XV в. ПСРЛ. 25. М.; Л., 1949. С. 63 (6665 [1157]), 73 (6673 [1165]); ПСРЛ. 2. Ст. 524 (6673 [1165]).

²⁴ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. 1: Печати X—начала XIII в. М., 1970. С. 58, 179; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси XI—XV вв. 3: Печати, зарегистрированные в 1970—1996 гг. М., 1998. С. 37—38.

нина, нашедшего убежище в Галиче²⁵. Почти синхронное поставление епископа в Новгород вряд ли обошлось без его участия. Характерно, что главная святыня Новгорода, икона Знамения Матери Божией, была взята епископом Ильей в 1169 г., во время противостояния с войском князя Андрея Боголюбского, из храма Преображения Господня на Ильине улице, находившегося в непосредственной близости от усадеб, исследованных на Федоровском раскопе. Круг скрепляемых такими печатями документов в XII в. ограничивался преимущественно внутренней церковной юрисдикцией, и документ, запечатанный епископом Козмой и попавший в Новгород, должен был, по идее, иметь непосредственное отношение к древнерусскому духовенству. Все это может свидетельствовать о проживании в Плотницком конце части соборного клироса, пришедшего в Новгород вместе с Ильей в 1165 г. и имевшего южнорусское происхождение.

Интересна и первоначальная реакция новгородской общины на поставление своего архиерея. В 1165—1169 гг., после возведения Илии в сан архиепископа, летопись совершенно не упоминает о нем, однако впоследствии эта личность не сходит со страниц новгородского летописания, где сообщается о его дипломатической миссии (1172 г.) или строительных мероприятиях (1170, 1173, 1179, 1180, 1184 гг.)²⁶. Возможно, это отражает реальный процесс рецепции нового архиерея городской общиной. Возможно также, что «ритуальный» агиографический эпизод из его жития, где повествуется об изгнании епископа горожанами, отражает изначальные трения между архиереем и общиной.

Следовательно, поставление епископа Аркадия на новгородскую кафедру в 1156 г. создало прецедент, но отнюдь не стабильную практику избрания епископа на вече, и было лишь первой попыткой утверждения нового канонического порядка. Только начиная с архиепископа Гавриила в 1186 г. избрание епископов стало неотъемлемым правом новгородской городской общины, признанным митрополитом Киевским. Однако речь не идет о «становлении нового республиканского порядка избрания епископа», поскольку эта практика никоим образом не противоречила нормам восточно-христианского канонического права. Она в целом соответствовала первой главе 123 новеллы (*De diversis capitibus ecclesiasticis*) и второй главе 137 новеллы (*De creatione episcoporum et clericorum*) императора Юстиниана (527—565), которые предусматривали избрание трех кандидатов на епископство клиром и «первыми людьми» города с последующим утверждением одной из этих кандидатур митрополитом и его хиротонией. Не случайно новгородская летопись постоянно упоминает, что избранник отправлялся на поставление в Киев с «передними» новгородскими

²⁵ ПСРЛ. 7. С. 78 (6674 [1166]).

²⁶ НПЛ. С. 31—38 (6673—6693 [1165—1185]).

Церковь Спаса Преображения на Ильине улице. Снимок 1900-х гг.
Фотоархив ИИМК РАН

мужами. К XII в. такие новеллы были изъяты из церковного права Византии, однако сохранились в славянском переводе Кормчей книги, сделанном с восточно-болгарского оригинала, — Ефремовской корм-

чей XII в.²⁷ Эти установления были включены в 87 главу т. н. *Collectio 93 capitulorum*, собранного будущим Вселенским патриархом Иоанном III Схоластиком (565—577), и попали сюда, очевидно, из первой главы XXVIII титула Прохирона, практического пособия для судей, изданного первыми императорами Македонской династии в конце IX—начале X в. и ставшего весьма популярным переводным сочинением у славян²⁸.

Церковь Знамения Пресвятой Богородицы на Ильине улице.
Снимок 1900-х гг. Фотоархив ИИМК РАН

Подобные нормы, упорядочивавшие участие мирян в избрании своего епископа, должны быть противопоставлены не 4-му правилу I-го Вселенского собора в Никее (325 г.), который закреплял право избрания-искуса и поставления (*aprobatio et ordinatio*) кандидата на архиерейство за митрополитом и областным собором епископов, а 13-му правилу Лаодикийского собора 361 г., запрещающему «скопищу» на-

²⁷ Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. I, ч. 1. М., 1997. С. 361; Павлов А. С. Первоначальный славяно-русский номоканон. Казань, 1869. С. 28—51; Бенешевич В. Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. СПб., 1905. С. 260—261; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг. С. 116—117.

²⁸ Бенешевич В. Н. Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. Т. I. СПб., 1906. С. 800—801; Т. II. София, 1986. С. 55—56.

рода избирать архиерея. Появление в сербских редакциях Кормчей книги XIII в. толкования на 4-ое правило Никейского собора и чуть более позднего «Устава, како достоит избирать епископа»²⁹ никоим образом не исключало участие «клириков и первых града» из этого процесса. Несмотря на то, что количество кандидатов здесь могло быть сокращено до двух, из которых митрополит и делал окончательный выбор, их «избрание», предоставленное суду областного собора епископов, соответствовало не столько *electio* в собственном смысле этого слова, сколько *aprobatio* претендентов, право выдвижения которых продолжало оставаться за городской общиной.

В основе такой практики было традиционное для Православной Церкви избрание епископа клиром и мирянами конкретного полиса и проверка обоснованности этого избрания провинциальным собором, где главной задачей присутствия соседних епископов была проверка достоинства кандидата. Историк Церкви профессор Санкт-Петербургской духовной академии В. В. Болотов писал по этому поводу: «Если собор узнавал, что обойден достойнейший, то допрашивал почему так. Приходилось указывать не свои пожелания, а действительные причины. Выборы находились под строгим контролем: этот контроль должен был сдерживать дрянненькие инстинкты человеческой натуры»³⁰. По сути дела, избрание архиерея всегда происходило по принципу двухпалатного парламента. Нижняя палата, представленная народом и клиром, выдвигала кандидатуру, а собор областных епископов мог либо ее принять, либо наложить вето.

На первый взгляд, описанная в древнерусских хрониках практика избрания и поставления епископа, прежде всего новгородская, имела определенные отличия от требований канонов. К таким отличиям, особенно ярко представленным в событиях начиная с конца XII в., стоит отнести внешне пассивную роль митрополитов в поставлении новых епископов, отсутствие упоминания о трех обязательных кандидатах и, что представляется наиболее существенным, использование жребия, упоминаемого иногда летописцем, для выбора основного кан-

²⁹ См. недавнюю полемику о «каноничности» избрания и поставления епископов на Руси: *Богданов С. В.* Отрывок Чина на избрание и поставление епископов в тексте летописей новгородско-софийского круга // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 4. 2010. С. 56—69; *Корогодина М. В.* Чин избрания и поставления епископов и канонические книги // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 2. 2011. С. 113—117; *Белякова Е. В.* Замечания к полемике о чине поставления епископов // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 2. 2011. С. 118—119; *Богданов С. В.* Избрание епископов на Руси в конце XIV—начале XV в.: каноны и практика (к постановке проблемы) // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 3 (1). 2011. С. 21—23.

³⁰ *Болотов В. В.* Лекции... Т. 3. С. 178.

дидата, который якобы и отправлялся к митрополиту для последующей хиротонии.

Однако у историка всегда существует возможность заново прочитать летописные тексты. Все особенности имеют свои объяснения, не выходящие за пределы допустимых отклонений от церковных канонов. Прежде всего, существовала определенная процедура извещения митрополита о прошедших выборах. Она предполагала отправку посольства с известием о кандидате или кандидатах и последующий приезд в Новгород чиновников митрополичьей канцелярии, вместе с которыми ставленник, сопровождаемый мужами новгородскими, отправлялся на рукоположение в Киев, а позднее в Москву или иной град.

Так в 1186 г. новгородцы, после избрания на кафедру Гавриила «послаша с мольбою к митрополиту Никифору», после чего митрополит отправил за ставленником свое собственное посольство («прислаша по нь митрополит») ³¹. В 1193 г. о прошедшем избрании Мартирия также было объявлено митрополиту («послаша о нем к митрополиту»), который «присла по нь с чстью» ³². В 1360 г. будущий архиепископ Алексей поехал на поставление, будучи позван «послы от митрополита» ³³. Пребывание послов в Новгороде, которые, судя по всему, выясняли на месте обстоятельства избрания, могло быть достаточно долгим. Так, послы митрополита Феогноста, Федорко и Семенко, которые прибыли в Новгород в марте 1331 г. за будущим архиепископом Василием Каликой, отправились вместе с ним на Волынь только 24 июня ³⁴. Очевидно подобная процедура, не будучи отраженной хронистом, соблюдалась и в других случаях. Так, в 1324 г. игумен Моисей, посаженный на Владычном дворе после смерти архиепископа Далмата, почти год ждал «дондеже позовет его митрополит»; в это время он и заказал иконописцу Михаилу как «вступительный взнос» в дом Святой Софии икону «Спас на престоле», хранимую ныне в Благовещенском соборе Московского Кремля. После хиротонии он продолжал находиться в Москве при митрополите Петре еще более года, прибыв в Новгород только в марте 1326 г. Времени было более чем достаточно, дабы постараться превратить «новгородского избранника» в «митрополичьего ставленника» ³⁵.

Стоит также помнить, что рукоположению, которое совершается несколькими епископами соборно, всегда сопутствовал архиерейский собор и митрополичье наречение кандидата на кафедру. Собор и наре-

³¹ НПЛ. С. 39, 229 (6694 [1186]).

³² НПЛ. С. 41, 233 (6701 [1193]).

³³ НПЛ. С. 367 (6868 [1360]).

³⁴ НПЛ. С. 99 (6838 [1331]), 343—344 (6839 [1331]).

³⁵ НПЛ. С. 97 (6833—6834 [1325—1326]).

Спас на престоле — вклад в дом Святой Софии нареченного на епископство архимандрита Моисея. 1324 (?) г. Благовещенский собор Московского Кремля

чение играли важную роль в избрании и испытании кандидата со стороны епископата. Иногда, как это было в 1251 г. и в 1299 г., митрополит с собором епископов сам приезжал в Новгород для совершения наречения и хиротонии и мог воочию убедиться в каноничности свершившегося избрания.

То же необходимо сказать и о трех кандидатах. Из летописи неясно, были ли они в 1156 и 1186 гг., при избрании Аркадия и Гавриила, но первое известие об «альтернативности» епископских выборов 1193 г. свидетельствует, что соперниками Мартирия были будущий епископ Митрофан и священник Гречин³⁶. В 1229 г. соперниками Спиридона выступали епископ Владимира на Волыни Иосиф и вновь Гречин, при этом окончательный выбор доверялся митрополиту: «Кого даст митрополит, тот есть нам отец»³⁷. В 1274 г. кандидатами оказались игумен Иоанн и Климент: двое кандидатов тоже допускались церковным правом³⁸. В 1359 г. помимо ставшего епископом Алексия, ключника Святой Софии, на кафедру избирались антоновский игумен Савва и Иоанн, клирик монастырского храма св. вмч. Варвары³⁹. В 1388 г. в число кандидатов входили три игумена: хутынский Иоанн, благовещенский Парфений и рождественский Афанасий⁴⁰. В 1415 г. поимо хутынского чернеца Самсона в качестве будущих епископов рассматривались игумены Михаил и Лев⁴¹. В 1421 г. в число кандидатов входили игумен Клопского монастыря Феодосий, игумен Захарий и владычный ключник Арсений⁴². Последние выборы 1471 г. свели вместе владычного ризничего Феофила, ключника Пимена и духовника Варсонофия⁴³. Постоянное присутствие трех кандидатов на кафедру в течение XII—XV вв. заставляет нас признать, что упоминание «Богом указанных» и «Богом избранных» ставленников в 1201, 1299, 1307, 1325 и 1330 гг., как и известие о выборах по жребию в 1423 и 1429 гг., скрывают всю ту же альтернативность замещения новгородской кафедры⁴⁴. Хронологическая компактность основных серий летописных известий с такими «опущениями» связана исключительно с манерой хрониста подавать тем или иным образом исторические события.

³⁶ НПЛ. С. 231—232 (6701 [1193]).

³⁷ НПЛ. С. 68 (6737 [1229]).

³⁸ НПЛ. С. 322—323 (6782 [1274]).

³⁹ НПЛ. С. 365 (6867 [1359]).

⁴⁰ НПЛ. С. 381—382 (6896 [1388]).

⁴¹ НПЛ. С. 405 (6923 [1415]).

⁴² НПЛ. С. 413—414 (6929 [1421]).

⁴³ ПСРЛ. 4. 1: 2 С. 446 (6978 [1471]).

⁴⁴ НПЛ. С. 239 (6709 [1201]), 330 (6807 [1299]), 332 (6815 [1307]), 339—340 (6832 [1325]), 342 (6838 [1330]), 414 (6932 [1423]), 415 (6937 [1429]).

Однако альтернативность выборов и наличие жребия были присущи не только Новгороду. Свидетельство Супрасльской летописи об избрании 4 февраля 1411 г. тверского епископа Антония «москвитина» в присутствии митрополита Фотия по жребию из двух кандидатов может показаться уникальным для Восточной Европы, за исключением Новгорода, но оно лишь подтверждает существование такой процедуры в Древней Руси⁴⁵. Исключительность ситуации, которую хотел донести до нас тверской летописец, заключалась не в самом факте жребия или альтернативы, а в том, что этот жребий выпал не «своему» кандидату, которым был игумен Парфений, а, судя по всему, ставленнику митрополита, жребий которого был вынут епископом Суздальским Митрофаном.

Сохранившиеся греческие акты канцелярии митрополита Феогноста 1320—1340-х гг. подтверждают существование альтернативных выборов в Древней Руси. Они не только упоминают обязательность трех кандидатур в процессе замещения любой кафедры, но и свидетельствуют, что окончательный выбор происходит в присутствии митрополита и епископов. Само описание избрания здесь предельно формализовано. После указания даты, в тексте сообщается: «Были выборы епископа богоспасаемого града... в присутствии боголюбивых епископов. По каноническому чину были избраны кандидатами три достойных лица... [из них] предпочтен и избран [имярек]»⁴⁶.

Итак, выдвижение нескольких кандидатов было обязательным при замещении любой епископской кафедры в Древней Руси, даже если летописи не сообщают об этом факте. Однако как с подобной альтернативностью и санкционирующей ролью митрополита в этом процессе уживается известная практика жребия? Похоже, она действительно относится к устойчивым древнерусским реалиям, хотя подобные прецеденты известны и в Византии. Самое раннее упоминание использования жеребьевки в 1193 и в 1229 г. происходит на фоне эмоционального летописного описания «распрей» в Новгороде, связанных с выдвижением кандидатов. Жребий в обоих случаях представлен как попытка свести к минимуму общественное напряжение, оставив выбор случаю, в котором христианское сознание видело Божественную во-

⁴⁵ Летописи белорусско-литовские. ПСРЛ. 35. М., 1980. С. 54 (6918 [1411]).

⁴⁶ Памятники древнерусского канонического права. 1: Памятники XI—XV вв. 2-е изд. СПб., 1908. Ст. 442—443; *Васильевский В.* Записи о поставлении русских епископов при митрополите Феогносте в Ватиканском греческом сборнике // Журнал Министерства народного просвещения. 255. 2. Февраль. 1888. С. 445—463; *Приселков М. Д., Фасмер М. Г.* Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV в. // Известия отделения русского языка и словесности. 21: 1. 1916. С. 48—70.

лю. Такое толкование жребия совпадает с уже известными нам представлениями о епископе, присущими ростовскому хронисту в 1185 г.: на святительство должны призывать Бог и Богородица, что может рассматриваться как косвенное указание на использование жребия в этой епархии уже в конце XII в.

В этой связи представляется, что жребий играл большую роль во внутренней жизни Новгорода, чем в его отношениях с митрополитом. Именно «назnamenованный Богом» кандидат возводился на Владычный двор и становился местоблюстителем дома Святой Софии, принимая на себя руководство сложным административным и хозяйственным организмом и тем самым вводя городскую жизнь в обычное русло, как если бы оно направлялось уже канонически поставленным епископом.

При этом «чернец на сениях», как именовали новгородцы своего *locum tenens*, до своей хиротонии не вторгался в сакральные полномочия, присущие архиерейскому сану. Об этом свидетельствует, в частности, уникальный антиминс, происходящий из ризницы Киево-Софийского собора, но освященный, скорее всего, для церкви Благовещения Пресвятой Богородицы Деревяницкого монастыря в Новгороде, сгоревшей в 1414 г. Надпись свидетельствует, что он был обновлен «архиепископом Иваном Великого Новгорода при благоверном великом князе Василии Дмитриевиче всея Руси в лето 6923 месяца сентября 8 на Рождество Пресвятой Богородицы индикта 9», что соответствует 8 сентября 1415 г. Известно однако, что Иоанн уходит на покой 20 января 1415 г. и водворяется как раз в Деревяницком монастыре. 11 августа на его место был наречен инок Самсон, получивший при постриге имя Симеон и хиротонисанный лишь 22 марта 1416 г.⁴⁷ Очевидно, что, по крайней мере, до хиротонии нового архиерея ушедший на покой епископ продолжал совершать присущие его сану священнодействия. Избранный же на кафедру «чернец на сениях» именовался в летописях и в надписях на сделанных по его заказу священных предметах соответственно — «владыка» дома Святой Софии, но никак не епископ Новгородский. Так, Моисей в 1325 г., согласно летописи, поехал в Москву на митрополичье поставление «владыкой», а вернулся в 1326 г. уже «архиепископом», чтобы снова стать «владыкой» после ухода на покой⁴⁸. Впрочем, такой обычай не исключал традиционного именованья владыкой и правящего архиерея.

К избранию по жребию основного кандидата, становившегося местоблюстителем, митрополит мог отнестись трояко. Если само избрание происходило в присутствии первосвященника, то на него можно было «повлиять», удивив тверского летописца тем, что прибывший с ми-

⁴⁷ НПЛ. С. 405—407 (6922—6924 [1415—1416]).

⁴⁸ НПЛ. С. 340, 362, 363 (6833, 6834, 6860 [1325, 1326, 1352]).

митрополитом епископ вытянул именно «московский», а не «тверской» жребий. Впрочем, происшедшее действительно могло оказаться счастливой для митрополита Фотия случайностью. Можно было отвергнуть основного кандидата, разрушив тем самым уже наметившееся преемство в управлении домом Святой Софии, и вступить в затяжной конфликт с Новгородом. А еще можно было, проявив гибкость, принять общинный выбор: политика, в том числе и церковная, есть искусство возможного. Новгородцам было приятно думать, что митрополит принял именно их кандидата, а митрополиту было приятно полагать, что именно он выбрал одного из трех, пусть и указанного ему Богом и самими новгородцами ⁴⁹.

Отметим, что источники косвенно указывают на возможность того, что все три кандидата так или иначе представлялись митрополиту. Митрополиты Кирилл и Максим в 1251 г. и в 1300 г. могли видеть их непосредственно в Новгороде, как и митрополит Фотий в Твери в 1411 г. мог сравнить Антония и Парфения. Однако из уже известной нам записи митрополичьей канцелярии об избрании на новгородскую кафедру в 1331 г. явствует, что среди баллотировавшихся в тот раз, помимо Василия Калики, были Юрьевский архимандрит Лаврентий и иеромонах Арсений, в котором мы склонны видеть наместника новгородского архиерея во Пскове ⁵⁰. В то же время новгородская летопись сообщает, что во время хиротонии епископа Василия на Волынь приехало посольство из Пскова, представлявшее интересы князей Александра и Гедимины, вместе с неким Арсением, «хотяще его поставити на владычество в Плесков» ⁵¹. Я склоняюсь к тому, что Арсений что в записи, что в летописи является одним лицом. Нельзя исключить, что иеромонах изначально прибыл к митрополиту не для раздела единой

⁴⁹ Эти наблюдения не позволяют согласиться с содержащимся в новейшем исследовании по истории Новгорода выводом, что «новгородская процедура избрания владыки, центральное место в которой занимало избрание по жребию, не совпадает с процедурой, описанной в Кормчей, и вряд ли могла на ней основываться» (Лукин П. В. Новгородское вече. М., 2014. С. 354—357, особ. с. 355). В данном труде приводится несколько вольный перевод упомянутой выше новеллы императора Юстиниана и наблюдается некоторое смешение между выдвижением-избранием трех кандидатур общиной, жребием-избранием, указывающим на предпочтительного для общины кандидата, и искусом-избранием, которое совершалось митрополитом в присутствии собора епископов, завершая тем самым многоступенчатую избирательную процедуру. Жребий, хоть и не прописанный в правилах, в целом не нарушал каноничности процедуры, будучи лишь факультативным элементом саморегуляции общины и средством ее коммуникации с митрополитом.

⁵⁰ Подробнее см.: Мусин А. Е. Церковь и горожане средневекового Пскова... С. 275—278.

⁵¹ НПЛ. С. 343—344 (6839 [1331]).

новгородской епархии, что с правовой точки зрения было весьма затруднительно, а для того, чтобы быть представленным митрополиту в качестве одного из кандидатов. Важно отметить и то, что Арсений уехал с Волыни не до, а после хиротонии Василия, в которой он очевидно участвовал: роль кандидата была сыграна до конца.

Таким образом, новгородская практика избрания епископа оказалась уникальной для средневековой Руси не самой выборностью кандидатов, которая существовала, как стоит предположить, повсеместно, а степенью участия городской общины в этой процедуре, как и во многих других событиях новгородской истории, и полнотой описания такого избрания в местной летописи. В то же время она гораздо полнее сохранила в себе особенности восточно-христианского церковного права с присущей ему соборностью. Политическая жизнь прочих древнерусских земель активно способствовала отчуждению городской общины от избрания своего епископа, которое сосредотачивалось в руках князя и митрополита. Остальные христиане лишь участвовали в пассивной рецепции нового владыки. Судя по всему, норма избрания епископа «клириками и первыми града» вошла в древнерусскую практику во время раскола, вызванного незаконным поставлением Клим Смолятича на митрополию на фоне активизации канонического сознания вообще. Но лишь в Новгороде, где князь являлся господином, сеньором города, а не государем — автократом и сувереном, вечевые порядки способствовали закреплению этих соборных принципов.

Сегодня, на новом витке споров о том, чем было древнерусское вече, стоит вспомнить, что «вечем» в славянских переводах Библии могло называться собрание религиозного характера — «вече Израилево» как вече народа Божьего. Неопределенность в описании, составе и функциях вече в древнерусских текстах оказывается сродни апофатическому, принципиально непознаваемому и не вмещающемуся в исчерпывающие определения характеру Церкви в истории, что не способна уместиться в строгие социальные рамки. Кажущаяся пассивность городской общины при избрании епископата и даже «удаленность» основной массы горожан от места выборов имеет основания в церковных канонах, препятствующих «скопищу народа» вершить такое избрание. Впрочем, с церковной точки зрения трудно назвать пассивностью постоянное пение собравшимися во время вынесения жребия молитвы «Господи, помилуй!», засвидетельствованное поздними летописями. Молитва в средневековом обществе воспринималась как активное действие, гораздо более эффективное, чем современные политтехнологии и лоббирование. Избрание, в соответствии с требованиями Юстиниановых новелл, в целом было вверено клирикам и «передним мужам» города, но именно *receptio* молящегося церковного народа, наблюдавшего за этими событиями, утверждало или отвергало

поставление нового кандидата на епископскую кафедру. Участие горожан, мирян по преимуществу, в церковных событиях должно объясняться не просто социально-политическими причинами, но статусом городского вече как собрания христианской общины. Представляется, что современники живо осознавали это тождество между «вечем» и Церковью. И то и другое было домом Святой Софии...

Очерк V

ТАЙНА СВЯТОСТИ

Епископ и святой — две подчас соперничающие исторические фигуры, которые символизируют эпоху Средневековья. Мы познакомились с тем, как становились епископами в Новгороде. А вот как становились святыми? Здесь на помощь нам придет история человека, объединившего «любовь и ненависть» средневековых новгородцев. В событиях XIII в. личность этого князя затмевает образы епископов, возглавлявших дом Святой Софии...

Разумеется, речь идет об Александре Невском, почитаемом Православной Церковью в качестве святого благоверного князя, память которого празднуется не единожды в год. Но представления о нем, сложившиеся в российской истории, скрывают порой от нас те исторические подробности, которые складываются в цельный образ святого человека как Богоподобной личности. Так, житие затеняет реальную жизнь, и потому мы должны быть весьма внимательны к агиографии и агиологии. Знания о земной жизни святого князя, особенно о его детстве и отрочестве, скудны и не слишком достоверны, а ведь именно в эту пору в христианине зарождается жажда святости и желание посвятить себя Богу. Естественно, позднейший агиограф напишет житие по принятым канонам: будущий святой был воспитан в добром наказании и с детства был обучен соблюдать заповеди Господни, обладал смиренномудрием, почитал духовенство, хранил чистоту душевную и телесную...

На деле нам неизвестна даже верная дата рождения князя. Существующие в историях и житиях даты его рождения — 30 мая 1219 г., 30 мая или ноябрь 1220 г., 13 мая 1221 г. не могут быть приняты на веру¹. Скорее всего, родился он не ранее 1221 г. в Новгороде, где в то время княжил его отец Ярослав Всеволодович. Нельзя с определенностью сказать, кто был небесным покровителем князя — Александр Египетский, Александр Римлянин или какой-то иной Александр². Пожа-

¹ Кучкин В. А. О дате рождения Александра Невского // Вопросы истории. 2. 1986. С. 174—176.

² Кучкин В. А. О дате рождения. С. 174—176, Зиборов В. К. О новом экземпляре печати Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха / Ю. Н. Бегунов, А. Н. Кирпичников (ред.). СПб., 1995. С. 148—150; Литви-

луй, лишь упоминание о чуде от иконы Спасителя во Пскове, пришедшее на «память святого мученика Александра» 18 мая 1243 г.³, может свидетельствовать в пользу одного из майских святых с этим именем, прежде всего святого мученика Александра Римлянина. Напомним, что чудо случилось через год после освобождения города от власти Ордена новгородско-суздальским войском под предводительством Александра и Андрея Ярославичей. Возможно, в сознании летописца существовала определенная связь между этими двумя событиями. Усвоение памяти мученика Александра этому календарному дню вызывает некоторое недоумение, поскольку 18 мая празднуется мученица Александра Анкирская, а отнюдь не ее тезка мужского пола. Впрочем, известно, что память святого Александра, мученика или святителя, могла отмечаться на христианском Востоке 13, 14, 15, 16, 17 и 20 мая, хотя древнерусские месяцесловы знают для этого месяца лишь память мученика Александра, приходящуюся на 13 мая⁴. Возможно, соименность святых Александра и Александры могла повлиять на смешение дат⁵. Да и монашеское имя, к которому мы привыкли — Алексей, появляется лишь в позднем житии, когда традиция нарекать человека при постриге именем, начинающимся с той же буквы, что и его мирское имя, уже вполне сложилась⁶.

Мы не знаем и вряд ли узнаем, сколько раз Александр был женат. Святому подобает единобрачие, посему такие подробности княжеской жизни явно замалчивались летописцем и агиографом, а летописи сообщают нам лишь об одном браке с полоцкой княжной. Однако Н. М. Карамзин ссылается на предание о том, что во владимирском Успенском соборе, согласно надписям на надгробных плитах, были погребены супруга князя по имени Александра, его дочь Евдокия, и некая Васса, тоже названная его женой⁷. Нет ничего невероятного в том, что Алек-

на А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X—XVI вв.: династическая история сквозь призму антропоники. М., 2006. С. 465—466.

³ НПЛ. С. 79, 297.

⁴ *Сергий (Спасский), архиепископ*. Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т. 2: Святой Восток. Ч. 1. С. 141, 142, 143, 146, 147, 150; *Лосева О. В.* Русские месяцесловы XI—XIV веков. М., 2001. С. 338, 342.

⁵ Смещение почитания соименных святых хорошо известно в древней Руси. См.: *Мусин А. Е.* «Два Кирилла, три Леонтия...». Особенности восприятия небесного патроната в древнерусском сознании // *Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии*. Материалы конференции / Е. А. Мельникова (ред.). М., 2002. С. 164—168.

⁶ *Сазонов С. В.* Монашеское имя Александра Невского и традиции монашеского имянаречения в средневековой Руси // *Сообщение Ростовского музея*. 6. 1994. С. 16—24.

⁷ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1992. Т. 4. С. 55, 215. Примеч. 110.

сандр, овдовев, женился вновь, и потому попытка отождествить Вассу и Александру как одну и ту же дочь полоцкого князя, предпринятая в 1695 г. при изготовлении в Москве помпезной раки для княжеских гробниц во Владимире, представляется неуклюжим осуществлением «исторической политики».

Мы не можем с точностью сказать, кем именно была мать князя — Ростиславой, дочерью галицкого князя Мстислава Мстиславича Удатного, или дочерью рязанского князя Игоря Глебовича. Известно лишь, что она скончалась 4 мая 1244 г., приняв перед смертью имя Ефросиния, и была погребена в Юрьевом монастыре близ Новгорода, подле своего сына Феодора. У Александра было не менее 8 братьев, и Феодор был среди них старшим, первенцем и любимцем отца, которому князь Ярослав передал свое христианское имя. Казалось, что Александру не оставалось ничего иного, как прожить свою жизнь в тени своего старшего брата, вместе с которым он отправился на княжение в Новгород в 1228 г. Однако он загадочным образом преодолел предначертанное ему судьбой.

Печать архиепископа Новгородского Митрофана. 1200—1220-е гг. Прорись.
Свод В. Л. Янина

Не менее запутана и церковная история Новгорода начала XIII в. В 1200—1210 гг. кафедру возглавлял архиепископ Митрофан. Однако в конце 1209 г. князь Мстислав Мстиславич заявил претензии на Новгород как на вотчину. Князь Святослав со мужами своими был заточен на Владычном дворе и позднее отпущен во Владимир. Отношения владыки с новым князем начали складываться, судя по тону летописных сообщений, вполне благополучно, и трудно предположить, на чем была построена интрига, погубившая этих двух деятелей новгородской истории.

В результате конфликта 22 января 1210 г. архиерей был изгнан в Торопец⁸. В том же году его сменил на владычной кафедре связанный с боярами Неревского конца Антоний, в миру Добрыня Ядрейкович, принявший постриг в Хутыньском монастыре и до этого совершивший паломничество в Константинополь⁹. Все эти перемещения были сомнительны с точки зрения церковного права. Так продолжалось до 1217 г., когда новый Никейский патриарх Мануил I Сарантин (1216—1222) вмешался, судя по всему, в канонический конфликт в своей самой северной епархии и потребовал в 1219 г. от митрополита Киевского Матфея (до 1210—1220) созвать собор и провести каноническое разбирательство.

Печать архиепископа Новгородского Антония. 1200—1220-е гг. Прорись.
Свод В. Л. Янина

Митрофан вновь появился в Новгороде еще в 1218 г., приехав из Владимира. Опальный владыка, судя по всему, воспользовался отъездом князя Мстислава из Новгорода в Русь и последовавшим за этим политическим переворотом, когда в город был приглашен смоленский князь Святослав Ростиславич. «Возвращенец» тут же был «спроважен» новгородцами в уже известный нам монастырь Благовещения на Мячине озере, основанный архиепископом Ильей. Но, как бы то ни было, в городе случилось два епископа одновременно¹⁰.

В летописи «митрополичий» суд представлен как инициатива новгородцев, которому предшествовала очередная церковно-политиче-

⁸ НПЛ. С. 52 (6719 [1210]).

⁹ Савваитов П. И. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград. СПб., 1872.

¹⁰ НПЛ. С. 57—58 (6726 [1218]).

ская интрига. Дождавшись отъезда архиепископа Антония в Торжок, в 1219 г. горожане вновь ввели на престол святой Софии Митрофана, уже находившегося неподалеку, на полпути между Новгородом и Юрьевым монастырем. Несмотря на вполне определенный совет горожан смещенному архиерею — «пойди, где ти любо», Антоний все же вернулся в Новгород и обосновался в монастыре Спаса-на-Нередице близ княжеской резиденции на Городище. Только потом оба епископа были отправлены новгородцами, а скорее всего вызваны митрополитом на церковный суд¹¹. Как и в XI в. владыки дома Святой Софии отправились в Киев то ли за правдой, то ли за возмездием...

Церковь Спаса Преображения на Нередицком холме. Снимок 1900-х гг.
Фотоархив ИИМК РАН

Митрополит решил дело самым каноническим образом. На престоле Святой Софии был восстановлен старейший по хиротонии архиерей Митрофан, в 1210 г. несправедливо лишенный своей кафедры.

Архиепископу Антонию был предоставлен новосозданный епископский стол в Перемышле, поскольку его покровитель князь Мстислав Мстиславич тоже ушел покорять Галицко-Волынскую землю¹².

¹¹ НПЛ. С. 60 (6727 [1219]).

¹² НПЛ. С. 60 (6728 [1220]).

Вид на Спасо-Преображенский Хутынский монастырь с р. Волхов.
Снимок 1900-х гг. Фотоархив ИИМК РАН

В 1220 г. Митрофан участвовал в призвании на новгородский стол князя Всеволода Юрьевича из Смоленска, который, впрочем, здесь не задержался, и после недолгого безвластия в начале 1221 г. в Новгород на княжение приходит Ярослав Всеволодович, где у него, судя по всему, и рождается сын Александр. Третьего июля 1223 г. епископ Митрофан уходит «в путь вся земли», а монах Хутынского монастыря Арсений, при несомненном участии Ярослава, избирается на новгородскую кафедру¹³. В том же году Ярослав покидает город, а его ставленник, так и не получивший хиротонии, остается без политической поддержки. Последующая княжеская чехарда завершается тем, что вслед за черниговским князем Михаилом Всеволодовичем в 1225 г. в Новгород из Перемышля возвращается архиепископ Антоний и, как можно догадаться, отправляет Арсения в родную обитель нести монашеское послушание и далее. На следующий год в городе вновь появляется Ярослав, и уже 1 марта 1227 г., на русский новый год, Антоний «по своей воле» уходит на покой в Хутынский монастырь¹⁴. Естественно, на владычный двор возвращается монах Арсений, о чем летопись не сообщает, но что становится ясно из последующих событий.

Год 1228-ой выдался драматичным: дождь лил, не переставая, с середины августа до начала декабря, от Успения Богородицы до Николы зимнего. Оба княжича, Феодор и Александр, были свидетелями

¹³ НПЛ. С. 61 (6731 [1223]).

¹⁴ НПЛ. С. 65 (6736 [1227]).

того, как Арсения, ставленника их отца, новгородцы «аки злодея пхающее в шию выгнаша» из дома Святой Софии. Обвинение было обычным для Руси — коррупция. Ему вменили в вину то, что он был поставлен на кафедру «неправедно», «на мзде», которую инок якобы дал Ярославу, отцу княжичей. Эта симония, приобретение церковных должностей, и стала, по мнению новгородцев, причиной природного катаклизма, лишившего их не только конца лета, но и начала зимы¹⁵. На престол Святой Софии был посажен ослепший архиепископ Антоний, живший на покое в Хутынском монастыре. В помощь ему были приданы светские чиновники Якун Моисеевич и щитник Микифор, видимо, близкие к сотенной администрации, поскольку уже известный нам «Устав князя Всеволода» XII в. предписывал владыке управлять домом Святой Софии совместно с сотскими.

Однако церковная смута переросла в смуту политическую, в городе были разграблены дома софийского духовенства, представителей владычной канцелярии и тысяцкого — еще одно указание на тесную связь княжеской сотенной организации и епископской церковной администрации. Братья вместе бегут 20 февраля 1229 г., в сыропустный вторник, прочь из Новгорода, хотя новгородцы и будут потом утверждать, что не прогоняли княжичей и не желали им зла, и возвращаются в город вместе с отцом только в конце 1230 г. Однако накануне, в сентябре, Крестовоздвиженский заморозок на корню убивает «обилье» — урожай того года в Новгородской земле. Княжичи оказываются здесь в самый страх мора, обернувшегося людоедством, когда местные христиане поедали друг друга в прямом смысле этого слова. Лишь весной 1231 г., когда город уже ждал своей кончины, «прибегоша немци из заморья с житом и мукою и сотвориша много добра». Эту инославную «гуманитарную помощь» люди и летописец расценили как проявление Божьего милосердия¹⁶.

Пока княжичей не было, в городе вновь сменилась церковная власть. Еще в 1229 г. при живом, но плохо здравствующем архиепископе Антонии, который примет кончину 8 октября 1232 г., князь Михаил Всеволодович, который и позволил изгнаннику вернуться в город, предлагает новгородцам избрать нового владыку¹⁷. Процедура с канонической точки зрения весьма сомнительная. Жребий падает на иеродиакона Юрьева монастыря Спиридона, который 17 декабря 1229 г. отправляется в Киев к митрополиту. Его священническая хиротония состоялась в Прощёное воскресенье, 17 февраля 1230 г., а в «соборное воскресенье», через неделю — на Торжество Православия (24 февраля), он стал епископом. Только спустя три месяца, 19 мая, на память

¹⁵ НПЛ. С. 67 (6736 [1228]).

¹⁶ НПЛ. С. 71 (6739 [1231]).

¹⁷ НПЛ. С. 68 (6737 [1229]).

318 отцов, составивших I-й Вселенский собор в Никее, он вернулся в Новгород. Его приезду предшествовало солнечное затмение 14 мая, позднее грянули сентябрьские морозы и явился страшный зимний голод, заставивший людей потерять человеческий облик.

Арсений тоже не лишается награды: в 1231 г., после возвращения в Новгород князя Ярослава, нашедшего владычную кафедру уже занятой, он становится настоятелем Юрьева монастыря и архимандритом новгородским — главой всех иноков и инокинь Новгородской земли. Архимандрит Савва Гречин, бывший некогда священником церкви свв. Константина и Елены, а в 1229 г. даже соперником Спиридона на епископских выборах, был лишен своего места, которое занимал с 8 марта 1226 г., после своего предшественника — игумена Савватия, благословившего его в преемники. Был ли этот Савва иереем-иконописцем, что до 1209 г. жил на одной из усадеб Людина конца, исследованной на Троицком раскопе¹⁸, и носил мирское имя Елисей, мы, наверное, вряд ли узнаем. «Иноческий» переворот произошел около 1 февраля, а через 6 недель, 15 марта 1231 г., Савва скончался¹⁹. Со Спиридonom князь Александр впоследствии был дружен, Арсений был для него «своим» с самого начала. Эти связи предопределили «церковно-государственную симфонию» в древнем Новгороде.

Уже «после всех сих приключишися», Ярослав в 1232 г. так и не отпускает, несмотря на уговоры, своего сына Федора на княжение во Псков, вновь оставляя обоих братьев в Новгороде. Но 10 июня 1233 г., накануне собственной свадьбы, Феодор, будучи 14 лет от роду, внезапно умирает²⁰. Александр остается в Новгороде единственным наместником отца, но лишь в 1236 г. Ярослав, уходя на поиски Киевского стола, оставляет его самостоятельным князем — судьей, военачальником и символом власти в Новгороде одновременно.

Подобает знать, что в Средневековье то было свято, что необычно. В жизни князя Александра обыденность смешивается с необычностью, а житейская предопределенность рушится из-за вмешательства свыше. Уже само имя Александра было непривычным для князей владимирских. Здесь чувствуется тяга к «Александрии», воспевающей подвиги Александра Македонского, к Византии, тоска по ее вселенскости и величию ее императоров, считавших себя если не святыми, то по крайней мере священниками. Возможно, выбор имени был обусловлен прочными тогдашними отношениями суздальских Рюриковичей с династией галицко-волынских князей, постоянно поддерживавших контакты с Константинополем, что и навесило непривычное для Древней

¹⁸ Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.

¹⁹ НПЛ. С. 70 (6738 [1231]).

²⁰ НПЛ. С. 72 (6741 [1233]).

Руси «цесарское» имя. Необычным было также и то, что княжичи выжили, хотя новгородцев в страшном 1231 г. телегами свозили в общую скудельницу «на пропостех», где ныне стоит храм 12 апостолов, и в две другие — на Чудинцеве улице и на Поле за церковью Рождества Божией Матери. Необычной была и смерть Феодора накануне брачного пира, вызвавшая удивление и жалость у летописца и горожан, и сподобившая князя Ярослава на строительство надвратной церкви в Кремле в том же 1233 г.

Церковь Двенадцати апостолов на «пропостех». Вид с севера.
Снимок 1900-х гг. Фотоархив ИИМК РАН

Церковь Рождества Христова на кладбище. Вид с юго-запада.
Снимок П. П. Покрышкина. 1912 г. Фотоархив ИИМК РАН

В глазах современников и их потомков это были знамения. Молодой княжич, едва ставший христианином, стал почитаться как святой. Он был погребен в Георгиевском соборе Юрьева монастыря, рядом с ним через 11 лет похоронят его мать Феодосию, ставшую Ефросиньей. Молва новгородцев, когда-то принесенная ему вместо небесной славы, сыграет с ним позднее злую шутку. В 1616 г., а быть может двумя годами ранее, солдаты армии Якова Понтуса Делагарди, мало-помалу переходящие из союзников в наемников, а из наемников в мародеров, в надежде поживиться «несметными богатствами, спрятанными в гробах Рюриковичей» (хронист XVII в. напишет: «ищуще поклажею») вскрыли несколько погребений в Георгиевском соборе. В одной из этих могил они нашли «человека цела и неразрушена» и «яко жива» прислонили его к стене. Митрополит Исидор добился разрешения перенести тело в Софийский собор, объяснив шведскому генералу, что перед ним мощи князя Федора. Осознавали ли участники событий, что митрополитом могли руководить не только христианские чувства и намерение защитить от поругания неизвестное тело, но и решимость организовать «военно-патриотическую акцию» в условиях, когда выполнение «интернационального долга» по форме сложно было отличить от оккупации?..

Торжественное перенесение мощей старшего Ярославича могло восприниматься современниками как демонстрация воинской доблести его младшего брата Александра, который в их глазах уже был героем Невской битвы и Ледового побоища. Похоже, еще задолго до

Петра Романова и Александра Пушкина, идя крестным ходом от Юрьева до Софии, митрополит Исидор мог «вздыхать и думать про себя»: «Отсель грозить мы будем шведу».

«И немцу», добавим мы от себя, ибо этих шведов в Новгороде XVII в. называли не иначе, как немцами. Однако мы не знаем доподлинно, вспоминали ли молитвенно о княжиче Федоре в Новгороде до 1616 г., не принимая, конечно же, в расчет служения ежегодных панихид и поминальной трапезы в день кончины молодого князя, память которого празднуется в день его небесного покровителя (10 февраля). Еще один день памяти приходится на 4 октября — после перенесения обретенного тела в Софийский собор, где княжич упокоился вместе с иными погребенными здесь Рюриковичами, строителями и ктиторами собора; а также по ошибке еще и 5 июня вместо 10 числа того же месяца, когда Федор действительно и умер.

Однако перенесенное тело подростку не принадлежало, поскольку из него некогда отлетела душа сорокалетнего мужчины, к тому же отравленного мышьяком. Скорее всего, это был один из участников гражданской войны на Руси XV в. князь Дмитрий Шемяка, принятый в Новгороде, но в Москве иначе как Каином и Святополком окаянным не именовавшийся. Как выяснила археология в 1933 г., княгиня и княжич на самом деле были похоронены у южной стены собора, прямо у боковых дверей²¹, и до поры их погребения оставались нетронутыми. В соответствии с тогдашним «социальным заказом» в 1930-е гг. княжеские останки были выставлены в храме на всеобщее обозрение и пропали во время Второй мировой войны. Есть сведения, что, как и крест с Софийского собора, как и многое другое из новгородских святынь, тело княгини Евфросинии было вывезено солдатами испанской «Голубой дивизии», квартировавшей в обители, к себе на родину. Судьба повторяется. То шведы, то испанцы... Соборный крест вернулся в Новгород в 2004 г., мощи пока не обнаружены.

Привходящие в жизнь Александра события, как и сама бурная эпоха, учили его не посягать на то, что он был не в силах изменить, подталкивали менять то, что было ему по силам, и подсказывали, как отличить одно от другого. Начало самостоятельного княжения сразу же поставило перед Александром проблему выбора и необходимость зорко глядеть по сторонам. В феврале 1238 г. князь не пришел на помощь осажденному татарами Торжку, но, сделай он это, уже тогда мог бы стяжать посмертную святость. В 1239 г. князь женится на Александре, дочери полоцкого князя Брячислава, и празднует два брачных пира — в Торопце и в Новгороде — для своих полоцко-смоленских родственников, поглядывающих в сторону поднимающейся Литвы, и для вольных новгородцев, ни на что не оглядывающихся. Возможно, что

²¹ Янин В. Л. Некрополь... С. 89—118.

второе имя княгини было Параскева, и тогда знаменитая Федоровская икона Божией Матери, на обороте которой был написан образ великомученицы в княжеских одеждах, могла быть создана ко дню княжеского браковенчания. Нам известно про пятерых детей князя — дочь Евдокия и четверо сыновей: Василий (1240/1241—1271), Дмитрий (1246—1294); Андрей (1255—1304) и Даниил (1265—1303). В Костроме икона могла оказаться вместе со старшим сыном, получившим некогда это княжение²².

Тогда же должны были состояться переговоры с Андреасом фон Вельвеном, видным дипломатом Ливонского ордена, который искал у Александра союза против Литвы. Военное столкновение на Неве, в устье реки Ижоры, остановило 15 июля 1240 г. шведский десант и задержало подчинение Приневья шведской короне почти на полвека. Однако ослабленная этим боем княжеская дружина не смогла предотвратить падение Пскова в октябре того же года. Невская победа обернулась псковским поражением и новгородскими проблемами, где князю, судя по всему, был брошен упрек в военной некомпетентности, после чего Александр вынужденно уехал в Переславль-Залесский. Князь возвратился в Новгород лишь в 1241 г., когда союз с ливонцами сменился войною с ними. Псков был освобожден, а 5 апреля 1242 г. «за Плесковом на озере» Александр и его брат Андрей, отряд которого был послан на подмогу их отцом Ярославом, одержали блестящую победу над рыцарским корпусом. Эта битва, после которой Русский Север действительно десяток лет не знал военных разорений, была названа потомками «Ледовым побоищем». Последними крупными победами князя были разгром литовского набега под Торопцом в 1245 г. и поход на жившее вблизи Финского залива племя Емь в 1256 г.²³ Впоследствии «Степенная книга царского родословия» в XVI в. припишет князю пять побед, по числу ран Христовых: на Неве, под Лугой, под Псковом, на Чудском озере и под Торопцом²⁴.

Ратный труд сменяется дипломатией — внешней и внутренней. Монгольское завоевание, погубившее немало родственников и соотечественников князя Александра, до поры не затрагивало ни его лично, ни Новгородскую землю. Однако завоеватели, так и не сумевшие разобраться в сложных семейных отношениях дома Рюриковичей, не знавшего настоящей иерархии, решили навести здесь порядок, подобно тому, как византийцы X в., заключая межгосударственные договоры с русами, стремились выделить среди них «архонта Киева», чтобы потом было кому предъявить счет за поправление греческих и «русских»

²² Федоров А. В. Тайна царской святыни: история Федоровской иконы Божией Матери. СПб., 2012.

²³ НПЛ. С. 79 (6753 [1245]), 81 (6764 [1256]).

²⁴ ПСРЛ. 21: 1. С. 281—287 (sine anno).

законов. Так, и в XIII в. назначался «старший» в роду, который вместе с Владимирским столом получал в Орде ярлык на великое княжение. Со старшего хан всегда мог спросить за то, что творилось на Руси. В 1246 г. после смерти Ярослава, бывшего великим князем, этот титул получил дядя Александра — Святослав Всеволодович, однако уже в 1247 г. инициативу перехватывают его энергичные младшие братья — сначала Михаил, а потом Андрей Ярославичи. Начинается «пря о великом княжении». В том же году в Орде Александр, сохраняя за собой Новгород и Переславль-Залесский, получает из рук хана и княжение в Киеве — безо всякого титула «великий», и Рускую землю — Среднее Поднепровье. Великий же князь по-прежнему сидит во Владимире. Системе территориально-административного управления Чингизидов всегда была присуща двойность, но раздел Руси осуществился не только в соответствии с монгольскими традициями²⁵, но и вновь обозначил существование в Восточной Европе «внешней» и «внутренней» *Росии*.

В эти годы князь возвращается в круг европейских интересов: с Римом он вступает не столько в общение, сколько в дипломатические отношения. Еще ранее, будучи на Волге и следуя путем в Каракорум, он отвечает на послание папы Иннокентия IV от 23 января 1248 г., посвященное чаемому воссоединению с Римской церковью²⁶. В своем послании он исповедует христианскую веру и дает согласие на строительство в Пскове «соборного» храма латинского обряда, который был отнюдь не кафедральным, епископским, но приходским, общим. Об этом мы узнаем из нового папского послания 15 ноября 1248 г.²⁷ Мнение о том, что папские буллы выдают желаемое за действительное и вообще были адресованы «не тому князю», безосновательно. Церковь латинского обряда во Пскове несомненно существовала. В 1465 г. псковская летопись упоминает «Ропатую лавицу», очевидно, участок поселения на приречной террасе в Опоцком конце²⁸. Ропатой на Руси назывался как раз храм латинского обряда. Название, судя по всему, происходило от искаженного слова «ротонда». В том году от сего места

²⁵ Рыкин П. О. Дуальная система власти на Руси при Александре Невском // Клепенин Н. А. Святой благоверный и великий князь Александр Невский / Ю. В. Кривошеев, Ю. В. Сандулов (ред.). СПб., 2004. С. 209—226.

²⁶ *Historica Russiae monumenta, ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliotecis depromta* / A.I. Turgenyev (ed.). Saint-Petersbourg, 1841. Т. 1. Р. 63, № 78.

²⁷ Рошко Г. Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия: послания Папы Римского Даниила Галицкому и Александру Невскому // Символ. 20. 1988. С. 92—113, здесь с. 112—113; Горский А. А. Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции. 26—28 сентября 1996 г. Новгород, 1996. С. 64—75.

²⁸ Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 161 (6973 [1465]).

Невская битва. 1240 г. Миниатюра Лицевого летописного свода.
Лаптевский том. XVI в.

пошел мор, и первым скончавшимся был некто Федорка Царский, незадолго до этого приехавший из Юрьева, нынешнего Тарту в Эстонии. Вполне естественно, что рядом с латинской «ропатою» находился ино-

земный двор, где проживали купцы, торговавшие с Европой. Нет оснований говорить, что псковская «ропата» была устроена лишь при Александре, но в это время она вполне могла быть перестроена в связи с увеличением католической общины во Пскове.

Чуть позже, в 1251—1252 гг., князь ведет переговоры о дружбе с королем Норвегии Хаконом Хаконарсоном и даже пытается сосватать его дочь Кристину за своего сына Василия²⁹. Похоже, князь умел разделять войну, политику и веру, не пытаясь решать их проблемы чуждыми им способами. Александр вряд ли забыл, что с открытием навигации весной 1231 г., после страшного, людоедского голода, именно немецкие купцы первыми завезли в Новгород муку и зерно — «гуманитарную помощь» XIII в.

Печать архиепископа Новгородского Далмата. 1251—1273 гг. Прорись.
Свод В. Л. Янина

В 1249 г. умирает епископ Спиридон, с которым князь был связан 20 лет, и 25 мая 1251 г. в Новгороде митрополит Кирилл и другой Кирилл, епископ ростовский, рукополагают нового епископа Далмата³⁰. Владимирский летописец уверен, что новгородцы «умолили» митрополита, который приехал к ним в город исключительно к князю Александру, в то время как согласно новгородской версии их приезд был связан прежде всего с архиерейской хиротонией. В том же 1251 г. (или в следующем 1252 г.) Александр приезжает в Орду и наконец-то получает Владимирское княжение, «старейшинство во всей братии его»³¹. Это окончательно портит отношения князя с родными братьями —

²⁹ Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе: тексты, перевод, комментарий. М., 2012. С. 535—542.

³⁰ НПЛ. С. 80 (6757, 6759 [1249, 1251]).

³¹ ПСРЛ. 1. Ст. 473 (6760 [1252]); ПСРЛ. 7. С. 159-160 (6760 [1252]).

Андреем, вторым триумфатором битвы на Чудском озере, и Ярославом. У нас нет свидетельств, что Александр оклеветал своего брата в Орде, обвинив его в неуплате налогов. Против Андрея, предпочитавшего, по выражению летописца, не служить «цесарю», а бегать от него, как и против союзного с ним Ярослава, уже давно поднималось азиатское недовольство. Историки обычно отводят от Александра подозрения в братоубийственной расправе, пытаются доказать, что князь поехал к хану уже после засылки на Русь карательного корпуса во главе с воеводой Неврюем, целью которого было наказать непокорного Андрея.

Однако очевидно, что Александр воспользовался ситуацией и вернулся из Орды великим князем — следом за «Неврюевой ратью», от которой Андрей бежал из Руси в заморье, а Ярослав, после праздника Крещения 1254 г., бежал вместе со своими боярами из Тверской отчины — спасаться в Ладогу. Здесь он был принят с честью, после чего получил княжение во Пскове, при полном согласии новгородцев (а в Новгороде тогда княжил сын Александра Василий).

Добрые отношения Новгорода с братом Ярославом, не подчинившимся диктату Орды и ее ставленника — великого князя, должны были раздражать Александра. Конфликт назревал уже давно и мешал всем. В 1255 г. новгородцы все же решили отправить на переговоры к Александру Ярославичу архиепископа Далмата с «грамотами о мире». Это не спасло ситуации: новгородское восстание против Александра разгорелось в том же году. Василий Александрович был изгнан, а на новгородский стол был посажен Ярослав Ярославич. Владимирский летописец целиком возложил вину за происшедшее на «медлительность» и нерасторопность иерарха: все события произошли, «оному же умедлившу»³². Совсем как один из Александровых потомков, который в своем послании князю Андрею Курбскому раздраженно писал: «Мниши сие светлость благочестива, еже обладатися царству от попа невежи?.. Нигде же бо обрящеши, еже не разоритися царству, еже от попов владомому»³³. Вот и задумаешься, любил ли и почитал ли князь духовенство так страстно, как это приписывает ему агиограф?

Сами же новгородцы встретили князя и вернувшегося с ним Василия не крестным ходом и «поклоном с честью многою», как утверждает Лаврентьевская летопись, а двумя вооруженными полками — кавалерийским за церковью Рождества на поле и пехотным на Славне. Впрочем, мир «на всей воле новгородской» был заключен достаточно быстро. Только тогда архиепископ Далмат вышел навстречу князю «со кресты» у Прикуповича двора, расположенного, очевидно, где-то на том же Славенском холме, по дороге на Городище³⁴.

³² ПСРЛ. 1. Ст. 474 (6762 [1254]).

³³ Послания Ивана Грозного / Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье (ред.-сост.). М.; Л., 1951. С. 22.

³⁴ НПЛ. С. 80—81 (6763 [1255]).

В 1257 и 1259 гг. Новгород, не без участия княжеского сына Василия, был охвачен новыми восстаниями против проводимой здесь Ордой «переписи населения» в целях получения податей с покоренных территорий. Протест новгородцев носил не только прагматический характер, связанный с желанием «уклониться» от уплаты налогов, или же с отказом содержать оккупантов. Дело в том, что библейское сознание со времен царя Давида рассматривало перепись как вызов, брошенный Богу, поскольку переписчик покушался на «Божественную собственность», на обладание «святыми людьми», сначала израильтянами, а потом и христианами, которых Бог взял в Свой удел (2 Цар. 24: 1—25). В 1257 г. князь Александр, в соответствии с нормами византийского уголовного наказания, «казнил» зачинщика — неведомого нам своего тезку Александра и его дружину как сообщников, обвинив их в том, что именно они подбили Василия «на зло»: «овому носа урезаша, а иному очи вимаша»³⁵. Своего сына, бежавшего в Псков, он по свидетельству летописи «выгна из Плескова и посла в Низ», т. е. в Северо-Восточную Русь.

Выставляемая на показ жесткость князя по отношению к собственному сыну была обычной мизансценой средневековой постановки под названием «священное призвание царской власти». Это была часть ритуала, общественной игры, в которую зачастую играли и василевсы. Так, византийский император, основатель Македонской династии Василий I (867—886) столь же демонстративно лишил в 883 г. по клеветническому доносу титула своего соправителя и на три года заключил в темницу собственного сына — будущего императора Льва VI Мудрого. (Именно во время его правления князь Олег Вещий прибивал свой щит «на врата Цареграда».) В сложных взаимоотношениях отца с сыном угадывается продуманное действие. Для Льва это была своеобразная инициация, обряд перехода (*rite du passage*), который подготовил его к принятию императорской власти. Опять же: император в Византии рассматривался как «подражатель Христу». Уподобляясь Богу, император следовал Евангелию, принося собственного сына в жертву, пусть и текущей политике: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына своего едиnorodного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3: 16). Так поступали и все другие, кто хотел подражать императору.

Князя на Руси успешно восприняли императорскую идеологию — быть *imitator Christi*. Демарш Александра с Василием напоминает историю Льва Мудрого. Василий Александрович умирает в 1271 г. костромским князем. Очевидно, он появляется на свет на рубеже 1230—1240-х гг., когда начинается почитание князя Владимира Святого. Характерно, что в летописях князь назван только полной формой своего

³⁵ НПЛ. С. 82 (6765 [1257]).

имени, как и родившийся примерно в то же время его дядя и тезка Василий Ярославич — Мизинный. Возможно, Василий был назван в честь крестителя Руси и основателя христианской династии. Для того чтобы полностью соответствовать имени своего великого пра-пра-пра-пра-прадеда в глазах средневековых русичей, ему надлежало публично пострадать, пусть даже незаслуженно.

Для подавления протестов Александр не только жестко использует собственную власть, но также привлекает военную силу оккупантов. Похоже, он действительно старался не поссориться с восточным соседом, гораздо более властным и требовательным, чем западный. На фоне этих «братоусобных» браней побратимство князя с ханом Сартаком или же свадьба его дочери с кем-то из монгольских правителей выглядят не столько реальными событиями жизни, сколько смутным пожеланием евразийцев: после 1252 г. Александр Ярославич так ни разу и не встретился со своим «приемным отцом».

В 1259 г., во время очередной переписи, князю Александру пришлось вновь бежать из Новгорода. Близкие в Суздале опасались за его жизнь — местный летописец с облегчением отмечает, что князь прибыл «здрав»³⁶. Новгородский летописец очевидно знал о непростых отношениях князя и горожан, но посчитал княжеские страхи его личной проблемой. Он записал, что князь «поехал» из Новгорода лишь после того, как обеспечил безопасность ордынских «налоговиков», оставив на княжении своего сына Дмитрия. Похоже, что в 1262 г., когда сходным протестом была охвачена и Владимирская земля, Александр сознательно сорвал ордынскую попытку использовать русские отряды в войне с Ираном, находившимся под властью династии Хулагидов, неожиданно и без видимой надобности отправив новгородское войско во главе с сыном Дмитрием осаждать Юрьев³⁷.

Между двумя переписями, в 1261 г., архиепископ Далмат покрывает собор Святой Софии новой свинцовой крышей³⁸. Это самое дорогое строительное мероприятие новгородцев за время, прошедшее с выплаты дани оккупантам — ордынского «выхода» 1259 г., стало возможным благодаря освобождению монгольской властью от «положения в число» всех, «кто зрит на Святую Софию»³⁹, т. е. всего древнерусского духовенства и входивших в церковную юрисдикцию лиц. Очевидно, к этому времени церковь уже была освобождена от налогов, хотя древнейший из дошедших до нас ханских ярлыков принад-

³⁶ ПСРЛ. 1. Ст. 475 (6767 [1259]).

³⁷ Егоров В. Л. Александр Невский и Чингизиды // Отечественная история. 2. 1997. С. 48—58.

³⁸ НПЛ. С. 83 (6769 [1261]).

³⁹ Ср.: ПСРЛ. 1. Ст. 475 (6765 [1257]).

лежит Менгу-Темиру и датируется 1266/1267 гг.⁴⁰ Такой «выход» позволил дому Святой Софии создать собственный «золотой запас», ставший своеобразной казной Великого Новгорода. Впоследствии новгородские архиереи будут не раз и не два финансировать общественные работы из своего стяжания, а передача под их управление «черных», государственных земель Новгорода лишь усилит земное могущество владык дома Небесной Премудрости.

В том же 1261 г. митрополит Кирилл рукополагает епископа Митрофана на кафедру в Сарае — расположенной на Волге столице Золотой Орды⁴¹. Новая епархия в Восточной Европе была создана непосредственно перед этим событием. Об участии князя Александра в самом избрании или в создании новой кафедры нам ничего не известно. Очевидно, последнее было в значительной степени делом византийской дипломатии: в 1274 г. сарайский епископ Феогност обращался к Константинопольскому Синоду непосредственно, минуя своего митрополита,⁴² что, скорее всего, свидетельствует о наличии у него подобного права⁴².

К этому времени князь уже завершал течение земной жизни, череда его политических деяний, свидетельствующих о нем как о властном и жестоком самодержце, подходила к концу, но мы пока не сумели провидеть в его делах будущую святость и разглядеть христианскую личность. Между тем эта личность разнообразно проявляла себя!

В 1246 г. Александр хоронит своего отца, а 1249 г. погребает дядю Василия Всеволодовича и двоюродного брата Василия Константиновича и «плачет над ним»⁴³. Это не ритуальная формула и не формальный ритуал. Вопреки мнению о «бесчувственности» Средневековья, глаза людей того времени часто были «на мокром месте», что отнюдь не считалось постыдным. То были слезы «страха смертного», который почитался положительным качеством средневекового человека. В лицо смерти князь смотрел также и в 1251 г., когда с ним в Новгороде приключилась «болезнь тяжка»⁴⁴. Исцеление от болезни летописец объяснил как прощение, помилование Божие, которое случилось не только по молитвам Кирилла, митрополита Киевского, и Кирилла, епископа Ростовского, но и по молитвам отца, князя Ярослава, скончавшегося или даже отравленного в Орде за пять лет до того. Отеческое предстательство из мира иного оказалось сродни вмешательству других сродников — святых князей Бориса и Глеба, которые пришли Александру на помощь в сражении на Неве, что увидел ижор-

⁴⁰ *Приселков М. Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.

⁴¹ ПСРЛ. 1. Ст. 476 (6769 [1261]).

⁴² Памятники древнерусского канонического права... Ст. 129—140.

⁴³ ПСРЛ. 1. Ст. 471, 472 (6755, 6757 [1247, 1249]).

⁴⁴ ПСРЛ. 1. Ст. 472 (6759 [1251]).

ский староста Филипп-Пелгусий. Уверенность современников в загробном блаженстве своих князей теоретически давала возможность каждому из них стать святым, но отнюдь не все ею воспользовались. Почему это удалось Александру?

Чудесность исцеления не может быть проигнорирована, когда мы говорим об отношении современников к князю Александру, как не могут быть отброшены иные неожиданные повороты его судьбы, часть из которых уже упомянута. Он умер 14 ноября 1263 г., в среду, накануне Рождественского поста, в Городце на Волге, возвращаясь из Орды. Накануне смерти князь принял монашеский постриг. Погребен был в пятницу, 23 ноября, в Рождественском монастыре во Владимире. Разница календарных стилей «перенесла» день его церковной памяти на 6 декабря, но в любом случае примечательно, что эта память, вошедшая в святцы, совпала не с днем кончины, *dies natalis* христианина для новой жизни, но с днем погребения.

Почему так? Отпевавший князя митрополит Кирилл, в духе византийской гимнографии, сравнит его кончину с крестной смертью Христа и скажет собравшимся на прощальную молитву: «Зашло солнце земли суздальской!»⁴⁵ А митрополичий эконо́м Севастьян поведает, что когда они с митрополитом хотели разжечь княжескую десницу, чтобы вложить в нее разрешительную молитву, то князь сам, словно живой, возьмет в руку писание. Здесь дан яркий образ смерти, раскрывающий жажду спасения и отпущения грехов. Тем не менее похоже, что интимный характер события рождения нового гражданина Царствия Божия был принесен в жертву общественной значимости погребения князя городской общиной, обретшей в его лице святого заступника и покровителя. Однако что именно превращало усопшего князя в ангела-хранителя города и окружавших его земель, была ли это лишь метаморфоза власти, сменившей земное бытие на небесное?

Предсмертный постриг на Руси того времени уже не был редкостью, распространившись здесь с конца XII в. Первым известным постригом было монашество князя Святослава Всеволодовича в Киеве в 1194 г.⁴⁶ Однако постриг великого князя, старейшего из всей братии, расставлял все небесные и земные ценности по подобающим им местам, не оставляя сомнений в превосходстве одних над другими. Это был акт покаяния с большой буквы.

Покаяние по-гречески — *μετάνοια*, что можно перевести как «умоперемена», действительное обращение. Последнее не имеет ничего общего с тем обывательским, ханжеским отношением к покаянию,

⁴⁵ Житие Александра Невского // Древнерусские княжеские жития / В. В. Кусков (ред.-сост.). М., 2001. С. 200; ПСРЛ. 7. С. 164 (6671 [1263]). Ср.: ПСРЛ. 21: 1. С. 293. (sine anno).

⁴⁶ ПСРЛ. 2. Ст. 679—681 (6702 [1194]).

которое так превосходно описал Николай Гумилев в своем стихотворении «Дон Жуан»:

Моя мечта надменна и проста:
Схватить весло, поставить ногу в стремя
И обмануть медлительное время,
Всегда лобзая новые уста.
А в старости принять завет Христа,
Потупить взор, посыпать пеплом темя
И взять на грудь спасающее бремя
Тяжелого железного креста!

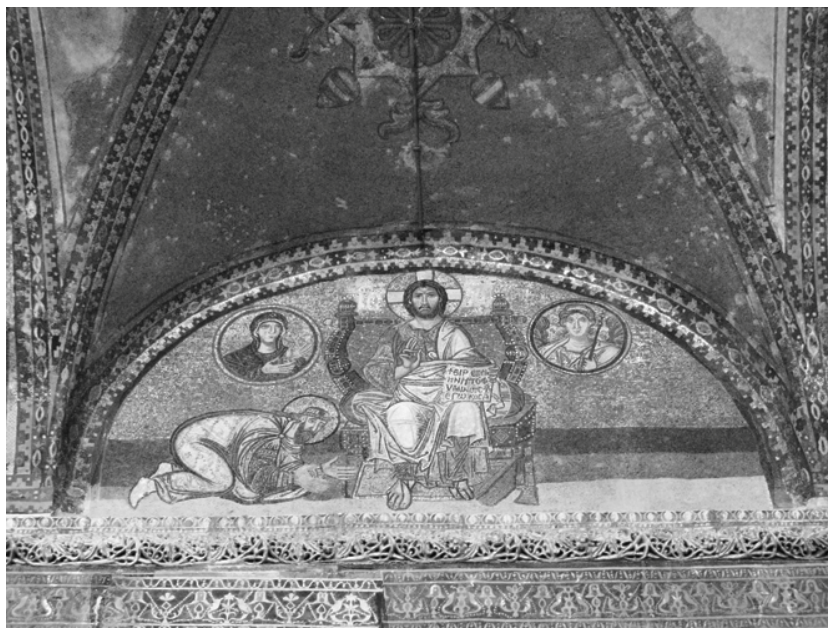
Покаяние императора в византийской традиции, как и князя в древнерусской, имело особенное значение. Государь всех христиан сам был поданным Государя Небесного. Эти сложные отношения выразил от лица императора византийский поэт XI в. Иоанн Мавропод, митрополит Евхаитский в своей эпиграмме:

Веленьем я Твоих перстов
Стал господин Твоих рабов.
Меня ж, раба своих страстей,
Страшит Господский взмах плетей.

Исследователей давно привлекала загадочная мозаика X в. в нартексе святой Софии Константинопольской, где безымянный император в позе придворного церемониального поклона — проскинесиса — припадает к стопам Христа. Греческий византист Николай Икономидис (1934—2000) предположил, что здесь изображен Лев VI (886—912), испрашивающий прощения как за свой неканонический четвертый брак, так и за вмешательство в церковные дела. Наиболее убедительные параллели этому изображению представляют византийские миниатюры к 50-му псалму, начинающемуся словами: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей...» Этот псалом — знаменитое *Misere-re*, покаяние библейского царя Давида за совершенный им грех прелюбодеяния и убийства. Очевидно, мозаика в нартексе, под которой византийский император проходил каждый раз при входе в храм, указывала ему образец для подражания. Она являла образ «императора кающегося» и была символом не холодного церемониала, но горячей мольбы о прощении, реально демонстрируя хозяину земному, кто хозяин в «доме Божием».

Покаяние императора было покаянием не только за персональные грехи. Для византийского василевса это был плач об утерянной легитимности, ибо грех не только лишал его звания христианина, изводя вон из Церкви, но и угрожал власти, поскольку законная власть в христианском обществе обреталась лишь через признание того, что Церковь выше Царства. Покаяние правителя, будь то император или

князь, было смиренным признанием существующего миропорядка, отказом от претензий на власть над Церковью и признанием над собой власти церковного клира «вязать и решить» (Мф. 18: 18) человеческие грехи.

Покаяние византийского императора (Льва VI?).
Мозаика храма св. Софии Константинопольской. Стамбул, Турция

Предсмертный постриг князя, который неоднократно вмешивался в дела Церкви, должен был рассматриваться обществом как деяние, направленное на придание легитимности созданной Александром системе власти и основанной им династии Рюриковичей-Александровичей, представители которой могли надеяться на успех, лишь признавая главенство Церкви в вещах духовных. Не случайно на древнейшем изводе иконы князя, ставшего иноком, святой держит в руках свиток со словами из книги Проповедника: «Братия моя, Бога бойтесь и заповеди его [соблюдайте]» (Екклесиаст 12: 13). «Братия моя» могла быть только княжеской братией. Именно в этих словах, а не в чем-либо другом, заключалось истинное завещание святого князя...

Уже неоднократно отмечалось, что с наступлением Московского царства княжеская святость, столь характерная для Древней Руси, исчезает⁴⁷. Ровно так же обстояли дела и в Византии, где канонизация

⁴⁷ Федотов Г. П. Святые древней Руси. М., 1990. С. 90—108, 199.

правителя не имела ничего общего с освящением власти самодержца. Да и самодержцев, сумевших попасть в святцы, в Византии было не так уж и много⁴⁸. Такая малочисленность указывает нам истинную цену чиновной святости.

Образ св. Александра Невского, в монашестве Алексия.
Иконная прорись Э. Хасяновой

⁴⁸ Дагрон Ж. Император и священник: этюд о византийском «цезарепапизме» / Пер. с франц. А. Е. Мусина. СПб., 2010. С. 194—200.

На Руси княжеская святость в некотором смысле была святостью «заместительной»: князья выступали в месяцеслове представителями своих многочисленных безымянных поданных — мирян, безвестная жизнь которых не оставляла им шанса ни на славу в народе, ни на официальную святость. Широкая известность княжеских деяний представляла гораздо больше возможностей получить «корочки» Небесного Царствия еще на земле. К тому же, социальная миссия князя в обществе, границы которого совпадали с границами Церкви, была одновременно христианским служением. Он воспринимался как защитник от нашествия иноплемennых и междоусобных браней. Он был вершителем скорого и правого суда, покровителем несправедно обидимых сирот и вдов и наказателем обидящих. Его меч, который он, по слову апостола Павла, должен был носить «не напрасно» (Рим. 13: 4), был обоюдоострым. Клинок князя должен был поддерживать «наряд» в своей стране и порядок на ее границах. Надо ли говорить, что князья зачастую злоупотребляли «правом меча»? Как бы то ни было, святость князя была не только следствием его сакральной родовой избранности, о чем извещает нас автор составленного в Суздале жития, приводя цитату из пророка Исаии, где говорится, что князья святы по избранию Божию, но и следствием проистекающих из этой сакральности социальных функций и обязанностей общественного регулятора. Однако в предсмертном жесте князя на первый план выходила свойственная Византии иерархия ценностей.

Описанная выше икона — посмертный портрет в монашеском облачении со свитком-завещанием в руке — была поставлена на гробе. Почитание князя, ставшего иноком, должно было начаться сразу и именно во Владимире, у его могилы в Рождественском монастыре. Потому не кажется странным, что первым днем памяти благоверного князя стал не день кончины, но день погребения, в годовщину которого на его гробе стали совершаться регулярные заупокойные службы. В этих службах был заинтересован, прежде всего, митрополит и его клирос. Почитанию способствовала также нетленность тела, которая всегда удивляла русского человека и была для него, пусть и вопреки церковной традиции, признаком святости. Об этом свидетельствует и сообщение летописца о пожаре во Владимире, уничтожившем город и его святыни 23 мая 1491 г., когда монастырский храм Рождества весь выгорел изнутри: «И тело великого князя Александра Невского сгоре, понеже бо в теле лежаше»⁴⁹.

К 1380 г. почитание князя во Владимире уже вполне сложилось. Накануне Куликовской битвы местный пономарь видел, что свечи у княжеского гроба зажглись сами собой, а вышедшие из алтаря два че-

⁴⁹ Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). ПСРЛ. 28. М.; Л., 1963. С. 321 (6999 [1491]).

стных старца позвали князя на помощь правнуку — Дмитрию Ивановичу, как некогда, согласно житию, к нему самому поспешили святые Борис и Глеб, дабы помочь в Невской битве. События, как свидетельствовали очевидцы, повторились через две сотни лет. В княжеском житии засвидетельствовано чудо: инок Рождественского монастыря Антоний в 1571 г. во время нашествия на Москву войска Девлет-Гирея увидел святых Бориса и Глеба, которые, спешившись с коней, вошли в храм и разбудили спящего Александра словами: «Востани, брат наш, да ускорим на помощь сроднику нашему царю Ивану!» Забрав по пути покоящихся в Успенском соборе владимирских князей и из Ростова Петра, царевича Ордынского, небесное воинство устремилось под стены московского Кремля.

Как раз во второй половине XIV в. у Александра появляется прозвание «Невский» как дань обострившимся к этому времени русско-шведским отношениям: военный эпизод на Неве стал знаковым. Униженное азиатским господством состояние страны искало способ высветиться в собственных глазах, в том числе и с помощью воспоминаний о былых победах, как возможном залоге побед будущих. Монашеская кончина князя отходила на второй план, а на первое место вышли его воинские подвиги и достоинства, о которых говорилось в житии: красота Иосифа, сила Самсона, премудрость Соломона, храбрость и воинская удача Веспасиана, Давида и Иисуса Навина, чудесная победа библейского Езекии над Сennaхиримом.

Свою лепту в создание новой, воинской ипостаси святого князя внес и Новгород, где должна была родиться легенда о Невской битве. И тем не менее Александр изначально не был святым для дома святой Софии. Новгородский летописец именует князя не Невским, а Храбрым, не привязывая его дружинные доблести к конкретному событию. Говоря о княжеской кончине и его заслугах, новгородец XIII в. обращается с молитвой не к князю, почившему на Божественном лоне, но к Богу за князя: «Даи Господи милостивый видети ему лице Твое в будущей век, иже потрудиши за Новгород и за всю Руськую землю», — то есть еще только просит даровать князю отпущение грехов и жизнь вечную. Это и не мудрено. Договоры между Новгородом и князьями, заключенные после кончины Александра, еще помнят, в чем именно князь должен быть прощен на небесах, предостерегая тем самым новых суверенов: «А что брат твой Александр деял насилие над Новгородом, а того, княже, отступиши, а что было отъял брат твои Александр поже, то ти, княже, не надобе»⁵⁰.

Особая роль святых Бориса и Глеба в Невской битве и ратные подвиги ее участников — жителей Прусской улицы Гаврилы Олексича, Збыслава Якуновича и Мишы заставляют думать, что именно в дру-

⁵⁰ ГВНП. С. 11, № 2.

жинной среде «прушан» и начал слагаться образ святого князя, уподобленного Александру Македонскому, Ахиллу и Диогену Акриту. Не стоит думать, что лишь удачливость Александра как военачальника послужила для пружин поводом к его почитанию.

Летописная фраза о том, что князь не просто потрудился за Новгород и Русскую землю, но потрудился «живот свой отдавая», напрямую отсылает нас к Евангелию: «Нет больше той любви, как если кто положит жизнь свою за други своя» (Ин. 15: 13). Воин в Древней Руси был больше, чем воином, но исполнителем особой миссии, которую бы мы сегодня назвали христианизаторской⁵¹. Древнерусская дружина была носителем особого сознания, определенным образом в контексте своего времени понятых христианских идеалов. Новая вера пришла на Русь именно через воинское сословие. В молитвенных надписях-граффити на стенах древнерусских храмов лишь воины и священники указывали свою профессию, и обе в сознании тогдашнего общества были сопоставимы. Сегодня нам кажется странным, что кто-то когда-то ценил в христианине воинские качества, умение защищаться и нападать, умирать и убивать, но тогда были другое время и другая эпоха. Воины Христовы ощущали свою ответственность за веру, которую им приходилось распространять и защищать, а также за людей одной с ними веры, что доверили им свои жизни. Они, как и князь, помнили, что Бог не в силе, а в правде.

Христианское средневековье без ханжества относилось к насилию и кровопролитию, до которого вольно или вынужденно опускались христиане. Первое послание царя Ивана IV князю Андрею Курбскому упоминает Константина Великого и Федора Ростиславича Смоленского, которые, несмотря на убийство своих сограждан и даже собственного сына, «во святых причитаются»⁵². Современники князя Александра, не греша против христианской совести и духа эпохи, могли почитать в нем не только смирение инока, но и дерзновение воина.

Но все же главное, о чем надлежит помнить и что изначально привлекало современников к могиле благоверного князя и дало ему святость в глазах средневековых христиан, это была его новая монашеская жизнь, которая перетекла в жизнь вечную, а вовсе не его княжеские и воинские достоинства. Александр был «канонизирован» именно сразу после кончины, а отнюдь не на соборе 1549 г. В середине XVI в., служба монаху Алексию, в миру князю Александру, его икона и житие, обновленные иноком Рождественского монастыря Михаилом и получившие соборное одобрение, лишь стали широко распространяться по российским городам и весям.

⁵¹ Мусин А. Е. *Milites Christi* Древней Руси: воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005.

⁵² Послания Ивана Грозного. С. 19

Однако святость князя начинает жить в глазах потомков новой жизнью, постепенно «освобождаясь» от тех смыслов, которыми она была наделена в момент рождения, и прирастая новыми образами в угоду осознанной «исторической политике». Князь, воспринявший навязанную завоевателями систему социально-политических и экономических отношений и завещавший ее потомкам, может быть по праву назван «отцом русского феодализма». Он первый на Руси стал помещать на своих печатях изображение конного воина с мечом, восприняв его

Печать князя Александра Ярославича с изображением европейского рыцаря. 1250-е гг.

из культуры латинской Европы и тем самым уравнивая себя в правах с ее правителями⁵³. То не было изображением его небесного покровителя; мы видим европейского рыцаря, подобного античному герою — Александру Македонскому. С помощью Александра и его европейских современников всадник стал традиционным символом власти европейских государей, «погоней» польских королей и литовских князей, «ездецом» и «копейщиком» князей московских, прописавшимся впоследствии на российском гербе в качестве святого Георгия-Победоносца. Так, постепенно из смиренного инокa и храброго христианина Александр начал превращаться в средневековом сознании в основателя могущественной империи, ее покровителя и защитника.

Начиная с XVI в. из достоинств Александра оказались востребованы в первую очередь достоинства правителя. Агиология Александра становилась идеологией его потомков, направленной в том числе и против Новгорода. Оправдывая гражданскую войну и обличая обычаи новгородцев — «окаянных смердов-изменников», московский летописец в 1392 г. в связи с очередным столкновением Новгорода и князя Василия Дмитриевича из-за особого налога — «черного бора» и митрополичьего суда, ловко пользуется историей конфликта между Александром Ярославичем и горожанами, патетически восклицая:

⁵³ Хорошкевич А. Л. Конные печати Мстислава Мстиславича Удалого — источник по истории международных отношений Руси начала XIII века // Славяне и их соседи: Международные отношения в эпоху феодализма / Г. Г. Литаврин (отв. ред.). М., 1989. С. 24—27; Она же. «Конные печати» Александра Невского и традиции средневековой сфрагистики // Александр Невский и его эпоха / Ю. Н. Бегунов, А. Н. Кирпичников (ред.). СПб., 1995. С. 140—145.

«Таков бо есть обычай новгородцев: часто правают ко князю великому и паки рагозятся. И не чудися тому: беша бо человецы суровы, непокориви, упрямчиви, непоставни. Кого от князь не прогневаша, или кто от князь угоди им, аще и великий Александр Ярославич не уноровил им?»⁵⁴ Степенная книга славит в нем «смирненную мудрость»⁵⁵ — мудрую осторожность, которая позволила князю заложить фундамент Третьего Рима и избежать конфликтов с Ордой. Князь добровольно стал иноком, но поверх монашеского облачения на него упорно стремились надеть княжескую мантию.

Окончательно это удалось продолжателю, а отнюдь не разрушителю дела Московской Руси — Петру Великому. В 1711 г. он закладывает Александро-Невскую лавру при впадении Черной речки в Неву, на том месте, где, как в XVIII в. некоторые полагали, и произошла Невская битва. С того же времени в Петербурге начали помпезно праздновать и день памяти князя-инока — 6 декабря. Но царю был нужен князь, а не инок. 12 сентября 1724 г. завершилось торжественное перенесение Александровых мощей из Владимира в Санкт-Петербург. Именно этот день стал главным праздником князя в северной столице, у которой вслед за братьями-апостолами Петром и Андреем появился еще один святой покровитель. Мы привыкли считать, что, основывая «град святого Петра», Петр Великий создавал собственный «Третий Рим» — продолжение Новгорода и противника Москвы, о чем может свидетельствовать перенесение в новую столицу мощей новгородского князя⁵⁶. Похоже, однако, что царю Петру удалось собрать под северным небом духовных основателей всех мыслимых Римов — первого, второго и третьего. В своем созидании он ориентировался на единственно значимый для него «Третий Рим» — его Москву и назначил князя Александра в святые новой столицы как прародителя рода московских князей и как основоположника Московского царства. Торжество перенесения мощей было не случайно назначено на день памяти святого князя Даниила Московского, заложившего основу могущества московского дома, но оттесненного новым праздником на вторые роли в петербургском месяцеслове. Троичное посвящение соборного храма Санкт-Петербурга, как и главной церкви Александро-Невской лавры, должно было воскрешать в памяти не псковскую «Троицу», но монастырь прп. Сергия Радонежского «у Троицы», ставший символом

⁵⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1993. Т. 5. С. 282. Примеч. 148.

⁵⁵ ПСРЛ. 21: 1. С. 279 (sine anno).

⁵⁶ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Художественный язык средневековья. Сб. ст. / В. А. Карпушин (ред.). М., 1982. С. 236—249.

Икона св. блгв. князя Александра Невского в императорской мантии.
Середина XIX в. Палех

Орден Александра Невского. СССР.
1942 г.

политического единства России, собранной вокруг Москвы.

С Александром Невским на берега Невы пришел вовсе не Новгород, а Москва. Все, что мы знаем о князе и Новгороде говорит о вторичности княжеского почитания в этом городе, как и о том, что он не новгородский, а «анти-новгородский» князь.

Еще до перенесения мощей, 15 июня 1724 г. Святейший Синод запретил писать князя на иконах в его иноческом чине, потребовав делать это в одеждах великокняжеских — в латах и в горностаевой мантии. Империя постаралась

освободить князя от образа смиренного инока, за что как раз и полюбила его Древняя Русь, окончательно превратив Александра в воителя и правителя, а имя его приняв как особый знак, отличающий династию Романовых.

Советская эпоха вновь постаралась приспособить святость князя к своим нуждам. Ее конструкторы заново переписали историю в собственных целях. Образ князя утрачивал христианское качество быть солью земли и становился пресным и черно-белым. Теперь это в первую очередь полководец, готовый идти на смертный бой, когда его пошлет туда «страна родная» Этот образ пришел в жизнь советского народа в 1938 г. вместе с Николаем Черкасовым, сыгравшим князя в фильме Сергея Эйзенштейна; он же закрепился в княжеском профиле, навеянном тем же фильмом, на новом советском ордене Александра Невского, что был учрежден 29 июля 1942 г. Тогда же православным «позволили» сдать деньги в Фонд обороны на создание танковой колонны в честь героя Куликовской битвы и эскадрильи «сталинских соколов», которую планировали назвать именем Александра Невского. Однако тиран решил, что танков будет достаточно. Похоже, что эскадрилья так и не взлетела с аэродромов церковно-государственных проектов.

Сегодня князь стал для политиков одним из немногих связующих звеньев между досоветской, советской и постсоветской Россией, сочетающей сталинский гимн и романовский герб. Именно в этой атмосфере евангельская фраза «Все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26: 52) превращается в противоположность: «Кто с мечем к нам придет, от меча и погибнет». Подобное смещение святости и светскости призвано убедить христиан в том, что у Церкви и Империи одинако-

вые цели и что высшее предназначение христианина — благо Империи. Однако жизнь святого благоверного князя Александра Невского, целью которой было Царство Небесное, а не земное государство, опровергает этот тезис.

Так что же святого было в князе, который сотрудничал с оккупантами своей Родины, строил католические церкви, «деял» насилие над Новгородом, калечил политических противников? Наверное, сам человек, которого как раз пытаются вывести за скобки. Во времена Александра люди знали, что «несть человек, иже жив будет и не согрешит», как говорится в заупокойной службе. Однако они знали и другое — из коленопреклоненных молитв на вечерней службе праздника Пятидесятницы: «Тебе Единому согрешаем, но и Тебе Единому служим». Перед смертью Александр сумел трезво оценить свою земную жизнь. Приняв иночество, он дал понять себе и окружающим, что не считает княжеское служение более важным, чем иной человеческий труд. Именно эти качества, а совсем не те княжеские умения, что сегодня ставят князю в заслугу политтеологи и политтехнологи, дают ему право пребывать у Бога в сонме святых...

Очерк VI

ОБРАЗ СОБОРНОСТИ

Епископ, князь и святой были не единственными персонажами средневековой истории. Кругом жили люди, требовавшие их участия в своей судьбе. За три столетия существования дома Святой Софии пространство, населенное этими людьми, выросло и преобразилось. И Новгород, и Новгородская земля, и входивший в софийские пределы Псков ждали особого к себе отношения. Именно в эту пору, в конце XIII столетия, при архиепископе Клименте (1276—1299), в Новгороде и Пскове появляются владычные наместники, осуществлявшие епископский суд и управление. Кроме наместников функции владычного управления изначально исполнялись тиунами, связанными с архиерейским хозяйством, и десятинниками, ответственными за сельское духовенство, а в интересующую нас эпоху — еще и волостелями и поселниками, ибо земли Софийского дома приросли волостями и селами.

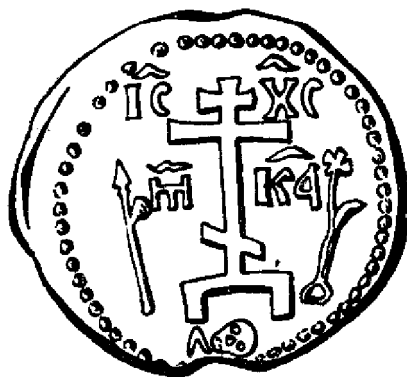
Первые наместники древнерусских епископов известны еще в 1230-е гг. на Галицко-Волинских землях¹. Возможно, они появились здесь по образу и подобию кастелянов, которые были судьями и управляющими латинских епископов в соседней Польше. Византийское церковное право знало архиерейских местоблюстителей, но новая должность была ему незнакома. Русский титул наместника в делопроизводстве Вселенского патриарха записывался греческими буквами.

Деятельность наместников известна нам во многом благодаря находкам вислых свинцовых печатей, моливдовулов, которыми те скрепляли свои грамоты. На сегодняшний день мы знаем несколько сотен таких свинцовых кружков, но лишь редкие из них сохранились непосредственно при документах. Чаще всего эти печати оказываются случайными находками или же происходят из растворившихся во времени семейных и служебных архивов. То, что это были печати наместников новгородских архиепископов, подтверждается надписями и изображениями на них, которые упоминают должность и имя церковного чиновника, что дополнялось образом святого — небесного

¹ Щапов Я. Н. Государство и Церковь в Древней Руси X—XIII вв. С. 70—72.

Печать владычного наместника Нового Торга времен архиепископа Новгородского Давида. 1307—1324 гг. Прорись. Свод В. Л. Янина

Анонимная печать новгородского владычного наместника. XIV—XV вв. Прорись. Свод В. Л. Янина

покровителя новгородского архиерея². Наместничества возникли почти одновременно в конце XIII в. и просуществовали до присоединения Новгорода к Москве в главных городах Северной Руси: Пскове, Ладоге и Торжке. Наместники действовали в Кореле, в Заволочье на Северной Двине и в самом Новгороде, где пользовались анонимной печатью с изображением Голгофского креста и образом Богоматери «Знамение». Со времени первого правления архиепископа Моисея (1325—

² Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1998. Т. 3. С. 82—83; Малыгин П. Д., Сарафанова Н. А. Новые сфрагистические находки в Торжке // Вестник Российского Гуманитарного научного фонда. 4 (49). 2007. С. 205—216.

1329) количество таких печатей существенно увеличилось, что свидетельствовало о возрастании роли дома Святой Софии в контроле над рынком новгородской земли³.

Тот факт, что речь шла именно о земле, подтверждают не только немногочисленные акты купли-продажи, вклады и завещания, при которых сохранились печати. Последнее засвидетельствовано и текстом Новгородской судной грамоты (1385—1471), которая предусматривала широкие полномочия новгородского архиепископа и его наместников в «земном орудье» наравне со «смесным» судом новгородских магистратов и княжеских чиновников⁴. Сравнение новгородской практики с текстами Псковской судной грамоты XIV—XV вв. и наказами наместникам митрополитов Киевских на территории Великого княжества Литовского свидетельствует, что новгородские владычные чиновники обладали более широкими полномочиями, чем их литовские и псковские коллеги. Сфера деятельности этих последних ограничивалась внутренней жизнью архиерейского дома и судебным разбирательством церковных преступлений и проступков духовенства и зависимого от Церкви населения⁵. К тому же, если на западе Киевской митрополии наместником был архимандрит, то в Новгороде и во Пскове эту должность исполняли миряне, причем во Пскове, в период между 1331 и 1348 гг., согласно Болотовскому договору, заключенному с Новгородом, наместник назначался исключительно из псковичей, а не из «софиян» — людей дома Святой Софии⁶.

Если Новгородская земля в XIV—XV вв. состояла из архиерейских наместничеств, то сам Новгород этого времени состоял из иерейских соборов. Таких соборов-округов, составленных из «приходских» церквей с главным храмом-собором во главе, здесь было семь. На Софийской стороне существовали Софийский, Архангельский, Власиевский, Четыредесятский и Яковлевский соборы. Они объединяли храмы вокруг епископской кафедры, церкви св. архангела Михаила на Прусской улице, церкви свщмч. Власия на Волосове улице, церкви свв. Сорока мучеников Севастийских на Щеркове улице и церкви св. ап. Иакова на Яковлевой улице. На Торговой стороне было всего два собора — Иоанновский, вокруг храма Рождества св. Иоанна Предтечи на Опоках, и Успенский — во главе с церковью Успения Пресвятой Богородицы на Торгу или на Козьей бородке. Не все эти церкви, к сожалению, сохранились: в Новгороде читатель не найдет ни Четыреде-

³ Янин В. Л. Актовые печати... Т. 2. С. 51—61.

⁴ Новгородская судная грамота // Российское законодательство X—XX вв. 1: Законодательство Древней Руси / В. Л. Янин (ред.). М., 1984. С. 304—307.

⁵ Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 92; Памятники древнерусского канонического права... Ст. 569—572.

⁶ Мусин А. Е. Церковь и горожане средневекового Пскова... С. 269—273.

сятского, ни Яковлевского храмов, а Михаило-Архангельский был перестроен до неузнаваемости.

Количество соборов не имеет ничего общего со «священным числом» семи Вселенских Соборов или семи церковных таинств. Церковная структура Новгорода складывалась естественным образом на

Собор Успения Богородицы на Торгу. Вид с северо-востока.
Снимок 1900-х гг. Фотоархив ИИМК РАН

Собор св. Михаила Архангела на Прусской улице. Современный вид.

основе тех боярских и княжеских общин, которые составляли дом Святой Софии в XI в. Соборы появлялись вокруг древнейших городских храмов, как боярских, какими были, скорее всего, Власиевская и Михайловская церкви, так и «сотенных», изначально более тесно связанных с князем и епископом, чем с аристократией, как церкви св. Иакова, Сорока мучеников, Рождества Предтечи и Успения Богородицы. Судя по всему, в древности на Софийской стороне существовало несколько различных по своей социальной природе общественно-политических центров. Поэтому и соборов здесь сложилось больше, чем на правом берегу Волхова.

Однако к XIV в. произошла определенная «нивелировка» новгородской общины. Потомки сотенного населения оказались подчинены власти посадников и сотских, представлявших новгородское боярство. Некогда «сотенный» Четырдесятский храм становится в 1316 г. усыпальницей неревского боярского рода Юрия Мишинича, традиционно связанного с древним храмом свв. мчч. Козмы и Дамиана⁷. С скромные усадьбы княжских людей на Торговой стороне выросли в размерах и превратились в богатые дворы городского нобилитета. Это и послужило основой для создания в Новгороде «семисоборной» организации.

⁷ Ср.: НПЛ. С. 355 (6850 [1342]).

Соборы известны и в прочих древнерусских городах. Так, во Пскове между 1356 и 1471 г. возникло шесть городских соборов⁸. Однако соборная организация Великого Новгорода известна лучше других благодаря уникальному источнику — «Семисоборной росписи», перечню всех 80 новгородских церквей с их 78 приделами в семи соборных округах, составленному скорее всего в 1480—1483 гг.⁹ Впервые 7 соборов упоминаются в Новгороде в 1417 г. при архиепископе Симеоне, хотя уже в 1386 г. 7 попов входили в состав новгородского посольства к князю Дмитрию Донскому¹⁰. К 1477 г. эти округа во главе с соборными старостами получают право официального участия в общегородском представительстве.

Семисоборная организация продолжала существовать и после присоединения Новгорода к Москве. В 1485 г. соборное духовенство освобождается от совершения регулярных богослужений в Софийском соборе и платы за право служения на «приходах». В 1551 г. Стоглавый собор подтверждает, что суд владычных бояр и диаков, сменивших наместников, должен проходить в присутствии соборного духовенства¹¹. Однако соборы не пережили испытания Смутным временем, когда из прежних соборов остались только три: Успенский, Предтеченский и Яковлевский. В 1620-е гг. в число соборных были ненадолго «назначены» Знаменская и Николо-Дворищенская церкви на Торговой стороне¹², и, похоже, лишь для сохранения сакрального числа, но уже в середине XVII в. Судный приказ Софийского дома состоял лишь из трех столов, которые ведали делами «выживших» соборов. В 1764 г. благочинные округа, известные и ныне, окончательно сменили округа соборные¹³.

Городские соборы не были лишь богослужебными объединениями духовенства, своеобразным «поповским профсоюзом», или местом, где епископ осуществлял свой суд. Они наполняли городские кварта-

⁸ См.: Мусин А. Е. Церковь и горожане средневекового Пскова... С. 139—193.

⁹ Никольский А. И. Описание семи новгородских соборов по списку XVI в. Санкт-Петербургской библиотеки Св. Синода // Вестник археологии и истории. 10. 1898. С. 76—81; Янин В. Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976. С. 108—117; Андреев В. Ф. Новый список «Семисоборной росписи» Новгорода // Новгородский исторический сборник. 3 (13). 1989. С. 219—223; Мусин А. Е. Семисоборная роспись Великого Новгорода как исторический источник // Великий Новгород и средневековая Русь. Сб. ст. / Н. А. Макаров (ред.). М., 2009. С. 104—122.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 5. С. 241 (6894 [1386]).

¹¹ Акты археографической экспедиции. М., 1836. Т. 1. С. 221.

¹² Опись Новгорода 1617 года / В. Л. Янин (ред.). М., 1984. Ч. 2. С. 264, 273—274.

¹³ Греков Б. Д. Новгородский дом Святой Софии... С. 132, 179.

лы церковной жизнью, объединяя их общим богослужением и общей ответственностью за судьбы Церкви. В основе соборной организации лежала древняя система церковной демократии, обеспечивавшая равновесие между частными и общими интересами через участие общины в выборах клириков и епископов. Трудно сказать, почему в процессе перевода Никео-Цареградского Символа веры с греческого на славянский «кафолическая Церковь» была истолкована как «Церковь соборная». Однако это навсегда наделило ее содержание естественной связью с общим, соборным делом. В этом имени Церковь, в полном соответствии с изначальным смыслом термина «кафолическая», обретала не общинный или общественный, а именно общий, открытый для всех характер, а ее управление должно было осуществляться «сообща». В таком понимании соборы духовенства и собрания общин с их вполне демократическими по нынешним меркам процедурами стали своего рода «иконами» соборности в жизни Церкви...

Мы уже видели активную роль церковной общины Новгорода в деле избрания и поставления своего епископа. Однако когда именно здесь сложились соборное управление в его законченном виде, включавшем в себя семь городских соборов? Всё указывает нам на середину XIV в., когда в летописи меняется формула, описывающая совокупность новгородского духовенства. До этого времени местный клир, участвовавший в городских событиях, описывается как «игумены и попове» и весь Новгород. Последний раз мы сталкиваемся с этим выражением, когда горожане встречают в 1360 г. новопоставленного архиепископа Алексия. Однако уже в 1362 г. освящение владычной церкви Рождества «на сенях» совершается архиепископом «с игумены и с попы и клиросом святой Софии»¹⁴. С этого момента упоминания Софийского клироса в общеновгородских делах становится обязательным.

Такое подчеркивание роли «софиян» в летописи может свидетельствовать о значительном расширении функций клира главного городского собора и о развитии соборного строя в Новгороде вообще. До этого софийское духовенство упоминается дважды: в 1156 г. и в 1194 г., оба раза при избрании епископов Новгородских¹⁵. Все это заставляет нас согласиться с предположением, что архиепископ Алексей начал свое святительство с серьезных церковных реформ. Именно им в 1360—1362 гг. была создана семисоборная организация Новгорода. Похоже, что это начинание Алексия стало причиной создания двух новых новгородских святынь. В приделе Рождества Богородицы Софийского собора, справа от Царских врат, находится образ Спаса на

¹⁴ НПЛ. С. 367, 368 (6868, 6870 [1360, 1362]).

¹⁵ НПЛ. С. 30, 40 (6665, 6701 [1156, 1194]).

Спас на престоле — вклад в дом Святой Софии
архиепископа Новгородского Алексия. 1362 г.
Софийский собор. Новгород

Крест архиепископа
Новгородского Алексия.
Начало 1360-х гг.
Софийский собор. Новгород

престоле¹⁶. Надпись на иконе свидетельствует, что написана она повелением архиепископа Алексия в 1361—1362 гг., т. е. как раз в момент соборной реформы. Напомним, что образ подобной иконографии был заказан владыкой Моисеем как вклад в дом Святой Софии сразу после своего избрания, как можно предположить, в 1324 г. Другая святыня — Алексеевский крест, который сегодня стоит слева от главного Софийского иконостаса. Упомянутая в надписи дата его создания с трудом поддается прочтению, но она справедливо связывается с каким-то значимым событием в истории Новгорода¹⁷. Крест был поставлен «на поклонение всем христианам», в тексте надписи упоминается некое «общее дело» нов-

городцев, которым и могло быть создание в 1360—1362 гг. «общей», соборной организации.

Соборная реформа вообще вдохнула новое дыхание в культурную жизнь Новгорода. Именно с ней, по нашему разумению, должна быть связана икона, ставшая его символом — образ Софии-Премудрости Божией. Здесь перед нами предстает огнезрачный ангел в венце и императорских одеждах, который восседает на троне и держит в руках жезл и свиток. Ему в молении предстоят Божия Мать и св. Иоанн

¹⁶ Царевская Т. Ю. Икона «Спас на престоле» 1362 г. как духовное завещание новгородского архиепископа // ΣΟΦΙΑ. Сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А. И. Комеча / А. Л. Баталов (ред.). М., 2006. С. 471—490.

¹⁷ Рыбаков Б. А. Древнерусские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964. С. 45; Красноречьев Л. Е. О датировке волотовских фресок // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977. С. 149—152; Турилов А. А. О времени создания новгородского «Алексеевского» креста: возможности непалеографической датировки (1367 или 1379 г.) // От Царьграда до Белого моря: Сборник статей по средневековому искусству в честь Э. С. Смирновой. М., 2007. С. 571—580; Панченко В. Б. Каменные кресты из коллекции академика Н. П. Лихачева // Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа. Труды Государственного Эрмитажа. 71. СПб., 2014. С. 201—220.

Икона Святой Софии Премудрости Божией.
Софийский собор. Новгород. XV вв.

Предтеча, а над его главой изображен благословляющий Христос, за которым изогнулась радуга небесного свода с изображением Этимасии — Престола уготованного и устремленными к нему ангелами.

Древнейшие новгородские иконы Святой Софии относятся к концу XV в., поэтому искусствоведы полагали, что сам образ был написан в это время под влиянием аллегорического европейского искусства. Однако подобная иконография была уже известна мастерам Грановитой палаты Новгородского кремля в 1433 г., где была открыта фреска с сходным изображением¹⁸. Можно не сомневаться, что на серебряной «денге новгородской», которую стали чеканить в 1420 г., изображался именно символ Новгорода — Святая София, облаченная в венец и восседающая на троне, которой коленопреклоненно предстоял архиепископ или посадник. Эта традиция сохранилась в местном монетном деле и позднее в виде изображения лика Софии в зубчатой короне на новгородских медных пулах 1490-х гг.

Новгородская серебряная денга
с образом Святой Софии.
1420-е гг. Прорись

Образ Святой Софии, запечатленный на новгородских монетах и во дворце новгородских архиепископов, должна была сложиться ранее, не позднее конца XIV в., чтобы уже в 1420—1430-е гг. получить всеобщее признание. Именно в этом столетии восточно-христианское общество обращается к поиску образа Премудрости. Напрасны попытки найти истоки новгородского извода

Святой Софии в балканском искусстве, где Премудрость облачена в античные одежды, свойственные искусству эпохи Возрождения¹⁹. В другой византийской провинции, на острове Крит, рука местного иконописца Иоанна Погомена и его учеников изображала Софию-Премудрость в виде святой жены в красном платке-мафории, воскрешая традиции доиконоборческой эпохи²⁰. Но только в Новгороде для создания иконы Святой Софии использовали образ восседающего на троне ангела, дополнив его византийской иконографией эпохи Палеологов: характерным типом Деисуса и Этимасией, включенными в трехчастную и трехуровневую композицию.

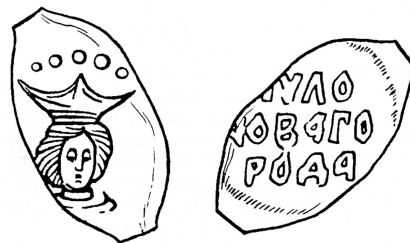
Тема ангела в императорских одеждах восходит к византийскому искусству эпохи Македонской (867—1056) и Комниновской (1057—

¹⁸ *Сарабьянов В. Д.* Росписи Владычной Палаты Новгородского Кремля: келья Иоанна // *Новгород и Новгородская земля: искусство и реставрация*. 3. Великий Новгород, 2008. С. 119—139, здесь с. 129, ил. 8.

¹⁹ *Лифшиц Л. И.* Премудрость в русской иконописи // *Византийский временник*. 61 (86). 2002. С. 138—150.

²⁰ *Tsamakda V.* Darstellungen der Hl. Sophia bzw. der Weisheit Gottes in der kretischen Wandmalerei // *Byzantinische Zeitschrift*. 101. 2008. S. 209—230.

1185) династий. Она подчеркивала служебное положение цесаря, подчиненное небесной иерархии²¹. Изображения восседающих на престоле или увенчанных короной ангелов, над главами которых находится икона Христа или Святой Троицы, известны на миниатюре XI в. в рукописи «Лествицы» прп. Иоанна Лествичника из собрания Синайского монастыря (Cod. Sin. gr. 418, fol. 283 v)

Новгородское медное пуло
с образом Святой Софии. 1490-е гг.
Прорись

и на храмовых фресках христианской Нубии XI-XIII вв. у пределов византийской ойкумены²². На Руси этот образ царственного ангела-Премудрости был, похоже, известен уже в XII в., но не в иконе, а в слове. Крылатая София-Премудрость с «лицом девичьим огненным», имеющая над главой самого Христа и скипетр со свитком в руках, чьи ноги утверждены на камне, упоминается в послании Вселенского патриарха Луки Хрисоверга (1157—1169) князю Андрею Боголюбскому²³. Оно дошло до нас в Никоновской летописи в статье 1160 г., и отрывок из него сохранился в составе «Словес избранных» о Софии-Премудрости в двух сборниках конца XV в. из библиотек Чудова монастыря и Троице-Сергиевой лавры.

Что же знаменовал собой огнезrachный ангел-София для средневекового новгородца? Трагические разрывы российской истории привели к тому, что Софию-Премудрость перестали узнавать сразу же после покорения Новгорода Москвой. В середине XVI в. было написано «Сказание известно, что есть София Премудрость Божия», объясняющее, что Премудрость есть Божественный Логос — Христос, Второе Лицо Святой Троицы, а не Богородица²⁴. Это недоразумение возникло

²¹ Jolivet-Lévy C. Note sur la représentation des archanges en costume impérial dans l'iconographie byzantine // Jolivet-Lévy C. Études cappadociennes. London, 2002. P. 447—461.

²² Dongola-Studien. 35 Jahre polnischer Forschungen im Zentrum des makurischen Reiches / S. Jakobielski, P. O. Scholz (ed.). Warszawa, 2001. P. 208—211, 252—284.

²³ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. ПСРЛ. 9. М., 2000. С. 226 (6668 [1160]).

²⁴ Зиновий Отенский. Сказание, которая ради вины причтен бысть праздник Успения святыя Богородицы к двенадцать Владычных праздников // Никольский А. И. София Премудрость Божия: новгородская редакция иконы и служба св. Софии. Приложение III (Вестник археологии и истории, изд. имп. Археологическим институтом. 17.). СПб., 1905. С. 30.

после реформы архиепископа Геннадия, когда престольным праздником Софийского собора стало Успение Божией Матери.

Создание Софийских соборов в Киеве, Новгороде и Полоцке в XI в. должно было подчеркнуть причастность Древней Руси к византийскому миру, но только в Новгороде почитание Святой Софии приобрело особый характер, который нам надлежит осознать. В 1216 г. князь Мстислав провозгласил: «где Святая София, там Новгород». С этого времени упоминание Святой Софии, которая наравне с Богом спасает город от губительных потрясений и помогает в его свершениях, постоянно встречается на страницах летописи. София «соблюдает» Новгород от монголов в 1237 г., интриги против новгородцев расцениваются как «умысел на Святую Софию» (1229 г.). Помощью Святой Софии были одержаны победы над Литвой (1226, 1234 гг.), над шведами и Орденом (1240, 1242, 1262, 1268, 1301, 1348 гг.). В то же время София препятствует новгородцам в гражданских столкновениях, предупреждая их от кровопролития (1219, 1220, 1384 гг.). Сокровенный смысл Святой Софии для Новгорода раскрывает сам летописец, объясняя спасение города от татарского нашествия тем, что его «заступи Бог и Святая Великая Зборная Апостольская Церковь Святая София». Здесь София предстает не как Христос и даже не как персонификация главного городского храма, но как Церковь Символа веры, которая по учению православного богословия, является «мистическим телом Христовым»²⁵. Иначе говоря, в Святой Софии в Новгороде почитали саму Церковь, как возглавляемое Христом сообщество людей и святых.

Характерно, что в новгородском летописании упоминание Святой Софии как персонификации Православной Церкви появляется не изначально, но является следствием развития христианской культуры Новгорода, взросления его христианского сознания и богословия, которое состоялось к началу XIII в.²⁶ Уже в своем великопостном послании 1166 г. епископ Новгородский Илья (1165—1186) возлагает надежду на Бога и Святую Софию²⁷, однако только при архиепископе Антонии, восшедшем на кафедру в 1212 г., его летописец, очевидно, отразивший особенности богословия своего патрона, вводит Святую

²⁵ НПЛ. С. 76 (6746 [1238]); *Хорошев А. С.* Новгородская Святая София и псковская Святая Троица по летописным данным (из истории местных патрональных культов) // Хорошие дни. Памяти А. С. Хорошева / А. Е. Мусин (ред.). Великий Новгород, СПб., М., 2009. С. 102—116.

²⁶ *Гиппиус А. А.* Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хорошие дни. Памяти А. С. Хорошева / А. Е. Мусин (ред.). Великий Новгород, СПб., М., 2009. С. 181—198.

²⁷ *Павлов А. С.* Неизданный памятник русского церковного права XII в. // Журнал Министерства народного просвещения. 271. 1880. С. 291—292.

Софию на страницы хроники как постоянно действующее лицо новгородской истории. Известно, что архиепископ Антоний, тогда еще Добрыня Ядрейкович, около 1200 г. совершает паломничество в Константинополь и его главный Софийский храм, как он сам пишет, «Божиим милосердием и помощью Святыя Софии»²⁸. Однако для него Святая София, в соответствии со святоотеческим богословием — это «Премудрость, Присносущное Слово», т. е. сам Христос, тогда как уже следующее за ним поколение видит в Софии Христову Церковь.

Такой, «церковный», эклессиологический характер почитания Святой Софии в Новгороде подтверждается известием о приезде в Новгород митрополита Киевского Киприана 11 февраля 1391 г. накануне Великого Поста²⁹. На Торжество Православия он совершает литургию в Софийском соборе. В Древней Руси это воскресение называлось «соборным», предполагавшим «собрание» всего духовенства и городской общины. Такие «соборы» обычно совершались после больших праздников: собор Пресвятой Богородицы отмечался после Рождества Христова, собор св. Иоанна Предтечи — после Крещения. Однако летопись называет первое воскресение Великого Поста в Новгороде «сбором Святой Софии». В этом видится указание на один из главных праздников кафедрального храма, связанный с семисоборной организацией Новгорода, когда представители всех семи соборов приходили в Софийский храм на «сбор». Дополнительным указанием на празднование собора Святой Софии в неделю Православия является Софийский синодик 1633 г., хранящийся в Российской Национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. При совершении чина Торжества Православия протоиерей подносил эту книгу, на титуле которой была изображена новгородская икона Святой Софии-Премудрости Божией, для целования служащему архиерею, что делало нашу икону смысловым центром праздника.

Постоянное упоминание Святой Софии на страницах Новгородской летописи приходится на время «понтifikата» архиепископа Антония, неревского боярина Добрыни Ядрейковича, известного своим паломничеством в Царьград. Однако, похоже, такое внимание к Премудрости Божией связано не только с пребыванием будущего архиерея под сводами Святой Софии, но и с разрушительным для Константинополя крестовым походом 1204 г. и утверждением на его развалинах Латинской империи. Возможно, именно Антоний был инициатором введения в текст Новгородской летописи «Повести о взятии Царь-

²⁸ Книга Паломник. Сказание мест святых во Цареграде Антония, архиепископа Новгородского, в 1200 г. // Православный палестинский сборник. 17: 3. 1899. С. 2.

²⁹ Новгородская Карамзинская летопись. ПСРЛ. 42. СПб., 2002. С. 160—161 (6899 [1391]).

града фрягами». В этих условиях осознание гибели «царства богохранимого Константинополя» как следствия распрей внутри императорской фамилии было не только способом консолидировать городскую общину Новгорода, но и задуматься над ходом мировой истории. Гибель Нового Рима с его Великой Церковью, обращенной в латинскую службу, должна была мыслиться преддверием конца истории, на фоне которого честь и слава Царьграда и Софии Цареградской в силу вечного круговорота царств переходили к другому полису, чей храм имел тоже посвящение — к Новгороду и Софии Новгородской. *Translatio imperii* реализовывала себя в *translatio ecclesii*. Так, задолго до появления концепции Москвы как Третьего Рима и наследницы павшего в 1453 г. Константинополя, до возникновения «Легенды о белом клобуке» новгородских архиепископов, в Новгороде родилась идея о том, что Новый Город и есть Новый Рим. В этой уверенности важнейшая роль отводилась храму Святой Софии, общему для Царьграда и Новгорода, что еще более подчеркивалось фактом перенесения Добрыней Ядрейковичем меры «гроба Господня» из Константинопольского храма в Новгородский...³⁰

Появление иконы Софии-Премудрости в Новгородском Софийском соборе и ее очевидная связь с соборным празднованием позволяет предположить, что этот образ был написан именно в контексте создания новгородской семисоборной организации после 1360 г. В этом смысле новонаписанная икона была даже не столько храмовой иконой Софийского собора, сколько иконой всей Новгородской Церкви, изображавшей ее Ангела-Премудрость, известного по Откровению св. ап. Иоанна Богослова. Эсхатологический смысл придает иконе и изображение Престола уготованного, который являлся символом конца времен. Известно, что древнерусский мир не только ожидал своей кончины в 7000 г. от сотворения мира, что соответствовало 1492 г. от Рождества Христова, но и в конце каждого столетия праздновал юбилей приближающего избавления от земной юдоли, что всегда порождало духовный подъем христианской культуры. Так было в преддверии 1092, 1192, 1292 гг.³¹ Так должно было быть и перед 1392 г., когда на-

³⁰ Царевская Т. Ю. О Царьградских реликвиях Антония Новгородского // Восточно-христианские реликвии / А. М. Лидов (ред.). М., 2003. С. 398—414; Гордиенко Э. А. Часовня Гроба Господня в Софийском соборе // Новгородский исторический сборник. 9 (19). 2003. С. 94—130; Мусин А. Е. Паломничество в Древней Руси: исторические концепции и археологические реалии // *Archeologia Abraamica*. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама / Л. А. Беляев (ред.). М., 2009. С. 258—259.

³¹ Ощущение «конца времен» отражено в зачатке Новгородской летописи, и само название древнейшей русской хроники — Повесть временных лет — содержит в себе ту же идею: «временные», обращающиеся и завершающиеся

кануне «юбилейного года» могла быть написана икона Поместной Церкви.

Иногда говорят, что новгородская икона Софии-Премудрости была написана «под влиянием исихазма» — аскетического движения греческого монашества XIV в. Однако мы мало знаем о судьбе этого явления на Руси, одновременно преувеличивая его значение для Византии. Говоря же о возможной связи исихазма с христианским искусством нужно учитывать, что акты Константинопольского собора 1351 г. свидетельствуют о неоднозначном отношении монахов этой традиции к «красоте церковной» и внешним атрибутам литургии. Церковный писатель Дионисий Текарас рассматривал некоторые моменты исихастской практики как отступление от главной иноческой миссии — «возделывать и хранить», что предполагало творчество на поприще культуры³². Очевидно, исихастское движение оставалось равнодушным к проблемам христианского искусства.

Для правильной оценки происходящего стоит обратиться к «патриарху» отечественной науки о богословии свт. Григория Паламы — архиепископу Василию Кривошеину (1900—1985), проведенному на Афоне 20 лет, который отказывался сводить все массовое духовное движение того времени лишь к исихазму, считая это неоправданным обеднением византийской культуры³³. Именно на фоне общего духовного подъема византийского мира появляются шедевры новгородского религиозного искусства, среди которых был и образ Софии-Премудрости Божией, иконы соборной новгородской Церкви — дома Святой Софии.

лета истории формировали позитивный фон становления России. См. также: Гиппиус А. А. 6700 год от сотворения мира. Отмечались ли юбилеи в Древней Руси? // Родина. Древняя Русь. IX—XIII вв. М., 2002. № 11—12. С. 102—106; Ср.: Byzantium in the year 1000 / P. Magdalino (ed.). Leiden; Boston, 2003.

³² Leroy J. Denys, moine byzantin // Dictionnaire de spiritualité ascétique et mystique : doctrine et histoire / Ch. Baumgartner *et al.* (ed.). Paris, 1957. Vol. 3. P. 452—454.

³³ Василий (Кривошеин), архиепископ. Православное духовное предание // Василий (Кривошеин), архиепископ. Богословские труды / А. Е. Мусин (ред.-сост.). Нижний Новгород, 2011. С. 219—235, здесь с. 234.

Очерк VII

ОТ МОСКВЫ ДО ЛИТВЫ

Бывают времена, когда история словно обращается вспять, что иначе называют «революцией». Святой Софии, которая в XIV—XV вв. обустроивала собственный дом на соборных принципах, пришлось в это время заново строить свои отношения с перебравшимися в Москву митрополитами Киевскими. Историю Новгорода той поры можно понять, если попытаться увидеть его на европейских просторах между Москвой и Литвой. Нас ждет долгий рассказ о череде событий, неожиданно ускоривших свой и без того беглый шаг. Эти события не всегда происходили в самом доме Святой Софии, но без них судьбы Софийского дома понять невозможно.

О роли Москвы в собирании русских земель написано много. Однако церковный фактор этого процесса продолжает существовать в мифологическом измерении. В ущерб нормам канонического права Восточной Церкви здесь господствуют представления о «пророческом даре» митрополитов Киевских, предвидевших историческую миссию Москвы и связавших свою судьбу с московскими князьями. В летописи переезд митрополита Максима (1283—1305) во Владимир в 1299 г., одобренный Константинопольским патриархом лишь в 1354 г. при условии сохранения за святителями титула «Киевский», объясняется «татарским насилием»¹. Татары действительно оказались причастны к переносу митрополичьей резиденции, но иным образом. Ярлык на великое княжение, выдаваемый татарским ханом владимирскому князю, превращал богоспасаемый град Владимир в «город царя и синклита». Здесь и надлежало находиться главе Поместной Церкви в соответствии с 17 правилом IV-го Вселенского собора (451 г.), указующим, что «распределение церковных приходов следует гражданскому и земскому порядку»

Теми же нормами должен объясняться и последующий перенос резиденции из Владимира в Москву, причины чего объяснил Вселенский патриарх Иеремия II, которому в 1589 г. Борис Годунов предлагал

¹ ПСРЛ. 1. Ст. 485 (6808 [1300]), 528 (6807 [1299]); Памятники древнерусского канонического права... С. 63.

быть патриархом на Руси, но с резиденцией не в Москве, а в том же Владимире: «...Мне во Владимире быти невозможно, потому что патриарх при государе всегда. А то что за патриаршество, если жить не при государе?»² Свт. Петр (1308—1326), сменивший Максима, стал митрополитом, когда Владимирский стол занимал тверской князь Михаил Ярославович (1305—1317), а тверским епископом был Андрей (1289—1315). Это исключало пребывание главы митрополии в Твери, так как этим нарушалось бы старое церковное правило «один город — один епископ». Когда же в 1317—1322 гг. великий стол перешел к московскому князю Юрию Даниловичу, Петр перебрался в Москву, не затрагивая ничьих прав. Кратковременное лишение Даниловичей ярлыка на великое княжение в 1322—1328 гг. не отразилось на местопребывании митрополита, который уже начал строить в Москве новый кафедральный собор в честь Успения Богородицы, а в 1326 г. скончался. Правление митрополита Феогноста (1328—1353), совпавшее с великим княжением московской династии, окончательно закрепило новый порядок вещей³.

Вмешательство Орды в русскую историю не только определило церковную географию, но и разрушило традиционные связи между Рюриковичами, свободно перемещавшимися по Руси. Завоеватели учредили среди них иерархию, подобно византийцам X в., которые пытались назначить киевского князя старшим среди архонтов росов, когда заключали с *русью* государственные договоры. Получившийся в результате «русский феодализм» обеспечил политическое возвышение Москвы. Киев, казалось бы, на время был исключен из числа русских приоритетов. Для Новгорода это могло означать крах двухчастной федерации Рюриковичей, которая гарантировала конституционные отношения города и князя. Одновременно переезд митрополита Киевского в Москву поставил этих церковных иерархов в зависимое положение от Даниловичей, сделавших главу Церкви средством своей политики. Как великий князь перестал быть старейшим в роду, став главнейшим, так митрополит перестал быть символом единства восточно-европейских земель, способным выступить их примирителем. Единство Руси стало достигаться «вертикалью власти» и государственным насилием.

Новая ситуация требовала ответных мер русского общества для поддержания социальной и политической стабильности в Восточной Европе. Основным фактором новой системы «сдержек и противовесов» становится Великое княжество Литовское, противостоявшее как

² Цит. по: Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 6. С. 35.

³ Подробнее см.: Мусин А. Е. Церковь и горожане средневекового Пскова... С. 78—81.

натиску ордынских ханов, так и амбициям московских князей. Около 1324 г. литовский князь Гедимин простирает свою власть на Киев⁴. Значение этого факта для Новгорода, как кажется, не было по достоинству оценено в исторической науке. Стоит вспомнить, что уже в 1326 г. Новгород, после 150 лет набегов литовских дружин на свои земли, заключает с князем Гедимином мирный договор. Своеобразным памятником этому договору, как нам уже известно, становится храм Рождества Богородицы в урочище «Десятина», который в 1327 г. по благословению архиепископа Моисея строит Анна, мать союзника Гедимины дорогобужского князя Федора, подписавшего этот пакт со стороны Литвы. Место, выбранное для строительства, было не случайным. Здесь в 1170 г. икона Знамения Божией Матери остановила армии Владимирского князя. Оно было символом противостояния Новгорода авторитарной власти.

В 1331 г., по пути с Волыни, архиепископ Василий Калика был задержан киевским князем Федором⁵, в котором можно видеть брата Гедимины или даже уже известного нам князя Федора Святославича, участника литовского посольства в Новгород и сына основательницы Десятинного монастыря, который мог быть давним знакомым новгородского архиепископа⁶. Суть этого происшествия летописи неизвестна, но вряд ли стоит объяснять его обычным феодальным разбоем.

Последовавшее за этим появление в Новгороде литовских служилых князей в 1330-х—1470-х гг. видится продолжением договоренностей 1326—1331 гг., которые проистекали из особенностей средневекового менталитета. Присутствие в Северной Руси новой «киевской» династии вряд ли имело исключительно практический характер. Их управление было не всегда эффективным, а лояльность Гедиминовичам — не всегда очевидной. На первый план выходит символическое значение этих «служилых княжений», обеспечивающее преемство русской истории. Князь вообще являлся в ту эпоху сакральной фигурой и символом власти, без которого было немыслимо нормальное существование общества. В ситуации, когда московских князей в Новгороде представляли наместники не княжеского происхождения, литовские князья, которым в «отчину и дедину» передавались новгород-

⁴ *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого Княжества Литовского. Киев, 1987.

⁵ НПЛ. С. 344 (6839 [1331]).

⁶ *Любавский М. К.* Очерки истории Литовско-Русского государства. Киев, 1885. С. 53; *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси... С. 29—32; *Пресняков А. Е.* Образование великорусского государства. Пг., 1918. С. 161. Ср.: *Приселков М. Д., Фасмер М. Г.* Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV в. // Известия отделения русского языка и словесности. 21: 1. 1916. С. 48—70.

ские пригороды, становились здесь воплощением древнего права «вольности в князьях».

Таким образом, сохраняя политическое и культурное единство с Владимиром и Москвой, Новгород восстанавливал свои отношения с «Русской землей», суверенитет над которой перешел от Рюриковичей к Гедиминовичам. Не случайно первый литовский князь в Новгороде Наримант, прибывший сюда в 1333 г., в крещении носил имя Глеб⁷. Это живо воскрешало в памяти современников образ первых киевских святых Бориса и Глеба. Подтверждением значимости для Новгорода «киевских ассоциаций» было и появление здесь в 1440—1470-х гг. при польском короле Казимире Ягеллончике потомков киевского князя Владимира Ольгердовича — Ивана Владимировича и Михаила Олельковича-Александровича⁸. Их княжение на новгородских пригородах не воспринималось обществом как «измена» великому князю и не было таковой. Речь шла об «обновлении завета» с «матерью городов русских» и кафедрой русских митрополитов.

Только признав этот факт, можно утверждать, что союз с Гедиминовичами являлся еще одним фактором сдерживания в отношении возрастающих амбиций Москвы. В случаях нарушения московскими правителями новгородской конституции, этот союз мог принимать формы договора с литовским князем как с сеньором города. Так было в 1397/1398 гг., когда в условиях «розмирья» с князем Василием и военного похода на Двину и Белоозеро новгородцы «послаша в Литву к Витовту и дашася за него»⁹. Этот факт выпал из официальной истории, созданной московскими книжниками, но сохранился в Устюжском летописном своде. Только в свете этого сообщения становится понятно сохранившееся летописное известие 1399 г. об обиде Витовта, когда князь заявил новгородцам: «обесчестовали мя есте, что было вам за мене нятися, а мне было вам князем великим»¹⁰. Возможно, договор так и не был официально заключен, или, во всяком случае, просуществовал не долго. На следующий год новгородцы сумели заключить с князем Витовтом мир «по старине»¹¹. Известные нам попытки подписать подобные договоры между Новгородом и польским королем и литовским князем Казимиром Ягеллончиком в 1444, 1458 и 1471 гг. не представляют собой скандального новшества, но лишь соответствуют традициям отношений Новгорода, Москвы и Литвы¹².

⁷ НПЛ. С. 345—346 (6841 [1333]).

⁸ НПЛ. С. 423 (6952 [1444]); ПСРЛ. 4. 1. С. 446 (6978 [1470]).

⁹ Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.; Л., 1950. С. 66 (6905 [1397]).

¹⁰ НПЛ. С. 393 (6907 [1399]).

¹¹ НПЛ. С. 396 (6908 [1400]).

¹² НПЛ. С. 424 (6952 [1444]); ПСРЛ. 16. Ст. 198 (6967 [1458]); ГВНП. С. 130, № 77; Ср.: Лурье Я. С. Две истории Руси XV в.: ранние и поздние,

Молвотицы — городок под новгородско-литовским протекторатом в области «чернокунства». Новгородская область. Фото С. Е. Торопова

Другой формой таких отношений и политического сдерживания был совместный новгородско-литовский протекторат над территориями на юге Новгородской земли, называемыми «Чернокунством» (Молвотицы, Морево, Буйцы, Лопастыцы, Стерж, Березовец, Жабно и другие городки и волости), которые выплачивали Литве, а затем и Польше особую дань в рублях и меховых шкурках куниц и белок, а также совместное управление Великими Луками и Ржевой Пустой¹³. Эти земли в XIV—XV вв. были подчинены суду наместника дома Святой Софии и литовского тиуна. Они упоминаются в новгородских договорах с Литвой и Польшей в 1431, 1441/1442 и 1471 гг.¹⁴ Однако начало выплаты Новгородом «черной куны» может быть отнесено к периоду между 1262 и 1326 гг., когда новгородцы оформляли союзные отношения с Литвой¹⁵. Новая дань стала своеобразной платой за мир

независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 140—141.

¹³ Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII—XV веков. М., 1998. С. 5 и след.

¹⁴ ГВНП. С. 105—106, 115—116, 130—131, № 63, 70, 77.

¹⁵ НПЛ. С. 83, 311 (6770 [1262]). Ср.: Янин В. Л. Новгород и Литва... С. 44—45, 102.

на землях под совместным управлением, которые ранее были целью набегов литовских дружин. В 1487—1492 гг. область «чернокунства» стала предметом дипломатических переговоров между князем Иваном и польским королем Казимиром. Позднее польские короли жаловались, что Москва лишила их новгородской «отчины». Московские князья неизменно отвечали: «и мы тому дивимся, что к нам... король такие неправые речи приказывает»¹⁶. Очевидно, подобные претензии «империи Ягеллонов» зависели от истории отношений Новгорода и Литвы, включавших в себя «чернокунство», служилых князей и даже основанную на договоре возможность литовского «великого княжения». Эти отношения не могут оцениваться в современных категориях «патриотизма» и «предательства». В их основе лежал символизм средневекового мышления, неизбежность системы политических «сдержек и противовесов» и новгородское право.

Марево — городок под новгородско-литовским протекторатом в области «чернокунства». Новгородская область. Фото С. Е. Торопова

К тому же эти политические и дипломатические контакты сопровождались «культурным конвоем», переносившим с Запада на Восток и с Востока на Запад лучшие достижения христианского искусства

¹⁶ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. 1487—1533 гг. // Сборник Русского исторического общества. 35. 1882. С. 509—510, 580, 627; *Bielski M. Kronika Polska* / K. J. Torowski (ed.). Sanok, 1856. Т. 2. S. 877—879.

Романские церковные врата из католического собора в Плоцке. Польша.
1154—1156 гг. Софийский собор. Новгород. Снимок 1860-х гг.
Фотоархив ИИМК РАН

Фрески православной традиции в капелле Святого Креста
Вавельского собора. Краков. Польша. Около 1470 г. Фото 2006 г.

своего времени. Очевидно, во время первых сношений с Литвой 1320—1330-х гг. в Новгороде оказались изготовленные в 1150-е гг. романские врата из собора в польском Плоцке, церковная мода которого меняла романский стиль на готический. Они были установлены архиепископом Василием в Софийском соборе, поновлены при архиепископе Евфимии II в 1430—1440-е гг., и сегодня стоят в том же храме, получив имя «Корсунских врат»¹⁷. Около 1470 г., во время переговоров Новгорода и Кракова о возможности великого княжения в Северной Руси польского короля Казимира Ягеллончика, последний заказывает роспись капеллы Святого Креста в кафедральном соборе на Вавеле, выполненную в стиле византийской фрески. Некоторые исследователи усматривают здесь возможное влияние псковской иконописи¹⁸, а посредником в исполнении этого заказа полагают православного митрополита Литвы Григория, некогда владычного наместника во Пскове¹⁹. Несколько ранее, рассчитывая на добрые отношения с тем же королем Казимиром, великий князь Василий Темный и митрополит Иона в 1456 г. торжественно переносят Смоленскую икону Матери Божией из Москвы в Смоленск, который находился тогда на территории Литовского княжества.

Однако в Восточной Европе давал о себе знать и фактор непосредственного церковного сдерживания. Существование одной Церкви на территории разных государств требовало от митрополитов Киевских нелегкого выбора, который в итоге был сделан в пользу Москвы. Живущие в Литве и на Руси православные христиане были недовольны тем, что первосвяtitель не посещал Киев и литовские епархии, освобождал от присяги вассалов Гедиминовичей, если они вступали в союзные отношения с Москвой, благословлял пролитие братской крови, ручался своим авторитетом за безопасность удельных князей, которых вслед за этим московские правители лишали свободы и собственности, налагал на непокорные Москве города церковное отлучение — запрет на служение литургии.

Такая ситуация заставляла правителей православных земель к западу от Москвы решать церковно-политические проблемы путем создания самостоятельной митрополии. Еще в 1303—1308 гг. в Галиче появился митрополит Нифонт, распространивший свою власть на Юго-

¹⁷ *Поне А. В.* К истории романских дверей Софии Новгородской // *Средневековая Русь* / К. Г. Вагнер (ред.). М., 1976. С. 191—200.

¹⁸ *Ружицка-Брызек А.* Росписи капеллы Казимира Ягеллона на Вавеле // *Древнерусское искусство. Художественная жизнь Пскова и искусство поздневизантийского эпохи. К 1100-летию Пскова*. Сб. ст. / М. А. Орлова (ред.). М., 2008. С. 217—240.

¹⁹ Псковские летописи. М., Л., 1941. Вып. 1. С. 45, 46 (6949, 6950 [1441, 1442]); Вып. 2. С. 46, 134, 135, 192 (6949, 6950, 6981 [1441, 1442, 1472]).

Запад Восточной Европы, куда входили церкви Холма, Луцка, Перемышля и Владимира-Волынского. Неизвестно, впрочем, произошло ли это по инициативе князя Юрия Львовича, который не желал зависимости от князей Владимирских, или Константинопольского патриарха Афанасия (1303—1309), увидевшего в переезде митрополита Максима во Владимир неподобающее иерарху бегство от «нашествия иноплемеников». В Византии этому патриарху случалось лишать сана епископов, бежавших из Малой Азии от нашествия турок-османов, и разделять брошенные ими без попечения епархии.

В 1315 г. князь Гедимин добился от патриарха Иоанна Глики (1315—1320) поставления для Литвы митрополита Феофила. Кафедра «Малой Руси», ставшая преемницей Галицкой митрополии, была учреждена в Новогрудке. Помимо юго-западных земель она включала в себя Пинскую, Туровскую и Черниговскую епархии, последняя из которых была вскоре перенесена в Брянск. Официально митрополия просуществовала до 1330-х гг., но только в 1347 г. патриарх Исидор Вукирис (1347—1350) сумел подчинить ее киевскому первосвятителю, посчитав создание новой кафедры в Восточной Европе скандальным «новшеством». Однако уже в 1352—1354 гг. митрополитом «Малой Руси» при участии князя Ольгерда стал некий Феодорит, рукоположенный в непризнанном греческой Церковью Болгарском патриархате, центр которого находился в Тырнове. Когда точно — неизвестно, но его сменил княжеский сродник Роман, выходец из Твери, изначально посвященный в митрополиты в том же Тырново. Похоже, что Гедиминовичи любой ценой стремились к церковной независимости от Москвы.

После смерти Феогноста в 1354 г. «неканонический» Роман отправился в Константинополь к патриарху Филофею Коккиносу (1353—1354, 1364—1376) за признанием. Вселенский престол подтвердил его права на литовскую «Малую Русь», но митрополитом Киевским стал московский кандидат епископ Владимирский Алексей. Роман скончался в 1362 г., и у Алексея появился шанс соединить обе митрополии, но он, похоже, так и не сумел им воспользоваться. В 1371 г. Ольгерд, в очередной раз жалуясь в Константинополь на Алексея, который, по словам князя, не посещал Киев и подчинил интересы церковной жизни диктату московских князей, просил у патриарха независимого митрополита не только на Киев и Малую Русь, но и на прочие земли «Великой Руси», пострадавшие от московской политики: Смоленск, Тверь, Новосиль, Нижний Новгород. В том же 1371 г. польский король Казимир Великий смог добиться воссоздания Галицкой митрополии, а для расследования обвинений против Алексея на Русь был отправлен болгарин Киприан, доверенное лицо патриарха Филофея, который нашел многие из них справедливыми.

В 1375 г. Вселенский патриарх посчитал за благо разделить Киевскую митрополию, подчинив епархии Литовского княжества Киприану. Последовавшая затем кончина митрополита Алексия (1354—1378) обернулась не воссоединением Церквей, а церковной смутой. Князь Дмитрий не только не допустил Киприана в Москву, но и вознамерился на соборе русских епископов без согласия Вселенского престола сделать митрополитом своего духовника Митяя. Это вызвало раскол среди архиереев. Подобно тому, как в XII в. епископ Новгородский Нифонт противился неканоническому избранию Климента Смолятича, нынешнее «каноническое сопротивление» возглавил епископ Суздальский Дионисий. Митяй, спешно постриженный в монашество с именем Михаил, вынужденно отправился за поставлением в Константинополь, где и скончался. Новый патриарх Нил Керамеус (1379—1388), который еще плохо разбирался в восточно-европейской ситуации, решил заместить Киевскую кафедру одним из спутников Митяя — переславским игуменом Пименом. Позже русские книжники, пытаясь оправдать вмешательство Дмитрия Донского в церковные дела, напишут о посольском сговоре, поддельных грамотах и даже подкупе патриарха.

Как бы то ни было, этот выбор стоил новому митрополиту свободы. По возвращении на Русь в 1381 г. Пимен был отправлен в заточение. В Москву Дмитрий вернул некогда отвергнутого им Киприана, впрочем, ненадолго. В 1382 г. тот вновь был изгнан в Литву, а Пимен стал митрополитом. Но уже в 1383 г. планы Дмитрия резко поменялись. Новые отношения с литовским князем Владиславом Ягелло предусматривали воссоединение митрополии и выдвижение «единого кандидата». Им стал Дионисий Суздальский, который получил к тому времени от патриарха титул архиепископа и даже стал его экзархом в Восточной Европе. Дионисий отправился на поставление в Константинополь, не забыв прихватить обвинения против Пимена, собранные князем Дмитрием. Однако к моменту его возвращения в Киев в 1384 г. отношения Москвы и Литвы вновь испортились. Митрополит Дионисий был арестован киевским князем Владимиром и скончался в 1385 г. через два месяца после заключения унии между Литвой и Польшей.

Церковный проект Дмитрия Донского не состоялся. Пимен, несмотря на то, что патриарший суд еще в 1384 г. лишил его сана, вновь был возведен на митрополию. В попытках подать апелляцию патриарху Нилу, новый глава московской Церкви провел в Константинополе три года — 1385—1388 гг. Вернувшись ненадолго в Москву, в 1389 г. Пимен вновь посещает Царьград, надеясь на встречу с новым патриархом Антонием (1391—1397). Как и Митяй, он тоже умер в Константинополе, так и не вернувшись на Русь. Это позволило Киприану стать главой воссоединенной митрополии, однако на Москве он смог утвердиться только в 1390 г. — после смерти князя Дмитрия Донского.

Подчинение киевских митрополитов московским князьям и появление митрополии Малой Руси не могло не сказаться на жизни дома Святой Софии. В 1342 г. во время приезда митрополита Феогноста в Новгород к архиепископу Василию «тяжко бысть владыце кормом и дары»²⁰, а в 1353 г. новгородцам пришлось отправить посольство в Константинополь к цесарю и патриарху об «исправлении непотребных вещей, происходящих с насилием от митрополита»²¹. В 1354 г. посольство вернулось в Новгород и привезло архиепископу Моисею «ризы крестцаты, и грамоты с великим пожалованием, и златую печать»²². В том же году поставленный в Тырново литовский митрополит Феодорит пытался вступить в церковное общение с Новгородом, однако подробности этих отношений остаются нам неизвестны.

В то время, когда Православная Церковь в Восточной Европе то была раздираема сомнениями, кто есть законный митрополит Киевский, а то и вовсе оставалась без митрополита, дом Святой Софии выбрал безупречную стратегию поведения. Сложившееся здесь управление Церковью на принципах соборной реформы 1361—1362 гг. оказались оправданным и канонически и политически.

Архиепископ Новгородский Алексей, бывший до владычества ключником дома Святой Софии, не принимал участия в избрании Митя, который вообще неизвестен новгородским летописям. Однако митрополит Киприан еще в 1376 г. попытался подчинить себе Новгород, утверждая, что Вселенский престол поставил его «на всю рускую землю»²³. Новгородцы, заранее предвкушая результат, отправили его за подтверждением митрополичьих прав к князю Дмитрию: «аше примет тя князь великий митрополитом всея Руси, и нам еси митрополит». У новгородцев уже был опыт подобной дипломатии: в 1348 г. шведскому кролю Магнусу, желавшему устроить с православными спор о вере, они посоветовали обратиться к Вселенскому патриарху²⁴. Архиепископ Суздальский Дионисий появляется в Новгороде всего один раз в 1382 г. — и то не в качестве претендента на митрополичий престол, но в качестве патриаршего экзарха. Тогда архиепископ Алексей подтвердил его право на проповедь в псковских пределах своей епархии²⁵.

Митрополичья «замятня» серьезно отразилась на Новгороде лишь весной 1388 г. во время ухода на покой архиепископа Алексея, поскольку тогда «не бысть митрополит Руской земли», и новгородцы хо-

²⁰ НПЛ. С. 353 (6849 [1342]).

²¹ НПЛ. С. 363 (6861 [1353]).

²² НПЛ. С. 364 (6862 [1354]).

²³ НПЛ. С. 374 (6884 [1376]).

²⁴ НПЛ. С. 359 (6856 [1348]).

²⁵ НПЛ. С. 378—379 (6890 [1382]).

тели бы знать, «кто будет митрополит»²⁶. Похоже, им было известно, что и Пимен и Киприан весной 1388 г. еще находились в Константинополе. Владыка Иоанн, избранный на кафедру из игуменов Хутынского монастыря, был рукоположен Пименом только 17 января 1389 г., незадолго до последнего путешествия митрополита в Константинополь. Очевидно, что в Новгороде рассматривали возвращение Пимена из Царьграда в 1388 г. как подтверждение его прав на митрополию.

Однако признание богослужебных полномочий Пимена в Новгороде не повлекло за собой подтверждения его судебных прав. В условиях устроенного князем Дмитрием «парада митрополитов» было совершенно непонятно, кому из них принадлежало право месячного апелляционного суда во время посещения Новгорода. Непосредственно перед поездкой в Константинополь в 1385 г. митрополит Пимен попытался исполнить здесь роль судьи, поскольку суд предполагал доходы, а визит к патриарху предусматривал расходы. Однако «новгородцы митрополиту не дали месяца судить в Новгороде». При этом они торжественно порешили впредь не обращаться в митрополичий суд. Правосудие должно было отправляться архиепископом на основе Номоканона — свода церковных правил — при участии представителей мирян²⁷. Это был не простой всплеск эмоций, но серьезное решение, основанное на принципах только что проведенной соборной реформы, что предусматривало составление особой грамоты и всеобщее крестоцелование²⁸.

Киприан, впервые приехавший в Новгород в 1391 г., права суда тоже не получил. Не получил он его и в 1395 г., несмотря на кажущееся примирение с новгородцами, к которым было обращено требование патриарха Антония подчиниться митрополиту. Возможно, именно поэтому события начала XV в. напоминали отношения новгородских епископов и киевских митрополитов во второй половине XI столетия, когда Киев неоднократно становился местом заточения владык дома Святой Софии. В 1401 г. митрополит Киприан позвал архиепископа Иоанна в Москву по «святительским делам». Однако архиепископ был не только отправлен князем Василием Дмитриевичем в заточение, но и принужден «отписаться» от своей кафедры. Только 15 июля 1404 г., на память св. князя Владимира, Иоанн сумел возвратиться в Новгород, сохранив свой сан²⁹.

Эта опала совершилась на фоне непрекращающихся конфликтов между Новгородом и Москвой из-за новых земель и новых налогов,

²⁶ НПЛ. С. 381 (6896 [1388]).

²⁷ ПСРЛ. 5. С. 239 (6893 [1385]).

²⁸ НПЛ. С. 385—386 (6901 [1392]); ПСРЛ. 4. С. 99 (6899 [1391]).

²⁹ НПЛ. С. 396 (6909 [1401]), 398 (6912 [1404]); ПСРЛ. 4. С. 104 (6909 [1401]); ПСРЛ. 5. С. 252 (6912 [1404]); ПСРЛ. 6. С. 132 (6912 [1404]).

перераспределяемых князем в своих интересах по пути в Орду. Великий князь, продолжая политику Даниловичей, стремился утвердить свою власть над новгородскими землями — Заволочьем, Вологдой, Бежецком, Волоком. Непосредственно перед заточением архиепископа Иоанна, в 1398 г., состоялся новгородский набег на московские владения в Двинском и Белозерском крае и уже известная нам попытка новгородцев заключить договор с Витовтом. В тот год именно Иоанн благословлял новгородцев «поискать» пригородов и волостей для Святой Софии и наверняка напутствовал посольство в Вильно. Как только Новгород оказался «обезглавлен», великокняжеские воеводы сразу же «наехали войною» на новгородские Двину и Торжок³⁰. Но даже это не смогло вернуть митрополиту его судебных прав в Новгороде вплоть до присоединения этих земель к Москве. Возможно потому, что, подчинившись политике московских князей, он перестал быть беспристрастным арбитром в русских спорах.

Еще около 1430 г. грек митрополит Фотий (1408—1431) жаловался епископу Тверскому Илье на новгородских владык Иоанна, Симеона и Евфимия Брадатого, которые «церковной старины», вопреки обещаниям, «не отправляли»³¹. Речь шла, судя по всему, именно о нарушении судебной «старины». Позднее, в условиях новых нестроений на Киевской кафедре при митрополитах Герасиме (1431—1435), Исидоре (1437—1441) и Ионе (1448—1461), на фоне противостояния Новгорода и великих князей мирное восстановление такой старины было уже невозможно.

³⁰ НПЛ. С. 396-397 (6909 [1401]).

³¹ Памятники древнерусского канонического права. ... С. 421-426.

Очерк VIII

ОТ ЛИТВЫ ДО МОСКВЫ

В XV в. вопрос о митрополии Малой Руси обострился не только из-за окончательно оформившегося союза православной Литвы и латинской Польши, но и из-за стремления Константинополя, теснимого турками, к унии с Римом, которая давала призрачную надежду на военную помощь Европы. Идея соединения Церквей не была чужда даже св. митрополиту Киприану, который в 1396—1397 гг. обсуждал с королем Владиславом и князем Витовтом созыв будущего собора и даже предлагал сделать местом встречи Востока и Запада Русь, возможно — Киев или даже Луцк¹. Но даже Киприану, сумевшему объединить под своим омофором Малую и Великую Русь, не удалось подчинить себе воссозданную в 1331 г. Галицкую митрополию. Этого смог добиться лишь митрополит Фотий, рукоположивший на Волыни в Луцке в 1412 г. епископа Туровского Евфимия². Однако приобретая одни епархии, в Галиции, он временно потерял другие, в Литве.

После кончины Киприана князь Витовт просил патриарха Матфея (1397—1410) поставить на Малую Русь своего митрополита, возможно полоцкого епископа Феодосия. Неудача литовской дипломатии крайне осложнила его отношения с Фотием. После бегства из Москвы в 1414 г. неких «лукавых человек», которые «клеветы многа сотвориша» на митрополита, Витовт окончательно решает создать независимую митрополию. В 1415 г. собор литовских и галицких епископов избирает на кафедру Малой Руси архимандрита Григория Цамбалака³. Григорий, не получивший признания Вселенского престола, пробыл на кафедре до 1420-х гг., когда отношения Фотия с литовским князем перестали быть конфликтными, и он сумел соединить под своей властью все три митрополии.

¹ *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви: древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 334—336; *Мейендорф И.* Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Париж, 1990.

² ПСРЛ. 35. С. 55 (6920 [1412]).

³ ПСРЛ. 5. С. 259 (6923 [1415]).

Казалось бы, падение в Новгороде митрополичьего авторитета, конфликт с Москвой и союз с Литвой должны были заставить церковный Новгород подумать о возможности укрепления отношений с митрополией Малой Руси. Однако в церковной жизни Новгород традиционно придерживался духа и буквы православных канонов, сохраняя верность Киевской митрополии и Вселенскому престолу и руководствуясь характерным для средневековья принципом разделения светского и духовного.

К эпохе святительства Григория Цамбалака относится единственный эпизод, который как будто свидетельствует о заинтересованности дома Святой Софии в альтернативной церковной политике. Новгородская делегация участвовала в Констанцском соборе (1414—1418), возможно, сразу после заключения мира с князем Витовтом, подписанного в Вильно в 1414 г.⁴ Известно также, что в этом собрании Западной Церкви принимали участие не только литовский митрополит Григорий, но и два посольства из Византии (1415—1416)⁵. Однако целью собора в Констанце была отнюдь не уния с православными, а реформа Латинской Церкви, в частности избрание в 1417 г. законного римского епископа, которым стал папа Мартин V. Приезд на собор греков был, как можно догадываться, частью европейской политики Византии, возможно, разведкой будущего военного союза с Европой. Такой же вовлеченностью Новгорода в европейские дела должно объясняться и присутствие в Констанце его делегации. Предположение, что на соборе имели место переговоры с Григорием, которого новгородская летопись именovala поставленным «не по заповедям святых отец и апостол»⁶, или обсуждение униональных вопросов было бы насилием над источником.

В то же время напряженный поиск новой политической конфигурации Восточной Европы отнимал у Новгорода силы, необходимые для поддержания внутренней стабильности, что оборачивалось противоречиями, связанными, в том числе, и с избранием архиепископов Святой Софии. После ухода на покой архиепископа Иоанна и краткого правления архиепископа Симеона, поставленного на кафедру, как и его предшественник, из иноков Хутынского монастыря, «чернецом на сенех» в 1421 г. стал игумен Клопского монастыря Феодосий. Он пробыл здесь два года и, так и не получив хиротонии, был отправлен обратно в свою обитель.

Иногда игумена представляют ставленником «демократических» и «промосковских» сил, который поссорился с боярскими олигархами.

⁴ *Ulrichs von Richental. Chronik des Constanzer Concils 1414 bis 1418 / M. R. Buck (ed.). Stuttgart, 1882. S. 133. Ср.: НПЛ. С. 404—405 (6922 [1414]).*

⁵ *Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви... С. 339.*

⁶ НПЛ. С. 406 (6923 [1415]), 412 (6927 [1419]).

Михаило-Клопский монастырь. Троицкий собор и колокольня.
Современный вид с юго-востока. Фото М. И. Петрова

Стоит вспомнить, что именно в его игуменство в монастыре подвизался прп. Михаил Клопский, родственник московских князей и обличитель местных вольностей, предсказавший падение Новгорода и победу Москвы⁷.

⁷ Янин В. Л. К вопросу о происхождении Михаила Клопского // Янин В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 286—

Требую отставки Феодосия, новгородцы заявили: «не хотим шестника владыкой»⁸. О том, кто в Древней Руси был «шестником», историки спорят до сих пор: лишенный местных корней пришелец, пеший воин, дружинник, получавший шестую часть добычи, представитель северных народов или плотогон с шестом. В любом случае что-то не устраивало новгородцев в происхождении избранного по жребию владыки. Однако этого явно недостаточно для определения его политических пристрастий. К тому же стоит вспомнить, что в том же 1421 г. представитель неревского боярства Лука Оницифорович строит церковь Преображения Господня на Розваже улице, словно знаменуя торжество своей церковной политики. Одновременно синодик Клопского монастыря подтверждает, что этот род был связан с обителем на реке Веряже⁹. Похоже, что Оницифоровичи были не против Феодосия, однако впоследствии смогли предложить Святой Софии более удобный для себя вариант.

Новым архиепископом стал священноинок Емельян из Воскресенского пригородного монастыря в Деревяницах, принявший в полном постриге имя Евфимий. В Деревяницах, скорее всего, он и нашел вечный покой в 1429 г., поскольку летопись ничего не говорит о его погребении в Софийском соборе, а в рукописи монастырского устава, созданной в 1489 г., сообщается о заупокойной службе и трапезе в Деревяницком монастыре в день его кончины¹⁰. Поиски родственников Емельяна в Новгороде могут показаться делом безнадежным. Однако установить его происхождение возможно благодаря двусторчатой серебряной пангии, которую в 1512 г. низведенный с кафедры новгородский архиепископ Серапион преподнес Троице-Сергиевой лавре¹¹. Здесь изображены весьма редкие для Руси святые — свт. Емельян Кизический и мч. Оницифор, чьи образы должны были иметь патрональный характер. Эту пангию в качестве вклада в дом Святой Софии и мог еще до своей хиротонии в 1423 г. заказать «чернец на сенех» Емельян, следуя традиции новгородских владык. Изображение св. Оницифора могло быть сделано в память о близком родственнике, скорее всего об отце — посаднике Оницифоре Лукиче. Это тем более вероятно, что на усадьбе этого семейства в Неревском конце во время

296; Турилов А. А. К биографии и генеалогии Михаила Клопского // Средневековая Русь. 6. 2006. С. 178—209.

⁸ ПСРЛ. Т. 4. 1: 2. С. 431 (6931 [1423]).

⁹ Макарий (Миролюбов), архимандрит. Археологическое описание церковных древностей... Т. 1. С. 588.

¹⁰ Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века... С. 90.

¹¹ Стерлигова И. А. Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI—XV веков. М., 1996. С. 94—95, 168—171, 379.

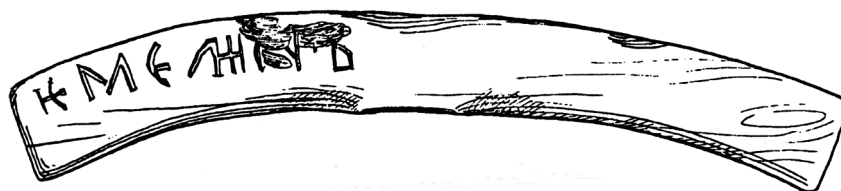

Панагия «архиепископа
Серapiона» — вклад в дом Святой
Софии священноинока Емельяна
Оницифоровича. 1423 (?) г.
Троице-Сергиева Лавра

археологических раскопок нашли берестяную грамоту, упоминавшую Емельяна, и рукоять священнического посоха, на которой было вырезано это же имя¹². Если наше предположение верно, то неревский боярин Оницифор Лукич имел пятерых сыновей — Максима, Афанасия, Юрия, Лукьяна и Емельяна, последний из которых предпочел духовную карьеру и стал 25-м святителем Новгородским.

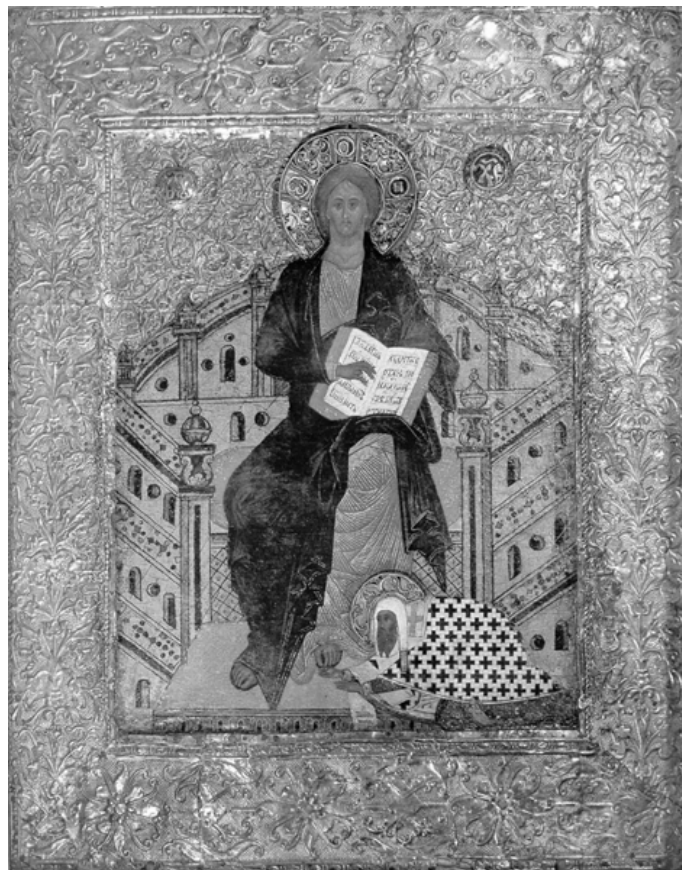
Святительство следующего новгородского архиепископа, тоже Евфимия, бывшего монахом Лисицкого монастыря, пришлось на особый период в жизни Софийского дома. Избранный в ноябре 1429 г. на владычные сени, он был рукоположен митрополитом Киевским и всея Руси Герасимом только в 1434 г. Быть может, столь долгое ожидание стало причиной написания образа Христа Спасителя вместе с припадающим к его

стопам владыкой Евфимием, дошедшего до нас в копии XVI в.. Если икона Спаса на престоле, в духе новгородских владык XIV в., могла быть написана еще в 1429 г., то образ архиепископа в крестчатых ризах и белом клобуке мог быть приписан позднее, после совершившегося

Рукоять посоха священноинока Емельяна Оницифоровича.
Усадьба «И» Неревского раскопа. Начало XV в.

¹² Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963. С. 80—81; Колчин Б. А. Новгородские древности: деревянные изделия. М., 1968. С. 31.

Спас на престоле с припадающим
свт. Евфимием из Суздальского
Покровского монастыря. Копия третьей
четверти XVI в. с иконы XV в. (1435 г.?).
Государственный Владимиро-Суздальский
историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник

рукоположения. В дальнейшем владыка не забывал свои церковные истоки. Изготовленная по его заказу панагия, включавшая лазуритовую камю с образом Матери Божией, восседающей на престоле, была украшена изображениями двух святых: св. ап. Иоанна Бого-

слова, чье имя будущий архиерей носил в миру, и прп. Евфимия Великого, который стал его покровителем в монашеском служении¹³. Позднее, возможно в 1478 г., один из преемников Евфимия, архиепископ Феофил, преподнес ее московскому князю как дар-«поминок», возможно, как напоминание о той роли, которую этот владыка дома Святой Софии сыграл в истории России. Именно об этой роли и пойдет ныне речь.

Панагия архиепископа Евфимия II с лазуритовой камеей
с образом Божией Матери и патрональными изображениями.
Музеи Московского кремля. XII в., 1429—1458 гг.

Митрополит Фотий, скончавшийся в 1431 г., не успел поставить нового новгородского владыку, возможно из-за начавшейся в конце 1420-х гг. распри за великое княжение Владимирское между юным князем Василем Васильевичем и его дядей Юрием, сыном Дмитрия Донского, князем Звенигородским. Кончина в 1430 г. литовского князя Витовта, деда и покровителя Василия, окончательно развязала гражданскую войну в России. Это надолго отложило хиротонию Евфимия и стало причиной того, что она состоялась не в Москве, не во Владимире и не в Киеве, а в... Смоленске.

¹³ Стерлигова И. А. Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода... С. 225—226.

Митрополит Герасим, родом москвич, стал смоленским епископом в начале 1420-х гг.¹⁴ Из этого следуют два важных вывода. Герасим был ставленником митрополита Фотия, который стремился удержать этот город в своей церковной орбите после того, как в 1404 г. Смоленское княжество отошло к Литве, а Смоленская икона Божией Матери Одигитрии была перенесена в Москву. Именно в качестве протеже нового литовского князя Свидригайлы Ольгердовича Герасим и мог быть поставлен на Киевскую митрополию в 1432 г. В Москву ему попасть было сложно не только из-за того, что Рюриковичи, по слову летописца, «воевались и секлись» о великом княжении. Существовали и другие причины, внешнеполитические.

Сегодня можно предположить, что после кончины Фотия на Руси могла появиться своя кандидатура на митрополию — местоблюстителем престола, скорее всего, был избран епископ Иона Рязанский, возможно, некогда архимандрит Симонова монастыря. Он вряд ли был заинтересован в появлении Герасима в Москве. В то же время у матери князя Василия Софии Витовтовны, ставшей регентшей при своем сыне, тоже были основания не пускать на Москву нового митрополита. Герасим был ставленником князя, не только захватившего власть в Литве после смерти ее отца, но и бывшего побратимом и свояком князя Юрия, главного соперника ее сына.

В итоге Герасим руководил церковной жизнью Киевской митрополии из ставшего ему родным Смоленска. О признании его прав как канонического митрополита свидетельствуют не только новгородские и псковские памятники, но сам факт поездки Евфимия на хиротонию к Герасиму. Судьба митрополита сложилась трагично — Свидригайло обвинил его в измене. В 1435 г. в Витебске митрополит, рукоположивший Евфимия, был сожжен на костре¹⁵. Получи он признание Москвы, эта страшная участь миновала бы его. Но и посмертная участь Герасима тоже оказалась сложна. Московские книжники вычеркнули его из диптиха митрополитов Киевских и всея Руси, объявив тем самым, что Герасим был возведен в Константинополе только на Малую Русь.

В сложении этой версии свою роль сыграла и история епископа Ионы. Похоже, епископ Рязанский оказался одним из самых драматических персонажей церковной истории Руси XV в. Его, как библейского Иону в морскую пучину, бросили в круговорот событий ради умиротворения политических стихий.

¹⁴ Западнорусские (литовские) летописи. ПСРЛ. 17. СПб., 1907. Ст. 419—420 (6936 [1428]); *Соболевский А. И.* Запись конца XV века // Чтения в историческом обществе прп. Нестора летописца. 9. 1895. С. 1—5.

¹⁵ Псковские летописи. Вып. 2. С. 45 (6943 [1435]).

Известно, что в 1448 г. Иона повелением великого князя Василия II и волей собора русских епископов был поставлен митрополитом Киевским без благословения Константинополя¹⁶. Поздние летописи, а также его Житие утверждали, что еще в 1431 г. Иона якобы был предназначен на Киевскую митрополию самим митрополитом Фотием и ездил для этого в Царьград. Однако историкам казалось, что этому противоречат свидетельства современников. Епископ вообще не имеет права назначать себе преемника. И Герасим (1432—1435), и следующий за ним Исидор (1437—1441) были законно поставленными митрополитами Киевскими, что не оставляло места претензиям Ионы. Грамоты князя Василия в Константинополь 1441—1443 гг. и 1448—1453 гг., пытающиеся оправдать изгнание Исидора и поставление Ионы, противоречат как друг другу, так и духовному завещанию самого митрополита¹⁷. Складывалось ощущение, что вся история с «наречением» Ионы на митрополию была вымышлена, дабы оправдать его незаконное избрание на Киевскую кафедру и сгладить то неприятное впечатление, которое произвело на современников это событие¹⁸.

Однако сегодня новые свидетельства и новые прочтения старых источников подтверждают вероятность того, что Иона и в самом деле мог быть назначен московской элитой *locum tenens* вдовствующей кафедры. Возможно, он действительно ездил в Царьград¹⁹. Все это часть русского общества действительно воспринимала как наречение Ионы на Киевскую митрополию²⁰. Однако с этим был решительно не согласен Вселенский патриарх Иосиф (1416—1439), отправлявший в Киев, на основе действующего церковного права, избранных им митрополитов Герасима и Исидора.

Только отвержение унии с Римской Церковью, которую привез с собой с Флорентийского собора 1438—1439 гг. митрополит Исидор, и его последующее бегство из Москвы по-настоящему открыли Ионе дорогу на митрополичий двор. В течение 1440-х гг. его кандидатура получила признание всех противоборствующих сторон гражданской войны в России: и Дмитрия Шемяки, который повелел Ионе занять митрополию в 1446 г., и Василия Темного, который разрешил ему остаться там после 1448 г.

¹⁶ ПСРЛ. 28. С. 110 (6957 [1449]).

¹⁷ Памятники канонического права... Ст. 525—536, 539—542, 543—556, 555—564, 576—586.

¹⁸ Лурье Я. С. Две истории Руси XV века... С. 100—108.

¹⁹ Кистерев С. Н. Источники о пребывании рязанского епископа Ионы в Константинополе // Россия и Христианский Восток. 2004. 2—3. С. 41—68.

²⁰ Тарасов А. Е. Возвышение митр. Ионы: Из истории церковно-политической борьбы во второй четверти XV в. // Вестник Московского университета: История. 2005. 2. С. 97—118.

Печать митрополита московского Феодосия. 1461—1464 гг.
Прорись начала XIX в.

В русском обществе, где существовали некоторые колебания относительно законности и обстоятельств поставления Ионы на Киевский стол, такой исход дела удовлетворял отнюдь не всех. Единственным каноническим основанием для самостоятельного избрания митрополита мог быть только разрыв с патриархом, отпавшим от Православия в ересь. Однако такой разрыв должен был произойти еще в 1441—1442 гг., сразу после изгнания Исидора из Москвы, о чем нам решительно ничего не известно. Отступление патриарха от Православия действительно указывается в великокняжеских грамотах в Константинополь (1441—1453). Однако оно оказывается не единственной и главной причиной, а фигурирует в числе прочих (тяготы пути в Византию, греческие и русские смуты, якобы данное Вселенским престолом «обещание» избрать Иону на митрополию после Исидора и т. д.), которые никак с точки зрения церковного права не могут оправдать собор 1448 г. К тому же отношение к Флорентийской унии в самом Константинополе было настолько неоднозначным, что ее пришлось провозглашать вторично в 1452 г. С восшествием на престол Софии Константинопольской в 1454 г. патриарха Геннадия Схолария, окончательно утвердившего здесь Православие, причины, которые могли бы оправдать разрыв Киевской митрополии с Матерью-Церковью, окончательно отпали сами собой. Церковная Москва должна была восстановить общение с Вселенским престолом. Однако этого не произошло, поскольку настоящей причиной избрания Ионы в 1448 г. было не отступление греков от Православия, а желание московских кня-

зей окончательно подчинить себе главу Русской Церкви, избавившись тем самым от византийской опеки.

Печать митрополита московского Симона. 1495—1512 гг.

Все это время московские книжники находилась в поиске окончательной версии событий, которая должна была оправдать избрание митрополита и последующую автокефалию²¹. Сам митрополит Иона, как это видно из его завещания, еще не думал об окончательном разрыве с Константинополем, надеясь на признание своего статуса Вселенским престолом²². Он продолжал носить титул митрополита Киевского. Ситуация изменилась лишь при последующих митрополитах, решительно разорвавших с греческим православием. Преемник Ионы митрополит Феодосий (1461—1464) не только отказался от «киевского» титула, официально став первым митрополитом Московским, но и поместил на своей печати изображение Кипрской иконы Божией Матери, которая была символом власти Константинопольских патриархов. Это была претензия на независимую от Вселенского престола

²¹ *Белякова Е. В.* К истории учреждения автокефалии Русской Церкви // *Россия на путях централизации.* М., 1982. С. 152—156; *Синицына Н. В.* Автокефалия Русской Церкви и учреждение Московского Патриархата (1448—1589) // *Церковь, общество и государство в феодальной России.* М., 1990. С. 126—151.

²² *Иннокентий (Павлов), игумен.* Духовная грамота святителя Ионы. К вопросу об автокефалии Русской Церкви // *Церковно-исторический вестник.* 6—7. 2000. С. 172—179.

церковную власть, обернувшаяся окончательной зависимостью от московских князей. Предшествовавшие этому колебания современников, поиск ими нужных слов и идей хорошо иллюстрируют особенности формирования новой идеологии и культуры становящегося Московского царства и находят отражение в противоречивом содержании источников. Эти противоречия историки и восприняли как свидетельство подложности рассказа о «наречении» Ионы на митрополию.

Долгая история Литовской митрополии «Малой Руси» и пространная повесть об Ионе, его соперниках и преемниках были необходимы нам, дабы показать, как изменилась историческая ситуация вокруг дома Святой Софии. Позднее совершившаяся канонизация истории митрополита Ионы, якобы законно управлявшего митрополией с 1430-х гг., привела к тому, что митрополиту Герасиму было отказано в праве быть митрополитом Киевским. Это бросило тень и на рукоположенного Герасимом архиепископа Новгородского Евфимия и его православие. А вместе с тем оно было безупречным. Тот факт, что Евфимий не присутствовал на соборе 1448 г., стоит объяснять не только его возможным «несогласием» с неканоническим избранием Ионы, но и новгородской традицией, согласно которой владыки дома Святой Софии редко присутствовали на архиерейских соборах в Москве.

Городище Деман — Князя Гора под г. Демьянск. Новгородская область.
Фото С. Е. Торопова

Монограмма архиепископа
Новгородского Евфимия II.
1435—1456 гг.

Возможно, Евфимий II был одним из немногих на Руси, кто ясно осознавал настоящую, «антиуниатскую» причину, допускающую подобное избрание и возможный разрыв с Константинополем, поскольку именно этому новгородскому иерарху Киевская митрополия и была обязана, скорее всего, отвержением унии. Источники повествуют, что изначально Исидор был принят на Руси с подобающей честью и вроде бы ничто не предвещало его отставки²³. Ситуация изменилась лишь после заключения мирного догово-

ра между Новгородом и Москвой, подписанного зимой 1441 г. в городке Деман на юге Новгородской земли. Здесь архиепископ Евфимий впервые встретился с московским князем Василием II. Последовавшую далее опалу митрополита Исидора в марте 1441 г. стоит считать одним из результатов этой встречи²⁴. Не исключено, что именно на границах Новгорода, Москвы и Литвы владыка открыл князю глаза на некоторые возможные последствия церковной унии с Римом, противоречащие правовым и культурным традициям Православия. «Антиуниатские» настроения Евфимия логично вытекали из его «эллинофильства», любви к византийской культуре, о чем свидетельствует его активная культурная деятельность, вплетавшая в греческую основу лучшие европейские достижения. Именно ему должна принадлежать известная монограмма с именем «Евфимий», выполненная в подражание именным монограммам византийской знати. Ее можно встретить на драгоценных изделиях и тканях, изготовленных по заказу этого архиепископа как в Новгороде, так и в Москве.

Дом Святой Софии расходился с митрополитом Исидором во взглядах не только на унию, но и на управление собственной епархией. В 1438 г. митрополит, отправляясь в Италию, изымает Псков из-под власти дома Святой Софии, назначив туда в качестве своего наместника архимандрита Геласия. Возможно, это произошло, в том числе, и потому, что два архиерея уже тогда разошлись во взглядах на будущую унию. В 1441 г., после возвращения Исидора из Рима, Геласия на

²³ Об этом см.: *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV в. ...С. 107.

²⁴ *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV в. С. 194—217.

посту псковского наместника сменил архимандрит Григорий²⁵. Не тот ли это Григорий, ученик и друг Исидора, который с его согласия в 1458 г. станет униатским митрополитом Киевским и которого признает польский король Казимир Ягеллончик?

Пребывание Григория в унии с Римом продолжалось недолго. Через несколько лет пребывания на кафедре он вступил в переговоры с патриархами Симеоном (1466) и Дионисием (1467—1471) и вернулся в восстановивший Православие Вселенский патриархат. Этот акт покаяния превратил его в единственного законного православного митрополита в Восточной Европе, поскольку Москва и Константинополь взаимно не признавали друг друга²⁶. Этот факт церковного раскола, продолжавшегося фактически до 1563 г., был подтвержден обеими сторонами. В 1467 г. патриарх Дионисий в своем послании митрополиту Григорию писал, что Вселенский престол ни Иону, ни его преемников — Феодосия и Филиппа — не считает митрополитами²⁷. В то же время князь Иван III писал архиепископу Новгородскому Ионе, что на Москве не только не признают самого Григория, но и находящегося с ним в общении патриарха имеют «чужда и отреченна»²⁸.

Архиепископу Новгородскому Ионе (1458—1470), бывшему игумену Отенского монастыря под Новгородом, не нужно было толковать церковных канонов. Он был рукоположен в Москве митрополитом Ионой, законность которого у дома Святой Софии, похоже, сомнений не вызывала. Впоследствии оба Ионы обменивались взаимными посланиями. После смерти Ионы «чернецом на сених» 15 декабря 1470 г. стал архидиакон Софийского дома и постриженник того же Отенского монастыря Феофил. Близость Феофила и Ионы предполагала, что новый хозяин Владычного двора не откажется от традиционных отношений с московскими митрополитами и от хиротонии «в доме Пречистой Богородицы у гроба святого митрополита Петра» в пользу общения с митрополитом Киевским Григорием, пусть и признанным Вселенским патриархом.

Однако именно эти московские страхи и фобии и должны были материализоваться в «крестовом походе» на Новгород 1471 г., который закончился Шелонской битвой и Коростынским договором, положившим начало концу древней Новгородской конституции и закрепившим поставление новгородских архиереев исключительно из Москвы. Великий князь, который традиционно был для Новгорода «господином», сеньором, намеревался превратиться в «государя», суве-

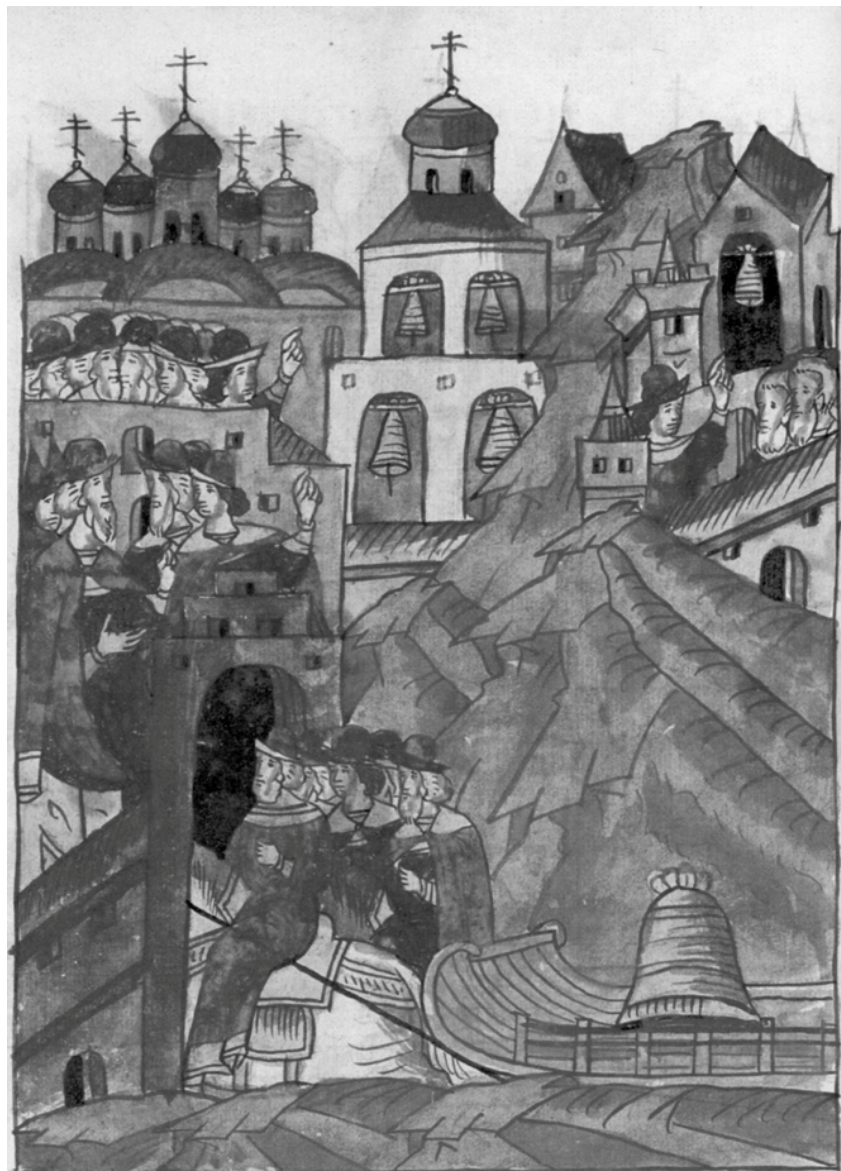
²⁵ Псковские летописи. Вып. 2. С. 46 (6949 [1441]).

²⁶ Лурье Я. С. Две истории Руси XV века... С. 107—108, 138—139.

²⁷ Щанов Я. Н. Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики. М., 1976. Т. 2. С. 145—147.

²⁸ Памятники древнерусского канонического права... С. 711.

рена и установить здесь такое же автократическое «государство», какое существовало в его вотчине.

Увоз вечевого колокола из Новгорода в Москву. 1478 г.
Миниатюра Лицевого летописного свода. Шумиловский том. XVI в.

Подобный переворот нуждался в идеологическом обосновании. Им и стал «литовский фактор» новгородской политики, превращенный московским книжником в «измену новгородскую». Под его пером в Новгороде образовалась «литовская партия», стремившаяся присоединять Северную Русь к Польше и Литве. Наступала эпоха превращения древних смыслов и подмены традиций. Московские правители последовательно отвергали законность новгородских прав на договорные отношения с князьями и устраняли из летописей все упоминания о существовании в истории таких прав. В 1450-х—1470-х гг. создание новых летописных сводов в интересах великих князей утвердило в общественном сознании возможность редактирования собственной истории. Описывая чудо от иконы Знамения в 1170 г., княжеский летописец назидательно повторит за одним из своих предшественников: «Не говори, что правы суть новгородцы, ибо издавна освобождены от наших прадедов-князей. Но велели ли им прежние князья нарушать крестное целование и срамить своих внуков? Доколе Богу терпеть это?» Вдохновленный собственной тирадой, уже на следующем листе, описывая изгнание из Новгорода князя Романа Мстиславича в 1171 г., он воскликнет: «Таков был обычай окаянный смердов изменников!»²⁹ Его собрат был более эмоционален, написав в своем своде по этому поводу: «...таков бе их обычай блядиным детям»...³⁰

Ранее один из московских летописцев в несохранившейся Троицкой летописи под 1392 г., описывая очередную ссору князя Василия Дмитриевича с новгородцами, оставил нам свои размышления: «Кого от князь не прогневаша или кто от князь угоди им, аще и великий Александр Ярославич не уноровил им?... и аще хошеши распытовати, разгни книгу Летописец великий Русьский и прочти от великого Ярослава и до сего князя нынешнего»³¹. С этим «Руським летописцем» нам еще надлежит встретиться. В обозе похода 1471 г. на Новгород, по повелению великого князя, сидел диак Стефан Брадатый, умевший «говорити по летописцем Руським», который должен был напоминать князю во время переговоров с новгородцами «их измены давние, кое изменяли великим князьям в давние времена, отцем его и дедам и прадедам», и примеры такого «говорения» без труда можно найти в московском летописании³².

Московские книжники не только переписывали, но и в прямом смысле слова вырезали со страниц летописи любые упоминания о на-

²⁹ ПСРЛ. 25. С. 81—82 (6678 [1171]).

³⁰ ПСРЛ. 5. С. 164 (6678 [1171]).

³¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1993. Т. 5. С. 282. Примеч. 148.

³² ПСРЛ. 6. С. 192 (6979 [1471]); Львовская летопись. ПСРЛ. 20: 1. СПб., 1910. С. 282 (6979 [1471]).

рушении законности великими князьями. Так, спор князя Ивана Даниловича с Новгородом из-за «закамского серебра» в 1332 г. закончился тем, что князь отобрал у новгородцев Торжок и Бежецкий верх «чрез крестное целование». Последние слова оказались выскоблены в Синодальном списке Новгородской летописи, а сверху было приписано, что эти волости князь отобрал у Новгорода «за измену новгородскую»³³.

Апофеозом подобной фальсификации станет созданная в 1564—1565 гг. «Казанская история», опровергающая официальную версию о происхождении рода Рюриковичей: ради обличения новгородских смердов-изменников можно было пожертвовать даже этим. Излагая историю Руси как увертюру казанского похода 1552 г., автор, проводя исторические параллели, включил в произведение статью «О взятии великого Новгорода», где о великом князе и его отношениях с этим городом говорится следующее: «Новгородским бо людем не хотевшим его над собою имети и великим князем звати. Изначала же и исперва едино царство и едино государство, едина держава русская: и поляне, и древляне, и новгородцы, и полочане, и волыняне, и подолье — то все едина Русь единому великому князю служаху, тому же и дани даваху и повиновахуся киевскому и владимирскому. Они же, неразумнии, приведоша себе, призвавшее от пруския земли, от варяг князя и самодержца, и землю свою всю ему предаша, да владеет ими, яко же хочет... И отступиша тогда и отделишася от Русского царства владимирского»³⁴. Далее новгородцы упрекаются в том, что благодаря этому «отделению» они избежали покорения монголам, отчего еще больше возгордились, пошли войной против московских князей и в конце концов стали предателями Православия, решив избрать своим правителем литовского короля, исповедующего латинскую веру. Но тут вовремя подоспел со своим войском великий князь Иван Васильевич...

Именно в истории «Казанского взятия» свершилось *reductio ad absurdum* антиновгородской тенденции княжеского летописания. Впрочем, историю России переписывали в своих интересах не только московские чиновники. Можно утверждать, что именно в Новгороде впервые появляется миф о происхождении Рюрика из Прусской земли. Он упоминается в «Легенде о цесаре Августе», ставшей частью «Сказания о князьях Владимирских»³⁵. Здесь утверждалось, что Рюрик был потомком легендарного Пруса, родственника и сподвижника императора Августа, которому римский цесарь передал власть над зем-

³³ НПЛ. С. 99 (6840 [1332]); Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996. С. 36—37.

³⁴ Казанская история / Г. Н. Моисеева (изд.), В. П. Адрианова-Перец (ред.). М., 1954. С. 54—55, 179.

³⁵ Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955.

лями будущей Пруссии. Много позднее новгородцы, по совету своего мудрого старейшины Гостомысла, посылают посольство в Прусскую землю, дабы призвать Рюрика и передать ему власть над Новгородом.

Принято считать, что основа «Сказания», которое было якобы рассчитано на идеологическую войну с Польшей, получившей тогда власть над Пруссией, сложилась в самом конце XV—начале XVI в.³⁶ Однако известно, что до 1560-х гг. миф о происхождении Рюриковичей из Пруссии, который мог бы способствовать территориальным претензиям Москвы в Восточной Европе, никак не использовался во внешней политике³⁷. Представляется, что легенда о Рюрике-пруссе возникла много раньше и в совершенно ином идейном контексте. Исследователи уже высказывали предположения, что ее главным героем был Гостомysl, поскольку связь «первого новгородского посадника» с потомками римских императоров должна была освятить власть боярства в Новгороде³⁸, или же что она была посвящена актуальной для XV в. полемике о первенстве Новгорода и Москвы и носила «антиновгородскую» направленность, поскольку здесь Гостомysl, представитель демократического вече, добровольно передает свою власть князю-самодержцу³⁹.

Однако очевидно «промосковский» характер мифа имел в виду, как представляется, достаточно приземленные интересы одной из групп внутри раздираемой противоречиями новгородской элиты. Наиболее подходящей социальной группой, не только заинтересованной в возведении рода московских князей к Прусу, но и имевшей на то «топонимические» основания, было боярство Прусской улицы в Новгороде. Эти новгородские аристократы, скорее всего, вели родовое происхождение от правившего в Ладоге и состоявшего на службе у князя Ярослава Мудрого ярла Регнвальда⁴⁰. Они никак не были связаны с

³⁶ Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965. С. 96; Зимин А. А. Россия на рубеже XV и XVI столетий. С. 147—159; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 388; Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI—начала XVIII в. СПб., 1996. С. 215.

³⁷ Ерусалимский К. Ю. Прус и «Прусский вопрос» в дипломатических отношениях России и Речи Посполитой 1560-х—начала 1580-х гг. // Хорошие дни. Памяти А. С. Хорошева / А. Е. Мусин (ред.). Великий Новгород.; СПб.; М., 2009. С. 276—293.

³⁸ Янин В. Л. Новгородские посадники. 2-е изд. С. 66, 421.

³⁹ Петрухин В. Я. Гостомysl: к истории книжного персонажа // Славяноведение. 1999. 2. С. 20—23.

⁴⁰ Молчанов А. А. Ярл Регнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (О происхождении ладожско-новгородского посадничего рода Роговичей-Гюргитиничей) // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. Памяти В. Д. Бе-

мифической миграцией «прусской дружины» в Новгород. Название улицы, упоминаемой в летописании в 1230—1418 гг., отражало ее направление: главный выезд из города вел «в пруссы», на Запад.

Впрочем, исторические и топонимические реалии не интересовали создателей легенды. Безразлично им было и то, что варяги не могли вести свое происхождение из Прусской земли. «Прусское» боярство в Новгороде 1470—1480-х гг. было настроено наиболее промосковским образом. Мы уже знаем, что весной 1477 г. новгородские послы назвали князя не «господин», как это предусматривал формуляр договора, а «государь». Часть послов как раз и была связана с Прусской улицей. Вероятно, как раз во время этого посольства «прусское» боярство и предложило великому князю легенду о Гостомысле, Прусе и Августе. Этот миф преследовал одновременно две цели. Он превращал «прусское» боярство в соплеменников московских князей, гарантируя им тем самым определенные привилегии после подчинения Новгорода Москве. Одновременно московские Рюриковичи посредством этой легенды получали подтверждение своих прав на власть над Новгородом, куда некогда в качестве князя-самодержца был приглашен основатель их рода. Стоит добавить, что этот род уже был «замечен» исследователями в подобном мифотворчестве и во внесении сведений промосковской направленности в новгородское летописание, в частности, в связи с якобы имевшим место участием новгородцев в событиях на Куликовом поле⁴¹.

Позднее, в XVII в., этот «пруцкий миф» получает свое дальнейшее развитие. Возникает легенда о происхождении Андрея Кобылы, родоначальника семейства Романовых, «из Прусской земли из немец»⁴², однако «открытие прусских корней» Кобылы должно объясняться исключительно попыткой уравнивать новую династию в ее пра-

лецкого / С. В. Белецкий (ред.). СПб.; Псков, 1997. С. 80—84. *Gunnar A. A.* Скандинавский след в истории новгородского боярства // *The Slavization of the Russian North* / J. Nuorluoto (ed.). Slavica Helsingiensia. 27. Helsinki, 2006. P. 93—109; *Мусин А. Е.* К истории некоторых боярских родов Великого Новгорода // *Новгород и Новгородская земля: История и археология*. 16. Великий Новгород, 2002. С. 82—92.

⁴¹ *Дубровин Г. Е.* Легенды об участии новгородцев в Куликовской битве и прусско-плотницкое крыло «Московской партии» Новгорода во второй половине XV в. // *Новгородский исторический сборник*. 10 (20). 2005. С. 75—95; *Gunnar A. A.* «До Александра и Исакия»: к вопросу о происхождении младшего извода Новгородской первой летописи // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 2011. 1 (43). С. 18—30.

⁴² *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 140—141; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV—первой трети XVI в. М., 1988. С. 175.

вах с Рюриковичами в контексте распространения легенды о цесаре Августе. Известно, что некоторые знатные московские роды — Салтыковы, Шеины, Морозовы, Чеглоковы, Тучковы, Кузьмины-Караваевы — даже считали себя потомкам новгородских «прусов»⁴³, что косвенным образом вновь указывает на это новгородское семейство как на творца «прусского мифа», который как в средневековье, так и ныне используется для «фальсификации» русской истории.

Как мы видели, миф о новгородцах как о «смердах-изменниках», рожденный для ниспровержения Новгородской конституции, был использован и против дома Святой Софии. В эту эпоху в Москве хорошо ощущалось потенциальное превосходство признанного Вселенским патриархом канонического митрополита Григория перед отвергнутыми греческим Православием самопровозглашенными московскими митрополитами. Для того чтобы избавиться от этого комплекса, великокняжеский книжник вслед за «литовской изменой» придумает для новгородцев обвинение в измене Православию и отступлении в «латинство».

Вошедшая в летопись повесть о походе на Новгород 1471 г., получившая помпезное название «Словеса избранна от святых писаний... о гордости величавых мужей новгородских», пытается представить это событие как борьбу с «неверными», решившимися на союз с польским королем и литовским митрополитом. Новгородцев обвинили в том, что они «хотят владыку ставити в Киеве, нарицаая митрополита Киевского Латынина, веру Латинскую держаша» и «князя Михаила Оленкова себе взяша»⁴⁴, имея в виду уже известного нам потомка киевских князей Михаила Александровича, с которым читателю еще предстоит встретиться. Идеологи великокняжеской власти искали политический предлог, чтобы совершить исторический подлог. Они как никто другой знали, что союзы с литовскими князьями были внутренним делом Новгорода, основанным на традиционных ценностях средневекового общества, а митрополит Григорий уже более десяти лет как расстался с унией и латинством. Им было хорошо известно, что за 150 лет существования Литовской митрополии дом Святой Софии ни разу не нарушил канонической верности не только митрополитам Киевским, но и их преемникам на Москве, в законности которых современники имели все основания сомневаться.

Но времена изменились. Русское общество впервые столкнулось с масштабной попыткой фальсификации отечественной истории в интересах верховной власти. С тех пор любое проявление новгородской культурной самобытности будет обличаться московской книжностью как «ересь новгородская».

⁴³ Российская родословная книга. СПб., 1855. Т. 2. С. 68—69.

⁴⁴ ПСРЛ. 20:1. С. 282 (6979 [1471]).

Очерк IX

ЕРЕСЬ НОВГОРОДСКАЯ

История — не только наука об исторических загадках. Это обязательный рассказ о том, как историк намерен эти загадки по-честному разгадать. Личная, субъективная честность историка в конце концов оказывается залогом правдивости, объективности рассказанной им истории. Эта «интеллектуальная честность» не позволяет подменять реалии прошлого современными смыслами.

История священников из дома Святой Софии, обвиненных в ереси «жидовствующих», являет собой пример таких противоречий в восприятии средневековья. В учебниках эти события выглядят так. Вместе с киевским князем Михаилом Александровичем в 1470 г. в Новгород приехал еврей Схария, известный своей ученостью. Вскоре к нему присоединились Иосиф Шмойло-Скаравей и Мосей Хануш. Они обратили в иудаизм новгородских священников Алексея и Дионисия, велели им держать свое вероотступничество в тайне. Новгородские прозелиты не только отрицали Пресвятую Троицу, Божественность Христа, святость Церкви и святые иконы, но и «продвигали» своих сторонников в попы, вследствие чего ересь «жидовская мудрствующих» распространилась по городам и селам Новгородчины. В 1480 г. Алексей и Дионисий были вызваны великим князем Иваном III в Москву, где стали протопопами кремлевских соборов.

Еще в 1477 г. борьбу с ересью начал основатель обители на Волоке Ламском прп. Иосиф Волоцкий, который обличил ее в послании о Святой Троице, адресованном архимандриту Вассиану. Но лишь новый архиепископ Новгородский Геннадий в 1487 г. сумел разоблачить новгородских иудеев. Будучи пьяны, они поругались иконе Богородицы, что и раскрыло их «еретичество». Тогда же на них донес поп Наум, передавший владыке тетрадь с «жидовскими» псалмами, которой пользовались «отступники». Архиепископ Геннадий отправил кощунников в 1488 г. на суд великого князя и митрополита Геронтия (1473—1489). Однако их ждало мягкое наказание, поскольку князь находился под влиянием главных еретиков, засевших в московском Кремле. Они сумели обратить в «жидовство» не только митрополита Зосиму (1490—1494) и посольского дьяка Федора Курицына, но и княжеского

внука Дмитрия и его мать Елену, дочь молдавского государя Стефана Великого.

Геннадий продолжил борьбу с «жидовствующими» и в 1490 г. вынудил нового митрополита Зосиму созвать собор, на котором новгородские священники были осуждены и затем подвергнуты «градской казни». Однако главные «жидовствующие» засели в Кремле, выполняя заказ врагов «Русской великой земли». Не исчезло еретическое сообщество и в Новгороде. Поборники Православия, во главе которых теперь стоял прп. Иосиф Волоцкий, не прекратили борьбу с «вероотступниками». Им удалось свести Зосиму с кафедры и сделать митрополитом ревнителя благочестия Симона (1494—1511). В 1502 г. они сумели добиться опалы Елены Волошанки и ее сына Дмитрия Молодого, которые позднее умерли в заточении. В декабре 1504 г. прп. Иосиф убедил великого князя созвать собор, на котором «ересь» была осуждена, а «еретики» приговорены к смертной казни через сожжение, как в средневековой Испании. Вплоть до своей кончины в 1515 г. прп. Иосиф продолжал изобличать и преследовать затаившихся русских иудеев. Святая Русь была спасена.

Таков современный миф, который воспроизводит историю «ереси». Однако существующие в этой истории противоречия не могут не смущать человеческую совесть и ум историка. Так, нам ничего не известно о существовании ереси до 1487 г., когда архиепископ Геннадий сообщил о ней епископу Сарскому Прохору, а послание Иосифа о Святой Троице, считавшееся древнейшим свидетельством о ней, не могло быть написано ранее 1502 г.¹ Обвиненный в ереси московский писец Иван Черный переписывал в 1485 г. по велению великого князя историческое сочинение «Еллинский летописец», где оставил свою приписку, в которой нет ничего еретического, если, конечно, не считать ересью слова св. ап. Иоанна Богослова о том, что «Бог есть Любовь»².

Обвиняя новгородцев в «жидовствовании», Геннадий не указывает в их поступках ничего, связанного с обрядами синагоги, что признает даже тот, кто убежден, что в Новгороде существовала секта иудейских прозелитов. Единственная достоверно существовавшая у еретиков переводная книга иудейской традиции — астрологическое сочинение Шестокрыл — использовалась ими для календарных расчетов. Именно в рассуждениях о конце света и его дате, а отнюдь не в исповедании веры новгородские клирики демонстрируют наибольший интерес к Ветхому Завету и средневековой еврейской философии. Принесенная

¹ Алексеев А. И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480—1510-х гг. С. 235—242.

² Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения... С. 277—280.

попом Наумом тетрадь с псалмами совершенно необязательно содержала псалмы на еврейском, поскольку «мирские псалтыри» с молитвами на библейские темы были весьма распространены на Руси. Существовали и новые переводы Книги Псалмов с еврейского, например Псалтырь Федора Новокрещена, поднесенная князю Ивану и митрополиту Филиппу (1466—1473) и никак не связанная с «жидовской мудростью»³.

Внимательное прочтение посланий Геннадия свидетельствует, что «жидовская мудрость» почерпнута новгородцами не в синагоге, а в Библии. Некоторые обвинения, как, например, пост в субботу и соблюдение других ветхозаветных обычаев, совпадают с претензиями православных в адрес латинян. Целый ряд обвинений в неподобающем обращении с иконами и крестами, которые «щипали», «кусали», «в лохань макали», на ворон вешали и даже втапывали в грязь, находит свое объяснение в народной религиозности. Считается, что от зубной боли можно избавиться, если «погрызть» святыню. Частицы икон, особенно красочный слой, не только употреблялись в бытовой магии, но даже влагались в потир при совершении Евхаристии. Случаи «наказания» икон, «не выполнивших» обращенные к ним молитвы, хорошо известны в церковной этнографии XIX—XX вв.: их прогоняли из избы, ими закрывали лохани с водой, их выбрасывали в навозные кучи.

Брошенные местному духовенству обвинения, что в Новгороде, дескать, не почитали «великих святителей Петра, Алексия и Леонтия чудотворцев», связаны с тем, что культы московских и ростовских святых не получили широкого распространения в Северной Руси, хотя архиепископ Евфимий и освятил в 1437 г. надвратную церковь Святого митрополита Петра на Владычнем дворе. Подобным образом греки XI столетия обвиняли латинян, что те не чтили Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Однако речь шла не о признании святости этих отцов Церкви, а лишь о том, что празднование собора трех святителей было установлено только при императоре Алексее Комнине в 1080—1090 гг., т. е. после раскола 1054 г. Естественно, этот праздник не мог прижиться на Западе. Икона из церкви Преображения Господня на Ильине улице, «Преображение с деянием», на клейме которой архиепископ Геннадий увидел, как Василий Великий «у Спаса руку да ногу отрезал», могла быть как отголоском неизвестной архиепископу иконографии «Литургия святителя Василия», где на церковном блюде-диске изображался лежащий Младенец-Христос⁴, так и просто следствием безграмотности иконописца,

³ Сперанский М. Н. Псалтырь жидовствующих в переводе Федора Еврея. М., 1907; Соболевский А. И. Рец. на: «Псалтырь Феодора еврея» // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. 11. С. 199—202.

⁴ Голейзовский Н. К. Два эпизода из деятельности новгородского архиепископа Геннадия // Византийский временник. 1980. 41. С. 125—140.

изобразившего «Обрезание Господне». Последняя возможность вроде бы подтверждает, что в Новгороде конца XV в., жителей которого обвиняли в «жидовствовании», вряд ли ясно представляли себе ветхозаветное обрезание.

Образ младенца Христа-Жертвы на фреске «Литургия Святых Отцов». Храм Пресвятой Богородицы. Донье Каменица. Сербия. XIV в.

Очевидно, что часть обвинений возникла из несоответствия московской и новгородской культур. Это хорошо понимали в Москве, где, как свидетельствует сам Геннадий в послании бывшему архиепископу Ростовскому Иоасафу (1489), считали, что «Новгород и Москва — не едино православие»⁵. Похоже, что часть претензий архиепископа к местному духовенству была связана с его борьбой с новгородскими традициями, в частности с активным участием рядового духовенства и мирян в избрании своих духовных пастырей. Как московские власти пытались искоренить новгородское «право вольности в князьях», так и присланные из Москвы архиепископы боролись с новгородским «пра-

⁵ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения... С. 317.

вом вольности в полах». Не случайно Геннадий сетует на новгородское духовенство, которое «поставляло в попы», т. е. влияло на избрание кандидатов во священство.

Удивительным образом начало борьбы Геннадия с еретиками совпадает с протестами местных клириков против владычных поборов. Первое послание архиепископа Новгородского о еретиках датировано концом 1487 г., а в 1490 г. архиепископ жалуется, что чернец Захар «лает» его «беспрестанно уже третий год, на четвертый год настало»⁶. Следовательно, начало конфликта в доме Святой Софии действительно относится к осени 1487 г. Это и объясняет равнодушие Москвы к Геннадиевым грамотам. Здесь ситуация оценивалась как обычное противостояние нового архиерея и местного духовенства. Только в 1503 г. протесты новгородских священников, похоже справедливые, были услышаны, что и привело к отставке святителя, начавшего «мзду имати у священников от поставления наипаче первого»⁷, т. е. брать плату за рукоположение.

Представления о «жидовстве» еретиков у самого Геннадия постоянно меняются: в 1487 г. он пишет, что те «жидовская мудрствуют», в 1490 г. определенно утверждает, что они «встали в жидовскую веру», что, как мы увидим ниже, не было с точки зрения православного богословия одним и тем же. В послании к митрополиту Зосиме в 1490 г. Геннадий впервые сообщает о происхождении ереси от неназванного по имени «жидовина» и о покровительстве еретикам со стороны Федора Курицына, о чем он молчал ранее. Однако его послание к собору русских епископов в том же году совершенно не упоминает ни ересиарха, ни даже «жидовство» обвиняемых⁸.

Из независимых от Геннадия источников, и даже от близких ему людей нам ничего не известно о «жидовстве» новгородских священников, которых обвиняли в ереси. Княжеский и митрополичий суд 1488 г. установил не «иудаизм» местных попов, а тот факт, что они хвалят «жидовскую веру», под которой могла пониматься вера Ветхого Завета. Соборные деяния 1490 г. «жидовство» еретиков не упоминают вовсе, а начальником ереси именуют не таинственного еврея, а конкретного чернеца Захара, обвинившего новгородского владыку в симонии⁹. Нет упоминания о «жидовстве» и в покаянной записке попа Дениса¹⁰. Писец дома Святой Софии Тимофей Вениаминов в припис-

⁶ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения... С. 318.

⁷ ПСРЛ. 6. С. 49 (7012 [1504]).

⁸ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения... С. 379—382.

⁹ Там же. С. 380.

¹⁰ Там же. С. 388.

ке к рукописи 1489 г. сообщает только о «злодейском еретичестве», разоблаченном Геннадием¹¹. Летописи знают лишь о новгородских попах, которых били кнутом за то, что они «пьяными поругались иконам»¹².

Собором 1490 г., наказанием плетьюми и гражданской казнью некоторых новгородских клириков заканчивается первый эпизод этой исторической драмы. Второй эпизод начинается лишь через 12 лет. Непрочным звеном, соединяющим оба эпизода, оказывается известие Геннадия о том, что «печальником» новгородских еретиков был «министр иностранных дел» Московии диак Федор Курицын, который, однако, умер, не дожив до новых гонений. Зато от них в 1504 г. пострадали брат Федора Иван и другой Иван, зять уже известного нам попа Алексия и сын священника Максима, тоже обвиненного в ереси. Не погибли ли они только из-за своего родства с теми, кто был или был «назначен» еретиком?

Единственным свидетелем, повествующим о тайном существовании ереси в 1490-е гг., «внезапно» разоблаченной в 1502 г., является прп. Иосиф Волоцкий и его книга «Просветитель». В этой книге, весьма не оригинальной и составленной по преимуществу из цитат посланий архиепископа Геннадия, расплывчатый термин «ересь» повсюду заменяется на конкретное «жидовство», а сама ересь обрастает подробностями, происхождение которых необъяснимо. Имя ересиарха-«жидовина» не упоминается в писаниях Геннадия, но таинственным образом становится известно Иосифу, который приписывает легендарному Схарии двух сообщников — Иосифа и Моисея. Действительно, в XV в. в Киеве проживал астроном Захария Бен Арон Га Коген¹³, но это совершенно не означает, что сей звездочет посещал Новгород и обратил местных священников в иудаизм. Имя для ересиарха могло быть заимствовано Иосифом или у чернеца Захара, который «лаял» Геннадия за взятки, или из «Послания на жиды и на еретики» инока Саввы, написанного, по нашему мнению, около 1497 г. для воеводы Дмитрия Шеина. Послание предостерегало воеводу от общения с неким крымским иудеем Захарией, который, однако, никак не был связан с новгородскими еретиками¹⁴. Развивая «тайнознание» прп. Иосифа, поздние летописи утверждают, что якобы Схарию казнят в Новгороде, митрополит Зосима будто бы выступает в защиту ерети-

¹¹ Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв.: греческие рукописи в России. М., 1977. С. 30—32.

¹² ПСРЛ. 6. С. 238 (6996 [1488]); ПСРЛ. 20: 1. С. 355 (6999 [1491]).

¹³ См. например: Taube M. The Kievan Jew Zacharia and the Astronomical Works of the Judaizers // Jews and Slavs. 1995. 3. P. 168—198.

¹⁴ Белокуров С. А. Послание инока Саввы на жидов и на еретики // Чтения в обществе истории и древностей Российских. 1902. 3: 2. С. 1—94.

ков на церковном соборе 1490 г., тогда как упомянутый выше попович Иван чудом спасся в то время от суда и следствия, бежав за границу.

Читателю стоит вспомнить, что в 1488 г. княжеский и митрополичий суд оправдал диакона Гридю из новгородской церкви Святых Бориса и Глеба от обвинений в ереси, поскольку против него выступил лишь один свидетель. Сегодня историки, как и политики начала XVI в., готовы принять обвинения единственного свидетеля, возводимые на современников, притом что самого прп. Иосифа его собратья именовали «ябедником», прямо обвиняли в фальсификации, заявляя, что «в его лжах злых мнози от государя в темницах заключены»¹⁵, и редактировали его «Просветитель», вычеркивая оттуда несправедливые обвинения.

У нас нет никаких свидетельств о том, что Иосиф участвовал в соборе 1490 г. Благодаря кропотливым трудам современного исследователя нам известно, что все послания прп. Иосифа, вошедшие в «Просветитель», написаны не ранее 1502—1504 гг.¹⁶ Сам Иосиф обвинял митрополита Зосиму в ереси, однако известия о его симпатиях к «жидовствующим» оказываются недостоверны, поскольку митрополит лично переписывал антииудейские сочинения¹⁷. Зосима, который, судя по всему, был жив к моменту собора 1504 г., поскольку еще в 1510 г., находясь в Спасо-Каменной обители на Кубенском озере под Вологдой, он делал вклады в Ферапонтов монастырь¹⁸, не был на нем осужден и даже не привлекался в качестве свидетеля. Его отставка связана не с деятельностью ревнителей благочестия, а с произволом великого князя, оправдывая который придворный хронист оскорбительно напишет, что митрополит «непомерно пития держашася»¹⁹.

Кроме единственного упоминания у архиепископа Геннадия, ничто не свидетельствует о «жидовстве» диака Федора Курицына. Он не был осужден собором 1490 г., приписываемое ему «Лаодикийское послание» часто копировалось в XVI в. и восходит к византийской литературе, что не позволяет ему считаться еретическим²⁰. Если его брат и

¹⁵ Моисеева Г. Н. Житие Новгородского архиепископа Серапиона // Труды отдела древнерусской литературы. 1965. 21. С. 147—165.

¹⁶ Алексеев А. И. Сочинения Иосифа Волоцкого... С. 310—315.

¹⁷ Ильинский Ф. И. О мнимом еретичестве московского митрополита Зосимы // Русский архив. 1900. 2. С. 330—341; Он же. Митрополит Зосима и дьяк Федор Васильевич Курицын // Богословский вестник. 1905. 10. С. 212—235.

¹⁸ Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. 1: 2: Рукописные книги XIV—XVIII вв. Вологодского областного музея / П. А. Колесников (ред.). Вологда, 1987. С. 56.

¹⁹ Лурье Я. С. Две истории Руси XV века... С. 213.

²⁰ Григоренко А. Ю. «Лаодикийское послание» и его литературное окружение // Труды отдела древнерусской литературы. 1990. 43. С. 324—329.

был казнен, то его сыновья Иван и Афанасий продолжали служить советниками великих князей на высоких государственных должностях²¹.

Удивительным образом герой первого эпизода борьбы с «жидовствующими» архиепископ Геннадий не только никак не проявил себя во втором, но в решающий момент был смещен с кафедры и отправлен в ссылку. Более того, Иосиф прямо обвинил владыку, что тот поверил покаянию еретиков и якобы дал им «ослабу»²². Похоже, Волоцкий игумен просто не нуждался в том, чтобы детально расследовать, каким образом возможные особенности интеллектуальной и духовной жизни Москвы и Новгорода начала XVI в., которые и могли возбудить его ревность, связаны со старой «новгородской ересью». Похоже, ему было достаточно «фамильного» родства и формального сходства.

Ничто, кроме писаний самого Иосифа, не подтверждает существования ереси на протяжении 90-х гг. XV в. Переведенные и переписанные в это время антииудейские сочинения не могут свидетельствовать о живости продолжающейся полемики, поскольку переводились и переписывались в христианской культуре во все времена. Зато все указывает на то, что игумен начал обличать «жидовствующих» только после государственного переворота в апреле 1502 г., когда венчанный в 1498 г. на русское царство князь Дмитрий и Елена Волошанка были отправлены в заточение. Наследником был объявлен Василий, сын Софии Палеолог. Именно тогда и состоялось первое свидание игумена с великим князем Иваном.

Так кем же были «жидовская мудрствующие» новгородцы, существовали ли они вообще и какое отношение «ересь новгородская» имеет к московским «еретикам»? Историк не имеет права отвергнуть известия средневековых памятников, даже если они кажутся ему противоречивыми. Он должен исходить из того, что древний книжник знал и хотел сообщить нам правду. Осталось выяснить, в чем заключалась эта правда в интересующее нас время...

В византийской культуре, к которой принадлежала Древняя Русь, существовали устойчивые выражения: делать что-либо «жидовствующе» или «жидовская мудрствующе». С их помощью описывались умонастроения и практики, которые отдавали предпочтение Ветхому Завету перед Новым, пытаясь «прочесть» Евангелие с помощью Библии, а не наоборот, как это было принято в христианском богословии.

²¹ *Bulyčev A. A.* О генеалогии потомков «мужа честна» Ратши: дворян Каменских, Курицыных и Волковых-Курицыных // *Revue des études slaves*. 1995. 67: 2—3. С. 287—309, здесь с. 301—304.

²² *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения... С. 508.

Они могут быть объединены термином «иудаизантные ереси»²³. С середины XI в., начиная с трудов монаха Студийского монастыря Никиты Стифата и посланий Вселенского патриарха Михаила Керулария (1043—1058) термин «жидовствующие» применялся преимущественно к «латинянам», приверженцам Римской церкви, что было принесено на Русь митрополитами-греками Георгием и Никифором в XI—XII вв.²⁴ Ярчайшим примером «иудаизантности» Латинской церкви стала совершенная при императоре Карле Великом каролингская реформа конца VIII—IX в., которая ввела служение литургии на опресноках, пост в субботу и вполне ветхозаветные особенности догмата иконопочитания. Все эти моменты не были заимствованы франками у синагоги, а были «вычитаны» в Библии. Из современных нашим событиям явлений «иудаизантностью» отличалась европейская Реформация XVI в., придававшая особое значение Ветхому Завету.

Сохранившиеся обличения, брошенные средневековым архиереем своему духовенству, позволяют утверждать, что «жидовская мудрствующая» новгородцы не имели отношения ни к синагоге, ни к латинству, хотя долгая историографическая традиции стремится убедить нас в обратном²⁵. Они представляли собой классическое иудаизантное движение, характерное для восточно-христианской культуры. Накануне конца истории, ожидаемого в 1492 г., в новгородском образованном обществе должен был проснуться интерес к Библии, обусловленный стремлением восстановить первоначальную чистоту веры. Богословский «ярлык», который «навесил» на своих клириков архиепископ Геннадий, был связан исключительно с их уважительным интересом к Ветхому Завету, разлитому в православной культуре, и с последовавшими за этим практическими выводами. Известно, что в 1580-е гг. даже монахов Волоколамского монастыря, имея в виду их «ветхозаветное законничество», их оппоненты называли «не осифляны, но жидовляны»²⁶. Однако вряд ли кто-либо решится утверждать, что иосифовы

²³ *Dagron G. Judaïser // Travaux et Memoires. 1991. 11. P. 359—380.* В применении к нашей истории см.: *Dmitriev M. Christian Attitudes to Jews and Judaism in Muscovite Russia: the Problem Revisited // CEU History Department Yearbook. 2001—2002. Budapest, 2002. P. 21—41; Дмитриев М. В. Структура антииудейского дискурса в «Просветителе» Иосифа Волоцкого и «Послании» инок Саввы (конец XV—начало XVI в.) // Евреи и христиане в обществах православных стран Восточной Европы и Польши / М. В. Дмитриев (ред.). М., 2011. С. 101—124.*

²⁴ *Павлов С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878.*

²⁵ Из последних работ см.: *Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV—начала XVI в.: стригольники и жидовствующие. М., 2012.*

²⁶ Акты исторические... Т. 1. С. 410, № 216.

постриженники выказывали приверженность «иудейским молитвенным ритуалам». В Новгороде не существовало и социальной основы для иудейского прозелитизма, успех которого в Западной и Центральной Европе напрямую зависел от авторитета синагоги и наличия у нее конкретных социально-политических привилегий. Еврейской общины в средневековом Новгороде просто не было, а сами иудеи были здесь редкими гостями.

Именно ветхозаветные интересы новгородских священников могут объяснить внимание к ним со стороны Ивана III, который пытался выработать новую концепцию великокняжеской власти на основе византийской императорской идеологии с присущими ей библейскими образами и уподоблением василевса новому Давиду и новому Соломону²⁷. Возможно, проснувшийся интерес к Библии в какой-то момент побудил некоторых новгородских священников, используя переводные сочинения, поближе познакомиться с культурой синагоги, в том числе с присущей ей календарной традицией²⁸. Наиболее вероятным источником таких знаний были имевшие постоянные культурные связи с Новгородом Литва и Польша, где сочинения иудейской традиции переводились на славянский язык. С точки зрения средневековья такое «уважительное» отношение к иудаизму было очевидной ересью. В этом смысле обвинения Геннадия нельзя назвать беспочвенными, однако, став частью его борьбы за укрепление личной власти в епархии, они утратили право быть непредвзятыми.

Характерна для обвинения в «жидовском мудрствовании» и казнь, которой архиепископ подверг присланных ему на расправу еретиков. Они были посажены на лошадей задом наперед, «хребтом к главам конским», притом что их одежда тоже была обращена «передом назад», и в таком виде провезены по городу. Такое неправильное сидение как «антиповедение» не только восходит к средневековому карнавалу, но и имеет богословское звучание. Оно могло указывать на манеру восприятия Библии иудаизантами, которую те толковали «задом наперед». С точки зрения учения Церкви Ветхий Завет мог быть правильно истолкован только на основе Евангелия, в котором договор между Богом и людьми находил свое исполнение и высший смысл, тогда как еретики пытались реформировать христианство с помощью Ветхого Завета. К тому же надетые на участников этого действия «шлемы берещены остры» идеально соответствовали принятому в западноевропейском искусстве изображению иудеев в островерхих шапках, которые были известны новгородцам по одному из изображений

²⁷ Дагрон Ж. Император и священник... С. 254—255 и др.

²⁸ Турилов А. А., Чернецов А. В. К культурно-исторической характеристике ереси «жидовствующих» // Герменевтика древнерусской литературы. 1: XI—XVI вв. / А. С. Демин (ред.). М., 1989. С. 407—429.

Изображение иудеев в «шлемах острых» на «Корсунских» (Магдебургских) вратах Софийского собора в Новгороде. Середина XII в.

на Магдебургских вратах Софийского собора. Этот жест, превращающий иудаизантов в иудеев, хорошо соответствовал культурному динамизму Московской Руси и затянувшемуся разрыву с традициями византийской культуры. Подобные драматические разрывы русской ис-

тории и привели к тому, что в процессе полемики изначальный смысл термина «жидовское мудрствование», описывающего иудаизантное направление в христианстве, связанное с интересом к Ветхому Завету, оказался утрачен и замещен непосредственным обращением в «жидовство»-иудаизм, принятием Ветхого Завета как такового.

Нельзя не заметить, что эти обвинения в вероотступничестве, теперь уже в иудаизме, оказываются сродни обвинениям в изменах великому князю и Православию, которыми сопровождалось покорение Новгорода и присоединение его к Москве в 1470-х гг. И Геннадий, и Иосиф выступили здесь как продолжатели традиции великокняжеских книжников, обличительные приемы которых нам уже известны. Их наследники в XVI в. подхватили упреки в адрес новгородцев, которые теперь уже обвинялись в язычестве. Так поступили архиепископы Макарий и Феодосий, пославшие в 1534 и 1548 гг. в Водскую пятину — северо-западную область Новгородской земли — грамоты с требованиями искоренить местные погребальные обряды и кладбищенские обычаи²⁹, которые отражали многообразие севернорусского «народного православия». Столетием позже потомственный служитель дома Святой Софии митрополичий дворецкий Иван Прокофьев Жеглов, возглавивший в 1650 г. новгородский мятеж против разрушителя «старины» будущего патриарха Никона, тогда новгородского митрополита, был сослан в Сибирь, где его обвинили в колдовстве. А в 1687 г. его внук Иван Степнов Жеглов был сожжен в Якутске по схожему «колдовскому делу»³⁰. Традиции верховной власти, обвинявшей новгородцев в «инаковости», оказались удивительно живучи. Менялся лишь образ этих обвинений: изменники, вероотступники, язычники, колдуны.

Вместе с тем архиепископ Геннадий, похоже, извлек урок из противостояния 1487—1490 гг. Надежды на помощь московских властей в деле культурного преобразования дома Святой Софии окончательно развеялись. Впрочем, Геннадий и раньше вступал с ними в богословские споры, которые в 1482 г. закончились для него заточением в митрополичьем погребе³¹. Архиепископ решил сам возглавить развитие независимой новгородской культуры, ориентированной на местное общество. При участии латинского духовенства он организовал актив-

²⁹ Дополнения к актам историческим.... Т. 1. С. 27—31, 57—60.

³⁰ *Шашков Т. А.* Якутское дело XVII в. о колдуне Иване Жеглове // *Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма* / Д. С. Лихачев (ред.). Новосибирск, 1990. С. 83—88; *Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Документы XVII века по истории Сургутского уезда // *Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири* / Г. П. Визгалов (ред.). Екатеринбург, 2002. С. 192—193.

³¹ ПСРЛ. 6. С. 233—234 (6990 [1482]).

ную переводческую деятельность, венцом которой стала славянская Библия³². Он высоко ценил авторитет митрополита Спиридона-Саввы, поставленного Вселенским патриархом Рафаилом (1475—1476) на митрополию всея Руси, но не принятого ни Казимиром Ягеллончиком, ни Иваном Васильевичем³³. На печатях своих наместников во Пскове он повелел изображать греческую надпись «Геннадий, милостью Божией архиепископ Великого Новгорода»³⁴, отсылая тем самым своих возможных оппонентов к авторитету греческого Православия, с которым у Москвы практически прервалось церковное общение. Подобная независимость будет и впредь присуща владыкам дома Святой Софии, как, например митрополиту Киприану (1626—1634), не боявшемуся обличать московские порядки и московского патриарха³⁵.

Печать псковского наместника архиепископа Новгородского Геннадия с греческой надписью. 1490-е гг. Довмонтов город. Псков.
Раскопки В. Д. Белецкого

Наверное, именно тогда один из самых загадочных богослужебных атрибутов Древней Руси — «белый клобук» начинает превращаться в сознании обитателей Софийского дома в особую привилегию Новгородской церкви. Сегодня форма этого клобука известна нашим современникам исключительно благодаря куколю московского патриарха.

³² Евсеев И. Е. Геннадиевская Библия 1499 г. М., 1914.

³³ Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике... С. 483.

³⁴ Белецкий С. В. Загадки печатей Геннадия Гонзова // Советская археология. 1988. 2. С. 187—197.

³⁵ Зерцалов А. Н. О «неправдах и непригожих речах» новгородского митрополита Киприана (1627—1633 гг.) // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 176. 1:1. 1896.

Однако некогда в Древней Руси этот епископский головной убор был широко распространен среди архиереев, как и избрание их по жребию³⁶. Уже известный нам ставленник князя Дмитрия Донского поп Митяй, став архимандритом Михаилом и местоблюстителем престола митрополитов Киевских, надел на себя белый клобук, а под 1406 г. несохранившаяся Троицкая летопись упоминает белый клобук туровского епископа Антония³⁷.

Однако только в Новгороде, где избрание епископов стало частью местной идентичности, белый клобук ждала выдающаяся судьба — он превратился в символ автономии Новгородской церкви. К середине XVI в. только новгородские архиепископы сохранили его в своем облачении. На рубеже XV и XVI вв. здесь под пером толмача-переводчика Дмитрия Герасимова, близкого к литературному окружению архиепископа Геннадия Гонзова, возникает «Повесть о белом клобуке», передающая нам его фантастическую историю. Оказывается, некогда этот загадочный головной убор принадлежал римскому папе Сильвестру. Предчувствуя, что слава Ветхого Рима скоро падет, он передал клобук создателю Нового Рима — императору Константину, который вручил его Вселенскому Патриарху. Но Новый Рим тоже был не вечен, и патриарх Филофей отправляет клобук новгородскому архиепископу Василию Калике³⁸. Таким образом, не Москве, а Новгороду было уготовано стать Третьим Римом, как ему было дано стать домом Святой Софии — наследником Софии Цареградской. Однако уже архиерейский собор 1564 г. в Москве объявил, что ему не известно, откуда взялась новгородская традиция белого клобука, а Большой Московский собор 1666—1667 гг. объявил саму «Повесть» «лживой и неправой».

В истории о белом клобуке есть ряд непреодолимых противоречий. Архиепископ Василий скончался раньше, нежели патриарх Филофей Коккинос вступил на престол. Не сохранилось и известий о том, что в Византии белый клобук был особой богослужебной наградой. Возможно, идея «перенесения» клобука из Царьграда на Русь была порождена тем, что архиепископы Василий и Моисей в 1346 г. и 1354 г. получили от Вселенского престола право ношения полиставрия, богослужебного облачения, украшенного крестами³⁹. Иногда эти ризы изображаются вместе с белым клобуком, как на иконе Богоматери,

³⁶ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. ПСРЛ. 13. СПб., 1904. С. 379 (7072 [1564]).

³⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1815. Т. 6. С. 232.

³⁸ Повесть о белом клобуке // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века / Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев (ред.-сост.). М., 1985. С. 198—233.

³⁹ НПЛ. С. 358 (6854 [1346]), 363 (6861 [1353]), 364 (6862 [1354]).

Архиепископ Новгородский Иона в белом клобуке. Фреска церкви св. прав. Симеона Богоприимца в Зверином монастыре. 1468 г. — конец XV в.

Моление митрополита Максима (Максимовская икона Божией Матери).
1299—1305 гг. Государственный Владимиро-Суздальский
историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

которая вручает омофор митрополиту Киевскому Максиму (1299—1305).

Известно, что в XIV в. два Вселенских Патриарха, Иоанн Глика (1316—1320) и Иоанн Калика (1333—1347), имели клобуки белого цвета, означавшие, что они были возведены на Вселенский престол, не

имея за печами опыта монастырской жизни. Такая практика, когда епископами становились представители городского духовенства и даже миряне, несомненно, существовала и ранее. Однако именно в XIV в. монашеский постриг стал нормой при возведении в епископский сан. Архиерейское облачение окончательно подчинилось монастырской моде с ее черным цветом. Случаи, когда архиереи выдвигались не монастырями, как это было с Василем Каликой, до епископства Георгием, клириком церкви Святых Козмы и Дамиана в Неревском конце, встречались все реже. Возможно, для таких, как он, клобук шился из белой ткани. Со временем эта деталь церковного быта стала софийской традицией и приобрела в глазах новгородцев символическое значение. Мы еще увидим, как белый клобук сыграет свою роль в истории взаимоотношений Новгорода и Москвы XVI в.

Таков опыт, извлеченный архиепископом Геннадием из его борьбы против новгородских «поповских свобод» и любви местных интеллектуалов к Ветхому Завету. Иной урок был извлечен из истории «жидовствующих» прп. Иосифом Волоцким, жизнь которого постоянно сопровождали конфликты с монастырской братией, князьями и епископами. Он привык повсюду видеть реальных и мнимых врагов. Окружавшее его брожение умов, присущее рубежу столетий, интерес общества к мирскому знанию, в том числе и связанному с Ветхим Заветом, представлялись ему уже не просто иудаизантной ересью «жидовствующих», а отпадением в иудаизм — «жидовством». Эти люди были для него не еретиками, заслуживающими наказания, но вероотступниками, заслуживающими казни.

Не стоит упрощать его взгляды, приписывая ему роль первого русского «антисемита». Воплощенная в его трудах богословская полемика Церкви и Синагоги не имеет ничего общего ни с бытовым, ни с политическим антисемитизмом. Она устремлена за пределы земного царства, хотя и активно пользуется его услугами для уничтожения противников. То правда, что культурные трансформации Московской Руси легко превращают «жидовское мудрствование» в «жидовство», а его, в свою очередь, в антисемитизм. Так и поступил Иван Грозный в своих посланиях польскому королю Сигизмунду Августу, утверждая, что «жидов лихия дела» не только «наших людей от христианства отводили», но и «пакости многие» и «отравныя зелья в наше государство привозили»⁴⁰. Но это уже не вина, а беда Иосифа...

Сравнение посланий Волоцкого игумена с прочими памятниками того времени показывает, что история «московского эпизода» ереси «жидовствующих» была им искусственно сконструирована только в 1502—1504 гг. на основе посланий архиепископа Геннадия, для чего

⁴⁰ Гессен Ю. Евреи в Московском государстве в XV—XVII вв. // Еврейская старина. 1915. 1. С. 1—19.

сам Геннадий был ему совершенно не нужен. О действительных взглядах «новых еретиков» нам ровным счетом ничего не известно, поскольку соборных деяний 1504 г. не сохранилось. Не случайно русское общество было расколото «огненными казнями» 1504—1505 гг. и часть Церкви не приняла показной государственной жесткости. Протест прп. Нила Сорского и «заволжских старцев» против этой казни был не только свидетельством их строгого Православия, но свидетельскими показаниями, что казненные были простыми вольнодумцами, самое большее — еретиками, требующими вразумления, но отнюдь не вероотступниками, заслуживающими смерти на костре.

Волоцкий игумен, противостоя духовным и интеллектуальным исканиям своего времени, искренне верил в неистребимость зла. Отсюда его убежденность, что «московская ересь», ставшая продолжением «ереси новгородской», ни на мгновение не прекращала своего злого дела. Лучшим доказательством «виновности» новых «отступников» было их семейное родство и служебные связи со старыми еретиками, чья вина была установлена собором 1490 г. или провозглашена Геннадием. Здесь его жажда обличения полностью совпала с интересами Ивана III, смятенное состояние которого после дворцового переворота 1502 г. требовало оправдания как в собственных глазах, так и в общественном мнении. Ересь или даже отступничество окружения боговенчанного Дмитрия, действительные или мнимые, полностью лишали того царственной легитимности. В Москве жертвами борьбы с ересью пали лица, связанные с Федором Курицыным и Еленой Волошанкой и «выявленные» в результате специального «великокняжеского обыска». Нельзя исключить из факторов составления «расстрельного списка» и возможный конфликт Волоцкого игумена с Софийским домом, под юрисдикцией которого он находился. Архимандрит Юрьева монастыря Кассиан, сожженный в Новгороде в январе 1505 г., будучи главой новгородских монастырей, оказывался начальником и Иосифу, который начальствующим не жаловал. После новой расправы над новгородской церковной элитой Волоцкий игумен, как известно, в 1507 г. благополучно «изскочил» из предела Святой Софии, подчинившись митрополиту и великому князю.

Отсрочка великокняжеского «обыска» ересей, о которой упоминает прп. Иосиф в послании архимандриту Митрофану, что не позволило созвать собор на еретиков ранее декабря 1504 г., вполне объяснимо тем, что с «назначением в еретики» существовали определенные трудности. В то же время внимательное прочтение послания Иосифа Митрофану, передающее детали его встречи с великим князем, раскрывает и конкретный психологический и культурно-антропологический механизм создания истории ереси. Под руководством опытного духовника психолога мятущийся князь Иван переоценивает последнее десятилетие своей жизни и, словно озаренный, «открывает» для себя неведо-

мые ранее смыслы и подробности: «А ведь и точно! Не иначе как попович Иван Максимов „сноху у меня мою в жидовство свел“!»⁴¹ В процессе душепопечительской беседы с игуменом разговоры десятилетней давности с попом Алексеем и диаком Федором начинают восприниматься князем как еретическая проповедь. Та же беседа указывает и на искусственное соединение двух исторических эпизодов — «новгородского» и «московского». Признание князя, что он «ведал новгородских еретиков», относится лишь к событиям 1488—1490 гг., но не к последующему десятилетию, о чем свидетельствует фраза самого преподобного, обращенная к правителю России: «Только ся подвигнешься о нынешних еретиках, ино и в прежних тебе Бог отпустит»...⁴²

Через сто лет после описываемых событий неизвестный монах Троице-Сергиевой лавры, составляя список еретиков, сумеет включить в него лишь 43 имени, конкретная связь которых с известными событиями не всегда очевидна. Здесь же он укажет, что на Москве на Торжество Православия анафематствуют лишь пятерых, действительно осужденных собором. Все это свидетельствует, что опасность для дома Святой Софии представляла не ограниченная группа иудаизантных интеллектуалов, любителей Ветхого Завета, а «несимметричный» ответ на ее появление со стороны прп. Иосифа и его сторонников, которым воспользовалась светская власть для решения своих династических проблем...

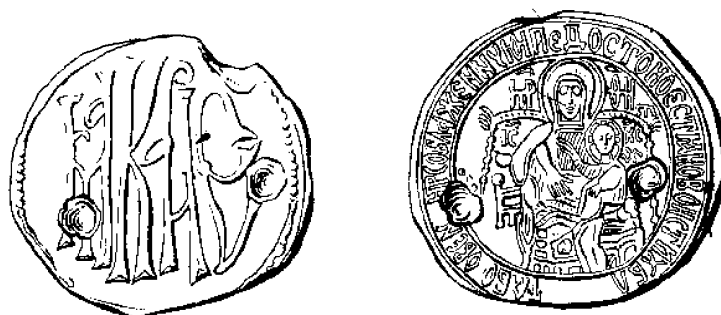
⁴¹ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения... С. 436.

⁴² Там же.

Очерк X

ОСЕНЬ АРХИЕПИСКОПА

Только через 15 лет после удаления с новгородской кафедры архиепископа Серапиона князь Василий III и митрополит Даниил (1522—1539) решились посадить на престол Святой Софии верного человека. Четвертого марта 1526 г. им стал Макарий — пострижник Пафнутиево-Боровского монастыря и игумен монастыря Лужецкого под Можайском. Новгород оказался для него не только ступенью к трону святых митрополитов Петра, Алексия и Ионы, который он занимал с 1542 г. по 1563 г. Именно в Новгороде он выработал основные принципы руководства церковной жизнью.

Печать архиепископа Новгородского Макария. 1526—1542 гг. Прорись.
Свод В. Л. Янина

Стремление к упорядочиванию и даже унификации внешних проявлений церковной культуры было всегда присуще деятельности свт. Макария¹. Представление о культуре как системе — было ли оно подобием Божественной иерархии, вычитанной у Дионисия Ареопагита, или же просто прагматической привычкой? В 1528 г. Макарием была продолжена бесконечно тянувшаяся в Новгороде реформа монастырей, предполагавшая переход от «особножительства» к киновии,

¹ Флоровский Г., протоиерей. Пути русского богословия. Париж, 1988. С. 24.

общежитию². Впрочем, архиепископ нашел к монастырской жизни правильный подход. По свидетельству летописца, монастырям стало «легче в податях»: подать стоила общежития. В 1541 г. в единый сборник Великих Четых Миней был сведен весь круг христианского чтения средневекового новгородца — вещь более удобная, чем полезная.

Из Новгорода в Москву, помимо новгородской иконографии, смутившей москвичей и диака Ивана Висковатого³, свт. Макарий, ставший митрополитом в 1542 г., привез столь любезное ему намерение навести порядок в церковной жизни России. Здесь его желания совпали со стремлением Ивана IV создать новое Московское царство. Первым приложением сил нового митрополита и молодого царя стали святые — главные помощники на небе и первые соперники на земле. В том числе и святые новгородские...

История почитания святых на Руси писалась несколько раз, но так и осталась ненаписанной. Быть может потому, что вместо истории почитания исследователи более интересовались тем, как это почитание санкционировалось церковной и государственной властью. Свою печальную роль сыграло и перенесение на средневековые современных стереотипов, разделяющих «местную» и «общецерковную» канонизацию и признающих обязательность решений высшей церковной власти в этом вопросе. Непосредственное знакомство с византийской и древнерусской историей убеждает нас, что в эпоху Средневековья существовала только «местная канонизация», суть которой заключалась в признании епархиальным архиереем уже сложившегося почитания памяти подвижника благочестия, вышедшего из народной молитвенной практики. Именно местный епископ вносил память нового святого в синодик-менологий и давал благословение на создание его икон и посвященных ему богослужебных текстов⁴. Единство Церкви, исповедуемое в Символе веры, естественным образом довершало дело: святость, признанная епископом одной епархии, становилась достоянием всех в силу церковного единства. Известные из источников прецеденты складываются в стройную систему. Празднование свт. Леон-

² Круглова Т. В. К истории монастырской реформы в Новгородской земле (по летописным данным) // Новгород и Новгородская земля: Искусство и реставрация. 3. Великий Новгород, 2008. С. 8—29.

³ Акты археографической экспедиции. 1. С. 241—249, № 238; Граля И. Иван Михайлов Висковатый: Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994.

⁴ Василий (Кривошеин), архиепископ. Преподобный Симеон Новый Богослов. 949—1022. Париж, 1980. С. 47; О правах митрополитов см., в частности: Болотов В. В. Лекции... Т. 3. С. 210—211.

тию Ростовскому было установлено местным епископом Иоанном⁵, служба святителю Новгородскому Илье-Иоанну и князьям-строителям Софийского собора была учреждена архиепископом Евфимием⁶, архиепископ Новгородский Геннадий благословляет игумена Памфила на написание иконы прп. Ефросина Псковского и его жития.

В отношении митрополита Петра санкция патриарха Иоанна Калекки (1334—1347), полученная в ответ на послание митрополита Феогноста в 1339 г., должна объясняться статусом святого как киевского митрополита, подчинявшегося Вселенскому престолу⁷.

На этом фоне соборы св. митрополита Макария 1547 и 1549 гг., называемые «канонизационными», вроде бы выглядят новым явлением в истории русской святости. Считается, что с этого времени вопрос причисления к лику святых, то есть канонизации, стал подлежать соборному суждению всей Церкви и санкции ее предстоятеля. Списки святых, прославленных в 1547 и 1549 гг., как реальные, так и гипотетические, превратились в исторический факт. Однако обращение к истории вопроса о «канонизационных» соборах наглядно показывает, как «факт историографии» становится «фактом истории».

Постараемся понять, в чем же состояло новшество макариевских соборов и действительно ли, начиная с этих событий, почитание святых было возможно только после обязательной высшей церковной санкции. Сегодня в нашем распоряжении есть 7 списков новых русских святых, память которых так или иначе связана с проведением собора 1547 г. (см. табл.). Это грамота митрополита Макария от 26 февраля 1547 г. о деяниях собора в Вологду и на Белоозеро⁸, соборное изложение деяний собора митрополитом Макарием в Троице-Сергиеву лавру (Лаврское собрание, № 241)⁹, «Подлинный список о новых чудотворцах» в Новгород архиепископу Феодосию от 2 февраля 1547 г. из собрания Российской Национальной библиотеки (РНБ. Ф. I. 356)¹⁰, копия грамоты от 26 февраля 1547 г. (Волоколамское собрание № 137/362,

⁵ Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 2. С. 332—333, 507. Примеч. 171.

⁶ НПЛ. С. 420 (6947 [1439]).

⁷ Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 27—28, 382—383; Мейендорф И., протопресвитер. Жизнь и труды свт. Григория Паламы. Введение в изучение. СПб., 1997. С. 159—161.

⁸ Акты археографической экспедиции. 1. С. 203—204, № 213.

⁹ Лебедев Н. Макарий, митрополит Всероссийский (1482—1563). М., 1877. Приложения. С. I—II; Голубинский Е. История канонизации святых в Русской Церкви. С. 99—100.

¹⁰ Кунцевич Г. З. Подлинный список о новых чудотворцах к Феодосию, архиепископу Новгорода и Пскова // Известия Отделения русского языка и словесности [Императорской Академии наук]. 15: 1. 1910. С. 252—257.

Разночтение редакций списка русских святых, прославленных на соборе 1547 г.

	Кир.-Бел. ред. РГАДА. 201. 58	Вол.-Бел. ред. ААЭ-I-213	Волоколам. ред. РГБ. 113. 362	Новгород. IV Л. ПСРЛ. 4. 1. 3	Ростов. ред. ГПНТБ. F. I. 3	Троицкая ред. Лавра 241	Новгород. ред. РНБ. F. I. 356	Святы 7056 г. ГИМ № 336
30 марта	Иона Московский	Иона Московский	Иона Московский	Иона Московский	Иона Московский	Иона Московский	Иона Московский	Иона Московский
7 сентября	Иоанн Новгородский	Иоанн Новгородский	Иоанн Новгородский	Иоанн Новгородский	Иоанн Новгородский	Иоанн Новгородский	Иоанн Новгородский	
1 мая	Пафнутий Боровский	Пафнутий Боровский	Пафнутий Боровский	Пафнутий Боровский	Пафнутий Боровский	Пафнутий Боровский	Пафнутий Боровский	Пафнутий Боровский
17 ноября	Никон Радонежский	Никон Радонежский	Никон Радонежский	Никон Радонежский	Никон Радонежский	Никон Радонежский	Никон Радонежский	Никон Радонежский
17 марта	Макарий Калязинский	Макарий Калязинский	Макарий Калязинский	Макарий Калязинский	Макарий Калязинский	Макарий Калязинский	Макарий Калязинский	
17 апреля	Зосима Соловецкий	Зосима Соловецкий	Зосима Соловецкий	Зосима Соловецкий	Зосима Соловецкий	Зосима Соловецкий	Зосима Соловецкий	Зосима Соловецкий
10 (11) января	Павел Обнорский	Павел Комельский	Павел Комельский	Павел Коломенский (sic!)	Павел Комельский	Павел Комельский	Павел Комельский	Павел Обнорский

Продолжение таблицы

	Кир.-Бел. ред. РГАДА. 201. 58	Вол.-Бел. ред. ААЭ-I-213	Волоколам. ред. РГБ. 113. 362	Новгород.IV Л. ПСРЛ. 4. 1: 3	Ростов. ред. ГПНТБ. F. I. 3	Троицкая ред. Лавра 241	Новгород. ред. РНБ. F. I. 356	Святцы 7056 г. ГИМ № 336
1 июня	Дионисий Глушицкий	Дионисий Глушицкий	Дионисий Глушицкий	Дионисий Глушицкий	Дионисий Глушицкий	Дионисий Глушицкий	Дионисий Глушицкий	Дионисий Глушицкий
30 августа	Александр Свирский	Александр Свирский	Александр Свирский	Александр Свирский	Александр Свирский	Александр Свирский	Александр Свирский	
23 ноября	Александр Невский		Александр Невский	Александр Невский	Александр Невский	Александр Невский	Александр Невский	
17 апреля (27 сентября)		Савватий Соловецкий	Савватий Соловецкий	Савватий Соловецкий	Савватий Соловецкий	Савватий Соловецкий	Савватий Соловецкий	
11 января		Михаил Клопский	Михаил Клопский	Михаил Клопский	Михаил Клопский	Михаил Клопский	Михаил Клопский	
3 декабря					Савва Сторожевский	Савва Сторожевский		
26 апреля						Никита Новгородский		
5 ноября							Иона Новгородский	
11 марта							Евфимий Новгородский	Евфимий Новгородский

ныне в Российской Государственной библиотеке (РГБ. Ф. 113)¹¹, погодное сообщение НІВЛ по списку Н. Никольского от 1 февраля 1547 г.¹², список из рукописи конца XVI в. Ростовского архиепископа Ионы (Думина), адресованный в царство Владимирское, Московское и Новгородское от 26 февраля 1547 г., хранящийся в Государственной публичной научно-технической библиотеке (ГПНТБ. Ф. IV. 3)¹³ и «указец» Обиходника XVI в. из Кирилло-Белозерского монастыря, ныне в Российском Государственном архиве древних актов (РГАДА. Ф. 201. Собрание Оболенского. № 58)¹⁴. Однако лишь три из них совпадают между собой, что должно противоречить обязательности соборного решения для всей Русской Церкви. Парадоксальным образом среди исторических памятников отсутствует «канонизационный список» 1549 г.

И этот перечень, и понятие «канонизация святых» в отношении деяний соборов 1547 и 1549 гг. являются находкой В. О. Ключевского¹⁵. Для реконструкции списка святых 1549 г., «канонизированных» этим собором, он прибегает к арифметическим действиям. В составе «Особой редакции» жития св. митрополита Ионы, составленной во второй четверти XVI в., находится общий список подвижников благочестия, которым, согласно агиографу, было установлено литургическое празднование при митрополите Макарии, т. е. между 1542 и 1563 гг.). Масштабу историку показалось, что достаточно «вычисть» из него имена грамоты собора 1547 г., отправленной в Вологду, чтобы получить искомый «список 1549 г.»: это Евфимий и Иона Новгородские, Стефан Пермский, Иаков Ростовский, Всеволод — Гавриил Псковский, Михаил Тверской, Савва Сторожевский, Евфимий Суздальский, Авраамий Смоленский, Савва Вишерский, Ефросин Псков-

¹¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1842. Т. 9. Примечания. Ст. 19; Макарий (Веретенников), архимандрит. Макарьевские соборы 1547 и 1549 годов и их значение // Русская художественная культура XV—XVI веков. Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Материалы и исследования. 11. М., 1998. Приложение II. С. 16—17.

¹² ПСРЛ. 4. 3. С. 619 (7055 [1547]).

¹³ Судные списки Максима Грека и Исаа Собаки / Н. Н. Покровский, С. О. Шмидт (изд.). М., 1971. С. 13; Веретенников П., священник. Первосвятительская деятельность Макария, Митрополита Московского и всея Руси († 1563) // Вестник Русского западноевропейского экзархата. 105—108. 1980—1981. С. 236—237. Примеч. 24; Макарий (Веретенников), архимандрит. Макарьевские соборы 1547 и 1549 годов и их значение. Приложение I. С. 15—16.

¹⁴ Макарий (Веретенников), архимандрит. Макарьевские соборы 1547 и 1549 годов и их значение. Приложение III. С. 17.

¹⁵ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 222.

ский, Ефрем Перекомский, Григорий Пельшемский, Максим Московский, Антоний, Иоанн и Евстафий Виленские.

Достоинства такой «духовной арифметики» представляются весьма сомнительными. В конце концов ниоткуда не следует, что празднование данным святым было установлено именно в этом году и именно соборным решением. Словно признавая недостаточность избранного им «источниковедческого приема», В. О. Ключевский предлагает дополнительно включить в этот перечень свт. Нифонта Новгородского, св. Петра Ордынского, а также прпп. Ферапонта и Мартиниана Белозерских на основании косвенных свидетельств об учреждении им общей службы в конце 1540—начале 1550-х гг. Нельзя не учесть и то, что список святых, традиционно связываемых с собором 1547 г., в житии свт. Ионы представлен не полностью: там нет прпп. Михаила Клопского, Дионисия Глушицкого и Павла Обнорского. Однако выводы знаменитого историка, поддержанные позднее Е. Е. Голубинским, прочно утвердились в науке.

В последнее время в круг источников по истории «канонизационных соборов» был вовлечен месяцеслов Церковного Устава из собрания Государственного Исторического музея в Москве (ГИМ. Син. № 336), который было предложено датировать 1548 г.¹⁶ Избыточное количество имен по сравнению со списками 1547 г., которое можно здесь обнаружить, объяснялось фактом проведения еще одного «канонизационного» собора именно в 1548 г. Теперь уже не два, а три собора занимались канонизацией святых в Русской Церкви в 1540-х гг.! Вместе с тем знакомство с месяцесловом из Устава Синодального собрания позволяет прийти к заключениям иного рода. По сравнению с известными редакциями грамоты собора 1547 г. здесь отсутствуют 5 из 14 «общерусских» святых: Александр Невский, Александр Свирский, Савватий Соловецкий, Михаил Клопский и Никита Новгородский, и 2 из 9 «местночтимых» святых: Арсений Тверской и Иоанн Устюжский. Более того, из числа святых, которые, как полагают, были канонизированы собором 1549 г., здесь уже «досрочно» присутствуют Иаков Ростовский, Евфимий Новгородский, Евфимий Суздальский, Стефан Пермский, Авраамий Смоленский, Ефрем Перекомский и Виленские мученики, т. е. 9 из 16. В этом же списке есть святые, которые не упомянуты ни в деяниях собора 1547 г., ни в существующих реконструкциях соборного списка 1549 г.: Ефрем Смоленский, Николай Кочанов Новгородский и Ефросиния Суздальская. Неужели нам остался неизвестным еще один собор той эпохи, который их канонизировал?

¹⁶ Клосс Б. М. Избранные труды. 2: Очерки по истории русской агиографии XIII—XVI вв. Агиография Москвы, Твери, Ярославля, Суздаля. Сказания о чудотворных иконах. М., 2001. С. 368—369.

Непосредственное знакомство с источниками, повествующими о соборах 1547—1549 гг., позволяет предложить новую реконструкцию соборных деяний и оценить их последствия для церковной жизни и истории дома Святой Софии. Деяния Стоглавого собора повествуют, что в 1547 г. молодой царь поручает епископату собрать службы и жития новых чудотворцев. На соборе 1549 г. святители «каноны новых чудотворцев, жития их и чудеса на соборе полагают и свидетельствуют... и предают церквам Божиим пети и славить и празновати». Очевидно, что соборы 1547—1549 гг. не занимались ни «причитанием подвижников благочестия к лику святых», ни их «канонизацией». Святость этих подвижников в соборных деяниях не подвергается ни малейшему сомнению, поскольку «новых чудотворцев», которым устанавливается соборная служба, Бог уже прославил «многими и различными чудесы и знаменами». Единственным затруднением церковной жизни, которое стояло перед отцами собора, было то, что «не бе им до днесь соборного пения», т. е. общецерковного богослужебного последования, обязательного к повсеместному отправлению в определенные дни месящеслова. Суть соборного деяния 1547 г. раскрывается такими словами известительной грамоты, как: «установили есмя ныне празновати новым чудотворцам», «установом празновати соборне по прежеуложенному уставу», «пети и празновати повсюду»¹⁷.

Речь идет о литургической реформе, суть которой состояла в упорядочении древнерусского богослужения, максимально широко по средневековым меркам распространении уставной соборной службы в честь «новых чудотворцев» и введении в церковный обиход новых литургических и агиографических произведений. Анализ редакций грамоты 1547 г. предполагает, что соборное решение дополнялось по мере подготовки новых литургических и агиографических текстов. Считаем изначальным минимальный по количеству имен список Кирилло-Белозерского обиходника из собрания Российского Государственного архива древних актов с характерным названием «Сий указ новым чудотворцем на кийждо день указася коемуждо празновати». Остальные редакции демонстрируют в целом единство основной части списка, к которому первоначально стоит отнести 10 имен: свт. Иона Московский, Иоанн Новгородский, прпп. Пафнутий Боровский, Никон Радонежский, Макарий Колязинский, Зосима Соловецкий, Павел Комельский, Дионисий Глушицкий, Александр Свирский и Александр Невский. Отсутствие среди источников какого-либо намека на соборную грамоту 1549 г., аналогичную спискам 1547 г., заставляет признать, что она не существовала вовсе. Точно так же, как и в случае со «списком 1547 г.», освидетельствование новых житий и богослужебных текстов давало возможность их широкого, «общерусского» распро-

¹⁷ Стоглав / Д. Е. Кожанчиков (изд.). СПб., 1863. С. 37—38.

странения в Московском Царстве уже без дополнительной соборной санкции.

Постараемся понять, по какому принципу формировался список святых 1547 г. Этот список практически идеально совпадает с маршрутом царских богомолий и походов 1543—1552 гг. (8—20 декабря 1543 г. — Боровск, 3 марта 1544 г. — Калязин, 21 мая—7 июля 1545 г. — Троице-Сергиев, Переславль, Ростов, Белоозеро, Вологда, Прилука, Комла, Обнора, Устюг, 15 сентября—12 декабря 1546 г. — Троице-Сергиев, Волок, Ржева, Новгород, Псков, Тихвин, 24 ноября 1550 г. — Владимир, 13 июля 1552 г. — Муром)¹⁸. Практически все святые, которым было установлено соборное пение, оказались так или иначе охвачены царскими маршрутами: Пафнутий Боровский, Макарий Калязинский, Никон Радонежский, святыни Ростова и Переславля, Павел Комельский, Дионисий Глушицкий, Прокопий и Иоанн Устюжские, Иоанн Новгородский, Михаил Клопский, Александр Невский, Константин, Феодор, Михаил, Петр и Феврония Муромские.

Очевидно, паломничество царя повергло его в недоумение, что богослужение почитаемым русским святым не было представлено «соборным пением» прежде всего в самой Москве. Исправлению противоречия между всероссийской значимостью этих святых и отсутствием общецерковного богослужения и были посвящены соборные мероприятия св. митрополита Макария, инициатива которых могла принадлежать молодому царю.

Сегодня стоит отказаться от предвзятого мнения, что начиная с 1547 г. любое изменение в месяцесловах должно было иметь санкцию высшей церковной власти, как это сложилось в синодальную и современную эпоху. На это указывает отсутствие упоминаний в источниках о подобных соборах во второй половине XVI—XVII в. несмотря на то, что состав месяцеслова продолжал пополняться русскими святыми. Очевидно, процесс прославления новых святых оставался в компетенции епархиального архиерея. Именно так в 1572 г. архиепископом Новгородским Леонидом были канонизированы праведные Иаков Боровичский и дева Гликерия¹⁹.

Стоит задаться вопросом, сколь глубока и основательна была рецепция соборных деяний 1547—1549 гг. массовым церковным сознанием, иначе говоря, как соотносились традиция и новшества в почитании святых эпохи позднего Средневековья? Знакомство со святыми — как современными соборам, так и последующего времени —

¹⁸ Львовская летопись. ПСРЛ. 20: 2. СПб., 1914. С. 462 (7051 [1543]), 464 (7052 [1544]), 465 (7053 [1545]), 467 (7055 [1547]), 476 (7058 [1550]), 506 (7060 [1552]); ПСРЛ. 13. СПб., 1904. С. 144 (7051 [1543]), 146 (7052 [1544]), 147 (7053 [1545]), 149 (7055 [1547]), 194 (7060 [1552]), 199 (7060 [1552]).

¹⁹ ПСРЛ. 3. СПб., 1841. С. 168 (7080 [1572]), 172—173 (7080 [1572]).

демонстрирует нам весьма незначительную степень зависимости их состава от соборных решений²⁰. Здесь продолжала доминировать память местных и традиционно почитаемых в данной местности святых. Стоит вспомнить, что в 1490 г. новгородское духовенство заслужило обвинение в «жидовстве» за то, что «не почитало» московских святых митрополитов Петра и Алексия, общее празднование которым, распространившееся на Москве, не вошло в севернорусские святцы...

Ответ на этот вопрос можно уточнить, анализируя степень проникновения в иконографию позднего Средневековья образов «новых русских чудотворцев». Установление общероссийской службы почти 40 святым в середине XVI в. не вызвало революции в содержании церковного искусства на Руси²¹. Их образы если и представлены в русской культуре второй половины XVI в., то единичными образцами, связанными прежде всего с местными центрами их почитания.

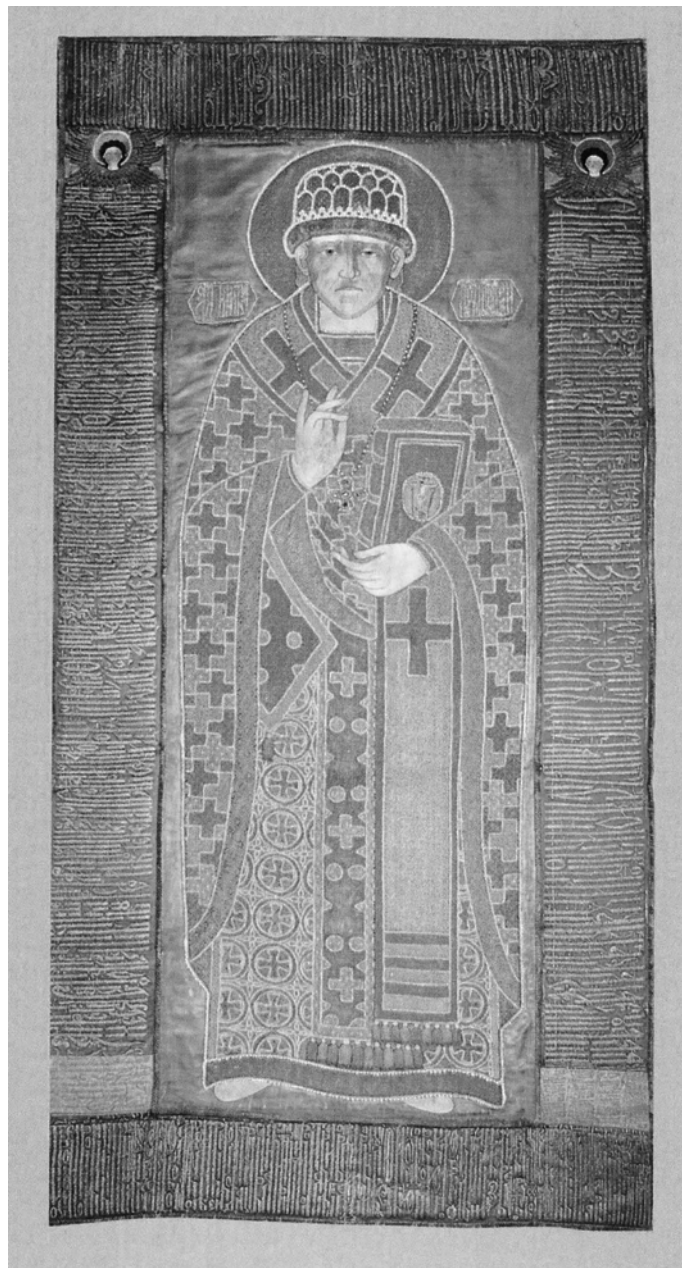
Исключение составляют, пожалуй, лишь прпп. Зосима и Савватий Соловецкие и Александр Свирский. Только в отношении архиепископа Иоанна Новгородского известно, что установление ему общерусской службы на соборе 1547 г. привело к тому, что в 1548 г. архиепископ Феодосий обновил придел св. Иоанна Предтечи в Софийском соборе, где был погребен архиепископ, и «гроб украси святителя Божия». Возможно, обретение мощей свт. Никиты Новгородского в 1558 г. и одновременное обновление древней новгородской церкви св. вмч. Никиты также были связаны с новым интересом к личности святого, вызванным соборным движением.

Как свидетельствует история макариевских соборов, централизаторские тенденции в общественно-политической жизни Московской Руси все же находили свое отражение в жизни церковной. Однако религиозное общество эпохи «осени Средневековья» продолжало развиваться по своим внутренним законам. Похоже, именно в деле почитания святых черты соборного строя, связанные с регулированием подобных вопросов местной Церковью, сохранялись дольше всего. Традиция продолжала быть более значимым регулятором в русской культуре, чем попытки центральной власти унифицировать духовную жизнь средневековой Руси.

Это господство традиции над переменами «не к лучшему» было присуще и жизни дома Святой Софии. Постоянное вмешательство

²⁰ Например, см.: *Никольский А. И.* Описание рукописей, хранящихся в архиве Святейшего Синода. 1: Рукописи богослужебные. СПб., 1904. С. 165—168, 173—175, 179—183, 196—197.

²¹ Об этом подробнее: *Мусин А. Е.* Соборы св. митрополита Макария 1547—1549 гг. и проблема авторитета в культуре XVI века // *Древнерусское искусство. Русское искусство позднего Средневековья. XVI век* / А. Л. Баталов (ред.). СПб., 2003. С. 145—165.

Нагробный покров свт. Никиты Новгородского. XVII в.
Новгородский музей-заповедник

великокняжеской власти в церковные дела вызывало здесь причудливое смешение вызовов эпохи с неистребимой архаикой средневекового менталитета. Новгородская земля словно заново рождала дух вольности, который превращал ставленников центральной власти в опасных противников централизации, поборников «пошлины и старины». Такое явление можно объяснить оторванностью служилой бюрократии (в том числе и церковной администрации) в Новгородской земле от политического центра, что способствовало формированию особой стратегии поведения, связанной с высокой степенью самоорганизации, развитием инициативы и ответственности²². Все это происходило на фоне сохранения известных элементов автономии Новгородского «государства» в рамках Московского царства, в частности во внешнеполитических делах, что нашло отражение как в формулярах грамот «за рубеж», подчеркивавших значение Новгорода как «окна в Европу», так и в полномочиях новгородских наместников в сношениях со Швецией. Такая ситуация формировала особенности местного сознания, в которых традиция новгородских вольностей если не возрождалась, то конструировалась сызнова, как это видно в уже известной нам истории архиепископа Геннадия Гонзова и митрополита Киприана Старорушанина. Не были чужды этой традиции и прочие владыки дома Святой Софии XVI в., хотя в итоге их участь оказалась печальной. Однако существовали и объективные противоречия между «государствами Московского царства» — а именно так во второй половине XVI — первой половине XVII в. описывалась политическая структура России — и прежде всего между Московской и Новгородской землями, традиционно рассматриваемыми как два «великих государства» этой конфедерации...²³

Митрополит Московский Макарий ввел архиепископа Новгородского Пимена в дом Святой Софии как в свое наследственное владение, которое он возглавлял 15 лет. Это позволяло тому надеяться, что когда-нибудь он сам унаследует кафедру московских святителей. Однако ему пришлось трижды возглавлять интронизацию митрополитов всея Руси без реальной возможности самому стать главой Русской

²² Об этой тенденции можно прочесть в: *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 247; *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительских учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969; *Пронштейн А. П.* Великий Новгород в XVI в. Харьков, 1957; *Казакова Н. А.* О положении Новгорода в составе Русского государства в конце XV — первой половине XVI в. // *Россия на путях централизации: Сб. ст. / В. Т. Пашуто (ред.).* М., 1982. С. 156—159; *Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008.

²³ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. М., 1813. Т. 1. С. 599, 614.

Церкви, хотя его полномочия в эту эпоху были весьма близки к митрополичьим. В 1564 г. Иван Грозный предпочел ему, постриженнику далекой Адриановой пустыни или даже Кирилло-Белозерского монастыря, Афанасия (1564—1566), собственного духовника и священника Благовещенского собора в Кремле, проведенного в монашестве менее двух лет. Афанасий продержался на престоле два года и оставить его мог из-за жестокостей опричнины. Известно, что начало опричнине положило посольство 3 января 1565 г. в Александровскую слободу, умолившее царя вернуться во власть. Возглавлял посольство именно Пимен.

Несмотря на то что после ухода Афанасия с кафедры Пимен вновь возглавил духовенство на Земском соборе 1566 г., благословившем продолжение Ливонской войны, новым царским ставленником снова стал не он, а архиепископ Казанский Герман (Садырев-Полев), нареченный, но так и не ставший митрополитом в июле 1566 г. В том же году Пимен возглавляет избрание и интронизацию митрополита Филиппа (Колычева) (1566—1568), чтобы в ноябре 1568 г. председательствовать на созванном по царскому велению соборе, который лишит Филиппа сана, и заслужить, по слову князя Андрея Курбского, мрачную славу «гонителя» митрополита-мученика и «похлебателя» царя-мучителя²⁴. В том же году он возводит на московский престол последнего из «своих» митрополитов — игумена Троицкого Кирилла (1568—1572).

Трудно сказать, какие чувства испытывал Пимен в каждое из этих наречений и чувствовал ли он себя обойденным, но митрополит Филипп, скорее всего, был дважды прав, когда обвинял его в личной заинтересованности в исходе процесса 1568 г. против себя и предрекал скорую опалу: «тщишися чужий престол восхитити, но и своего по мале извержен будеши»²⁵. Истоки такой заинтересованности стоит поискать не только в угодливости новгородского владыки перед светской властью или же в собственном тщеславии, но и в глубокой обиде за себя и дом Святой Софии. «Митрополичья» чехарда 1560-х гг. началась с «культурного шока», который должен был испытать сам Пимен и его «софияне». На соборе 1563—1564 гг. царь спросил, почему белый клобук носит только Пимен Новгородский, а не митрополит

²⁴ Согласно князю, Пимен был «чистого и зело жестокого жития, но в дивных был обычаях: бо глаголют его похлебовати мучителю и гонителю был вкупе на Филиппа митрополита». См.: *Андрей Курбский. История о великом князе московском* // Сочинения князя Курбского. 1. Русская историческая библиотека. 31. СПб., 1914. С. 161—354, здесь с. 319.

²⁵ Житие митрополита Филиппа // *Пономарев А.* Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. 4. Славяно-русский Пролог. СПб., 1898. Ч. 2. С. 9—13.

Московский. Естественно, собор утвердил за митрополитом «древнюю почесть» на ношение белого клобука «с рясами и херувимом», которая с этих пор стала рассматриваться как царское пожалование²⁶.

Нельзя утверждать, что вопрос о белом клобуке был инициирован самим Пименом, рассчитывавшим на избрание и готовившим себе привычные атрибуты архиерейского достоинства на московской кафедре. Но лишение Новгорода исключительного права на белый клобук, символ церковной избранности, должно было однозначно рассматриваться как унижение. Новгородский архиерей не мог этого не ощущать, и московский царь не мог не чувствовать этой подсознательно затаенной обиды. Именно это и должно было позволить Ивану IV во время опричного разгрома Новгорода 1570 г. объявить внешне преданного ему Пимена главой новгородских «заговорщиков» и сослать его то ли в Александрову слободу, то ли в Тулу, то ли в Рязань, где тот и умер 24 сентября 1571 г., будучи подвергнут перед этим публичному унижению и «гражданской казни»²⁷. Впрочем, Андрей Курбский считал, что новгородский владыка был утоплен в Волхове. Брошенные Пимену обвинения в «литовской измене» продолжали княжеские традиции идеологической войны XV в. против Новгорода. Новгородцы вновь «хотели» «царской державы вотчину... предати супостатам.. иноплеменикам королю Литовскому Жигимонту Августу»²⁸. Свершенная над архиепископом «гражданская казнь» могла воскресить в общественной памяти действо 1490 г., когда «жидовская мудрствующих» новгородцев, тоже обвиненных в «связях с Западом», на сей раз культурных, провезли по городу на лошадях «передом назад». Точно так же и Пимен, перед тем как быть сосланным в монастырь, с атрибутами скомороха — музыкальными инструментами в руках был водружен — уж не задом ли наперед? — на кобылу для общегородского позорища²⁹.

Однако в его случае такое «шествие на кобыле» было не просто скоморошным «антиповедением»³⁰. Оно могло иметь еще один важ-

²⁶ Акты исторические... Т. 1. С. 331—333, № 174.

²⁷ Псковские летописи. Вып. 1. С. 115 (7077 [1570]); Повесть о походе Ивана IV на Новгород в 1570 году // Изборник: сборник произведений литературы Древней Руси / Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев (ред.-сост.). М., 1969. С. 483; Новикова О. Л. О второй редакции так называемого Соловецкого летописца // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь / С. А. Семачко (ред.). СПб., 2001. С. 214—254, здесь с. 250—251; Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 198.

²⁸ ПСРЛ. 3. С. 258 (7078 [1570]).

²⁹ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. Л., 1925. С. 90; Гваньини А. Описание Московии. М., 1997. С. 117.

³⁰ Успенский Б. А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Проблемы изучения культурного наследия: Сб. ст. / Г. В. Степанов (ред.). М., 1985.

ный внутренний смысл. Неизвестно, когда этот церковный обряд закрепился на Руси, будучи воспринятым из Византии, но каждый год, накануне Пасхи, на Вербное воскресенье, в Новгороде совершался торжественный ритуал «шествия на осляти», воскрешающий события Входа Господня в Иерусалим. Архиепископ восседал на коне, символизируя самого Христа, входящего в Иерусалим, а великокняжеский наместник вел этого коня под уздцы, знаменуя тем самым подчинение власти цесаря духовному началу. В Москве участниками этого действа были митрополит и князь, а затем патриарх и царь. «Шествие на кобыле» архиепископа-скомороха стало не только сознательным унижением священнического достоинства и мелкой царской местью, но и ритуалом, закрепляющим подчинение Церкви Царству. Знаковые животные вообще играли в эту эпоху особую роль в судьбе дома Святой Софии.

Новый новгородский архиерей Леонид определенно унаследовал судьбу Пимена и вполне мог унаследовать обиды своего предшественника. В мае 1572 г. он председательствовал на Освященном соборе, благословившем четвертый брак Ивана Грозного и избравшем на московский престол митрополита Антония (1572—1581). Новгородский архиерей вновь возглавил интронизацию главы Церкви, так никогда и не возглавив саму Церковь. Царь был достаточно осторожен, чтобы не пускать наверх церковного иерарха, занимавшего авторитетную кафедру, управление которой порождало соответствующие амбиции и если не независимость, то самостоятельность. На московский престол должны были возводиться люди, непосредственно зависящие от государя.

Дальнейшая судьба Леонида показательна расплывчатостью сохранившихся обвинений, противоречием источников о его судьбе и нарочитой жестокостью некоторых версий его кончины. Считается, что вместе с придворным лекарем вестфальцем Елисеем Бомелиусом он был обвинен не только в сношениях со Швецией и Литвой, но и в колдовстве. Впрочем, имя Бомелиуса здесь могло появиться случайно, чтобы убедить современников в чародействе архиепископа. Русские летописи иногда объединяют смерть Леонида с казнью в 1573 г. князя Петра Куракина, стольника Протасия Захарьина-Юрьева, не названных по имени архимандрита Чудовского монастыря и протопопа Архангельского собора в Москве и «иных»³¹, однако в действительности новгородский святитель скончался позже, пусть и в заточении, но, возможно, своей смертью.

С. 326—336, здесь с. 331. См. также: *Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понярко Н. В.* Смех в Древней Руси. М., 1984.

³¹ Пискаревский летописец. ПСРЛ. 34. М., 1978. С. 192 (7081 [1573]).

Обвинения были обычным для Новгорода делом, граждане которого, как нам уже известно, в глазах великого князя были либо изменниками, либо язычниками, либо колдунами, либо еретиками. Необычной была казнь Леонида, которой тот был подвергнут. По словам псковского летописца, в Москве царь «сан на нем оборвав, и, в медведно ошив, собаками затравил»³². Жестокость московских забав подтверждает и уникальное известие англичанина Дж. Горсея об устроенном царем «гладиаторском поединке», где против «диких и свирепых медведей» выступили вооруженные четками, крестами и рогатинами клирики или монахи, обвиненные в мятеже против государя³³. Впрочем, существует и другая, весьма мирная версия, согласно которой архиепископ был «взят к Москве в государьской опале да тамо и преставился» 20 октября 1575 г.³⁴

В данном случае нам важна не только достоверность страшной смерти новгородского владыки. Гораздо важнее знать, что такие слухи ходили в средневековом обществе, и постараться понять, какие смутные образы они вызывали в сознании современников. Естественно, можно представить оба известия как обычное проявление феодальной жестокости, элемент придворной культуры с ее охотой на медведя, затравленного собаками или забитого рогатинами. Однако стоит задуматься о сочетании смыслов всех элементов этого действия, вписывающегося в нормы средневекового сознания.

О собаках как нечистых животных в представлении человека того времени мы уже знаем. В этом смысле смерть архиепископа Леонида, затравленного собаками в конце XVI в., удивительно напоминает смерть епископа Феодора, загрызенного собственным псом в конце XI в. Царь тем самым превращает носителя священного сана, фигуру сакральную, в «заложного» покойника, лишая его священнического достоинства. Низведение архиепископа до уровня псов находит соответствие в глумливом поведении боярина Стрешнева в 1658 г., научившего свою собаку пародировать патриарха Никона, становясь на задние лапы и изображая передними подобие архиерейского благословения. Наконец, травля собаками Леонида, во всем, кстати, поддерживавшего опричные мероприятия, напрямую соотносится с символом опричнины — песьей головой, притороченной к конскому седлу. Кровавый карнавал продолжался, и преданные царю псы, символизировавшие опричников, выгрызли измену «медведя»-архиепископа.

³² Псковские летописи. Вып. 2. С. 262 (7083 [1575]).

³³ Горсей Д. Записки о России XVI—начала XVII века. М., 1991. С. 67—68.

³⁴ Новгородские летописи: так названные Новгородская II-я и III-я летописи. СПб., 1879. С. 148 (7080 [1572]). Анализ различных версий гибели архиепископа см.: Зимин А. А. В канун грозных потрясений... С. 32—33.

Медведь тоже значим в этой истории. Дело в том, что этот зверь в русской мифологии считался существом темной, языческой сакральности³⁵. Союз с медведем рассматривалось как служение злу. Медвежья комедия с участием скоморохов (вспомним гражданскую казнь Пимена, обращенного в скомороха!) была излюбленной мишенью обличителей пороков русского общества XVI—XVII вв. от протопопа Сильвестра до Ивана Неронова. Шутливое поклонение медведю ростовского митрополита Ионы, которому зверя прислал патриарх Никон, вызывало осуждение протопопа Аввакума³⁶. В силу этого «медведно», медвежья шкура, которая «превратила» архиепископа в медведя, как и медведи, на растерзание которым были отданы семь клириков (священное число!), однозначно должны были восприниматься как способ десакрализации сопоставленных с ними или противопоставленных им священных особ.

Существует еще одна ипостась «медвежьего фольклора» — это его связь с богатством и благополучием. Известен ритуал опахивания сельской нивы на впряженном в ярмо медведе, что должно было обеспечить отборный урожай. Так, новгородский святой прп. Савва Вишерский по приговору веча заставил медведя пахать на монастырском поле вместо лошадей, которых «косматый» задрал. Помимо мотива подчинения хтонических сил православному святому в сознании рассказчика этот эпизод должен был свидетельствовать о мистическом успехе монастырской экономики.

Участие медведя или его образных атрибутов в традиционной свадьбе тоже было обязательным: «Мохнатый зверь на богатый двор, молодым князьям да богато жить». На свадьбе медведя мог заменять вывернутый наизнанку тулуп. В этой связи известие протопопа Аввакума о том, что «медведя Никон, смеясь, прислал Ионе Ростовскому на двор, и он челом медведю»³⁷, связано не только со стремлением этого проповедника раскола десакрализовать никонианское духовенство. За внешне шутейным действием Никона могло стоять символическое пожелание со стороны патриарха благополучия и богатства ростовскому архиерейскому дому.

В связи со страшной кончиной архиепископа Леонида заметим, что рассказ Дж. Горсея о «медвежьих боях» с клириками разворачивается на фоне известия о Земском, или Освященном, соборе 1573 и

³⁵ Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей: реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М., 1982. С. 85—111.

³⁶ Аввакум. Из толкований псалмов // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1934. С. 233—249, здесь с. 239—240.

³⁷ Аввакум. Из толкований псалмов. С. 239—240.

1580 гг., который был посвящен изъятию у Церкви ее имущества. Неслучайно англичанин влагает в уста царя упоминание о короле Генрихе VIII, проводившем в 1533—1541 гг. политику диссолюции — перераспределения церковных богатств для нужд общества. Опала Пимена и Леонида тоже сопровождалась секуляризацией владений дома Святой Софии. В этом контексте облачение Леонида в медвежью шкуру или, скорее, в шубу, вывернутую наизнанку, символизировало именно секуляризационную политику царя: вместе с опалой и смертью Леонида на государев двор ожидалось пришествие богатства и благополучия от конфискованных церковных имений...

Царь добился своего. Он получил церковную казну, лояльность церковников и молчание Церкви. О следующем хозяине дома Святой Софии, последнем архиепископе и первом митрополите Александре, возглавившем кафедру в 1576 г., источникам почти ничего не известно. Разве что при нем хозяйство архиерейского дома пришло в полный упадок, пострадав от традиционной отечественной болезни — коррупции и воровства. Новому новгородскому митрополиту Варлааму (1592—1601) пришлось спешно приводить оставшееся в порядок, дабы не растерять последнее. Наступала осень архиепископов. Белый клобук, бывший символом новгородской церковной жизни и культуры, претензией на византийское наследство и судьбу Третьего Рима, пожелтел от времени, как октябрьская листва. Однако жизнь в новгородском доме не могла умереть. Но это уже совсем другая история — история Нового времени. Новгородское средневековье закончилось вместе с осенью его архиепископов...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Книга, которую читатель, надеюсь, дочитал, позволила нам пройти вместе с домом Святой Софии через шесть столетий его истории, следуя ее главным вехам. Владычный двор на холме над Волховом, где некогда стоял идол Перуна, быстро стал «градообразующим» фактором в жизни Новгорода. Его участие в жизни городской общины, вошедшей в себя различные группы населения, позволило этому городу обрести культурное единство и сформировать собственную историческую память. Урочище у городских ворот, «Десятина», где епископ взимал с проходящих купцов таможенную десятину, стало символом новгородской истории. Именно здесь образ Божией Матери «Знамение» остановил, пусть и на небольшое время, княжеское наступление на новгородские права и свободы.

Содержание этих прав, восходящих к эпохе сложения Древней Руси, совпадало с основными положениями церковного права, возникшими в эпоху становления Византии. В их основе лежали традиции общинной жизни — греческого полиса и древнерусского города. Вступив во взаимодействие, церковные и гражданские нормы, достаточно демократичные в своей основе, поддерживали друг друга в бытии, помогая новгородской традиции выстоять против московских новшеств. Избрание новгородских епископов на вече не было «республиканской процедурой», однако «вечевая демократия» оказалась сродни соборному строю коллективного управления Церковью. В некотором смысле вече стало общественно-политическим измерением христианской общины древнерусского города, его Церкви.

Особенностью церковной жизни Новгорода было не само избрание епископа местной общиной по жребию, которое практиковалось и в других русских землях. Новгородской особенностью было то, что эта традиция просуществовала здесь значительно дольше и оказалась запечатлена летописанием как символ новгородской идентичности.

В уничтожении этой традиции соборного управления местной Церковью особая роль принадлежит митрополитам всея Руси, которые, подражая византийским автократорам, стремились подчинить городскую общину своей власти. Однако в условиях Древней Руси, которой Рюриковичи владели сообща, а церковная юрисдикция следовала за княжескими пожалованиями, роль митрополитов в истории была

до определенной степени объединяющей. В то же время поставление митрополитов *Росии* непосредственно в Константинополе обеспечивало им определенную нравственную и политическую независимость от княжеской власти, способствуя осуществлению посреднической роли в русских спорах. С началом возвышения Москвы церковные и политические интересы митрополитов и великих князей естественным образом совпали, и первые были подчинены последним.

Эти события и стали настоящей древнерусской «революцией», которая потребовала от средневекового общества создания новой системы политического сдерживания в Восточной Европе. Для Новгорода, сохранявшего церковное, культурное и политическое единство с Москвой, союз с новыми киевскими князьями Гедиминовичами, утвердившимися в XIV в. в Среднем Поднепровье, играл символическую роль и служил обновлению отношений с «матерью градов русских» и кафедрой митрополитов Киевских. Этот союз, который воспринимался средневековым обществом как естественное право новгородской общины, с середины XV столетия — эпохи превращения смыслов и трансформации средневековых ценностей, под пером московских книжников превратился в «измену». Здесь был осуществлен первый опыт «фальсификации отечественной истории в интересах» московских князей, что обернулось очевидным ущербом для интересов России. Сознательное искажение новгородской истории коснулось и дома Святой Софии, который московские князья обвинили в вероотступничестве, хотя Новгород ни разу не проявил себя сторонником «альтернативного православия», сохраняя верность каноническому праву. Союз с литовскими князьями, который так не привел к подчинению литовским митрополитам, был свидетельством умения разделять светское и духовное, что было присуще средневековому сознанию.

С некоторыми особенностями этого сознания нам удалось познакомиться на страницах этой книги. Здесь можно увидеть, насколько характерны для Средних веков оказались формы архаического мышления, в которые отлилась христианская культура. В поступках государей, считавших себя христианами, отчетливо проступают древние жестокие культы и суеверия, связанные с сакральными животными. Нам удалось выяснить, что «жидовская мудрствующи» новгородцы не были иудейскими прозелитами. Их интерес к Ветхому Завету отражал поиск духовных основ Православия в преддверии ожидаемого конца времен. Лишь разрыв Московского царства с предшествующей культурной традицией «превратил» их (в глазах московских книжников и политиков) в вероотступников. Московская власть вообще стремилась видеть в культурной самобытности новгородцев то измену, то ересь, то язычество, то колдовство. В книге мы не только постарались разубедить читателя в справедливости этих обвинений, но и убедить его в том, что конец света у средневекового человека вызывал не па-

рализующий страх, но желание преобразить себя и окружающий мир, вернувшись к истокам христианства. Так в Новгороде появилась икона Софии — Премудрости Божией и Повесть о белом клобуке. Разгадывая загадки дома Святой Софии, нам случалось уточнить историю некоторых произведений новгородского искусства и связать их с новгородскими владыками. Здесь же мы познакомились с двумя святыми в истории Новгорода — князем и игуменом, такими разными и такими непохожими на привычный евангельский идеал.

Следование историческим вехам позволило нам понять, что владыка дома Святой Софии не был сеньором Новгорода и председателем Совета Господ, а образ власти в новгородской земле нельзя трактовать как «теократию». Описанная выше взаимозависимость епископа и общины, типичная для соборного строя церковной жизни, оказывалась надежной «системой сдержек и противовесов», которая препятствовала формированию клерикального государства и клерикализации светской власти.

Эта высокая степень взаимодействия церковного и мирского, общинного и общественного обеспечила не только долгую жизнь, но даже возрождение «новгородских вольностей» в деятельности местной церковной и светской элиты эпохи Московского царства. В отличие от остальной части Московии на излете средневековья в Новгороде и на Севере России были возрождены местные выборные органы власти, которые сами осуществляли суд и распределяли государственные подати, выплачивая в казну лишь «откуп». В XVI столетии местное боярство, под предлогом защиты «старины и обычая», боролось за создание «средневекового парламентаризма». Оно не было заинтересовано в закреплении крестьян, и в его деятельности можно усмотреть элементы товарной экономики, свойственные раннему капитализму.

Особенности новгородской общественно-политической жизни оказались чрезвычайно эффективными в решении тех проблем, которые встали перед Россией в Смутное время. В эпоху существования новгородского-шведского альянса на Севере России в 1611—1617 гг. в Новгороде была возрождена характерная для эпохи независимости практика смесного суда, решения которого скрепляли русский боярин Никита Большой-Одоевский и командир шведского экспедиционного корпуса генерал Яков Делагарди, а митрополит Исидор (1603—1619) занял то положение в обществе, которое хозяин дома Святой Софии занимал в лучшие времена его истории...

Да и само приглашение шведского королевича Карла Филиппа на престол «всех государств великого царства Московского» по приговору Первого Ополчения в конце июня 1611 г., которому как альтернативе правления Романовых новгородцы долго оставались верны, рассматривалось местным образованным обществом как повторение исторического опыта 862 г. Как в середине IX в. приглашение Рюрика

заложило в Древней Руси основы государственности во главе с европейской династией, так в начале XVII в. приглашение представителя королевского дома Ваза рассматривалось в качестве способа вывести Россию из кризиса. Таким образом, «призвание варягов» оказалось прообразом и моделью «призвания шведов». Новгородские грамоты-наказы направлявшимся в Стокгольм русским посольствам от 25 июля 1611 г., 25 декабря 1611 г. и 26 августа 1613 г. напрямую возводили право нового призвания князей в России к исторической практике, лежавшей в основе конституции Великого Новгорода.

Стоит все же помнить и держать в уме, что средневековое общество и человек Средневековья не похожи на нас. Однако «инаковость» средневекового Новгорода становится чрезвычайно притягательной, потому что в ней мы узнаем весьма близкие и столь необходимые нам ценности. Среди прочих это вера в свободу и право, которые ограничивают властный произвол и гарантируют верность принятым на себя обязательствам. Новгород предстает перед нашими современниками одновременно далеким и близким. Это удивительное сочетание и оказывается главной загадкой дома Святой Софии...

СЛОВАРЬ БОГОСЛОВСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Автокефалия — дословно «самоглавность», независимость Поместной Церкви в делах управления и избрания своего главы, в древности — право каждой епархии

Автономия — дословно «самозаконность», независимость Поместной Церкви во внутреннем управлении при условии избрания своего главы с согласия автокефальной Церкви, частью которой она является

Анафема — не столько отлучение от Церкви, сколько указание на то, что конкретная личность, в силу своих убеждений или деяний, к Церкви не принадлежит

Антиминс — дословно «вместопрестол», плат ткани с изображением креста или иконы «Положение Христа во гроб», на котором совершается Евхаристия; освящается епископом и передается в приходской храм как подтверждение права совершения Литургии

Апокалипсис — конец мира, за которым следует второе пришествие Христа и Страшный Суд; в Средние века, в отличие от современности, воспринимался с большим оптимизмом

Архиепископ — старший епископ, архиерей главного города епархии, сегодня в Русской Церкви этот титул может быть личной наградой епископу

Архиерей — епископ

Архимандрит — дословно «начальник ограда», настоятель крупного монастыря, такой титул служил наградой патриарха или митрополита; в Древней Руси — глава всего черного духовенства в городе, в Новгороде им был игумен Юрьева монастыря

Белое духовенство — женатое, приходское духовенство

Благоверный — святой князь — защитник веры

Деисис — *моление*, иконографическая композиция, где Богородица и св. Иоанн Предтеча предстоят в молении Христу

Десятина — церковный налог, десятая часть доходов

Десятник, десятильник — церковный чиновник, собирающий десятину в пользу епископа, в том числе и среди священников

Диптих — исторически — двухчастная таблица с официальным документом, в церковной практике — перечень епископов в хронологическом порядке или в порядке общепризнанной значимости занимаемых ими кафедр

Дискос — церковное блюдо для совершения Евхаристии

Диссолюция — политика в Англии эпохи реформации XVI в., предполагающая обращение церковных ценностей на пользу общества и государства

Догмат — основное положение церковного вероучения, имеющие непосредственное отношение к Богу

Евхаристия — дословно «благодарение», основное таинство Церкви, рассматриваемая как совершаемая за Литургией бескровная жертва, когда хлеб и вино пресуществляются в Тело и Кровь Христовы, т. е. приобретают новую сущность, не теряя прежней, которыми причащаются присутствующие за богослужением

Епископ — дословно «надзиратель», глава епархии, избираемый общиной и рукополагаемый другими епископами

Ересиарх — начальник, основоположник ереси

Ересь — учение, расходящееся с верой Церкви в самых основных положениях

Жертвенник — исторически — храм или алтарь как место, где совершается Евхаристия, сегодня — место, где совершается проскомидия — первая часть Литургии, во время которой готовится хлеб и вино для Евхаристии

Игумен — настоятель монастыря

Иерархия — в Церкви — священноначалие, в общественно-политической жизни и культуре — система соподчинений

Иерей — священник

Инок — монах

Интронизация — возведение на кафедру епископа, митрополита или патриарха

Исихазм — направление в жизни византийского монашества в XIV в., связанное с покоем и созерцанием

Канонизация — процесс признания святости церковной иерархией

Каноны — церковные юридические нормы, принятые на соборах епископов

Клир — совокупность духовенства

Клобук — монашеский головной убор, в средневековье — полукруглой формы, сегодня — цилиндрический, покрытый тканью черного цвета, имеваемой наметкой

Кормчая книга — сборник церковных постановлений в славянских средневековых странах

Литургия — основное богослужение Православной Церкви, во время которой совершается Евхаристия

Минея — книга с текстами богослужений или житиями святых, расписанными по дням месяца

Митрополит — архиепископ, являющийся первым среди равных ему по чести и достоинству епископов на территории церковного округа — митрополии, председательствующий на архиерейском соборе; сегодня в Русской Церкви этот титул может быть личной наградой епископу

Моливдовул — свинцовая печать, привешивавшаяся к документу, сохранявшая его содержание и утверждавшая его

Новелла — императорский указ в Византии, изданный после кодификации римского права

Нотарий — чиновник патриаршей или епископской канцелярии

Омофор — часть епископского облачения в виде широкой украшенной крестами ленты, одеваемой на плечи, символ епископской власти

Опресноки — хлеб для Литургии, приготовленный согласно ветхозаветной традиции из пресного, не дрожжевого теста

Панагия — дословно — «всесвятая», круглая наперсная икона, сегодня — отличительный признак епископа

Паперть — боковая или входная часть храма

Патерик — монастырский сборник поучительных рассказов о предшественниках

Патриарх — глава Поместной Церкви, состоящей из нескольких митрополий

Полиставрий — облачение с изображением крестов, в Византии — церковная награда епископу

Поместная Церковь — исторически — епархия или митрополия в определенных границах, сегодня — национальная Церковь, независимая от других Поместных Церквей

Потир — чаша, в которой совершается Евхаристия

Преподобный — святой монах

Прозелит — новообращенный в иную веру

Пролог — сборник церковных текстов, вводящих в историю празднуемого события

Равноапостольный — чин святости мирян, связанный с их трудами по распространению христианства

Симония — покупка и продажа церковных должностей, плата за рукоположение; термин восходит к имени языческого жреца Симона, пытавшегося, согласно Книге Деяний Апостольских, купить у апостолов их пророческий дар

Синод — собрание епископов

Синодик — книга или список имен для молитвы или публичного поминовения

Смесный суд — совместный суд представителей различных властей, в Новгороде — княжеской и общинной, что предполагало вынесение справедливого решения

Собор — собрание епископов или духовенства и мирян, в Древней Руси — городской церковный округ и главный храм этого округа

Тиун — в Древней Руси — княжеский или епископский чиновник, управляющий хозяйством

Торжество Православия — церковный праздник подвижного характера в честь восстановления иконопочитания в Византии в 843 г., отмечаемый в первое воскресение Великого Поста, зависит от даты празднования Пасхи

Титулярная митрополия — епархия, возглавляемая епископом с титулом митрополита, на территории которой нет других епископов

Харистикарит — передача церковной собственности в управление светским лицам в Византии

Хартофилак — начальник патриаршей канцелярии и хранитель архива

Хиротония — рукоположение в священный сан, диакон и священник рукополагаются одним епископом, епископ — двумя или тремя епископами

Хрисовул — золотая печать, привешивавшаяся к императорскому или патриаршему документу, чаще — сам документ с такой печатью

Черное духовенство — монашествующее, монастырское духовенство, иногда совершающее богослужения и на приходах

Экзарх — представитель патриарха на определенной территории

Эсхатология — учение о конце света, втором пришествии Христа, Страшном Суде и новой жизни

Этимасия — иконографическая композиция, изображающая «Престол уготованный» — трон с символом креста, на котором Христос воссядет на страшном суде

Ярлык — документ, выдаваемый ханом Золотой Орды, который подтверждал права русских князей и митрополитов

ИЗБРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Источники

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841—1842. Т. 1—5.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии Наук. СПб., 1836. Т. 1—4.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / С. Н. Валк (ред.). М.; Л., 1949.

Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI—XV веков / И. А. Стерлигова (ред.). М., 1996.

Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1846—1872. Т. 1—12.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Новгородские грамоты на бересте. М., 1953—2004. Т. 1—11.

Памятники древнерусского канонического права XI—XV вв. Русская историческая библиотека. Т. 6. 1-е изд. СПб., 1880; 2-е изд. СПб., 1908.

Полное собрание русских летописей. СПб.; Пг.; Л.; М., 1841—2005. Т. 1—43.

Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941; Вып. 2. М., 1955.

Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI века. М., 1986—1992. Вып. 1—4.

Литература

Абеленцева О. А. Митрополит Иона и установление автокефалии русской церкви. СПб., 2009.

Алексеев А. И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480—1510-х гг. СПб., 2010.

Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980.

Амвросий (Орнатский), иеромонах. История Российской иерархии. М., 1807—1815. Т. 1—6.

Беляев И. Д. История Новгорода Великого от древнейших времен. М., 1866.

Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961.

Бобров А. Г. Новгородские летописи XV в. СПб., 2001.

Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. СПб., 1994. Т. 1—4.

Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV—XV веков. М., 1986.

- Буров В. А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994.
- Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 1997. Т. 1—2.
- Голубцов А. П. Чиновники Новгородского Софийского собора. М., 1898.
- Гордиенко Э. А. Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001.
- Горский А. А. «Всего еси исполнена земля русская...». Личность и ментальности русского Средневековья. М., 2001.
- Гуревич А. Я. Средневековый мир. Культура безмолвствующего большинства. М., 1990.
- Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.). М., 2001.
- Здравомыслов К. Я. Иерархи Новгородской епархии от древнейших времен до настоящего времени: Краткие биографические очерки. Новгород, 1897.
- Зимин А. А. Россия на рубеже XV и XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982.
- Зимин А. А. В канун грозных потрясений: предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986.
- Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.; Л., 1955.
- Кантерев Н. Ф. Светские архиерейские чиновники на Руси. М., 1874.
- Клеппинг Н. А. Святой благоверный и великий князь Александр Невский / Ю. В. Кривошеев, Ю. В. Сандулов (ред.). СПб., 2004.
- Клибанов А. И. Реформационное движение в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960.
- Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, официальные и независимые летописи об образовании Московского Государства. СПб., 1994.
- Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской церкви. М., 1994—1996. Т. 1—12.
- Макарий (Веретенников), архимандрит. Из истории русской иерархии XVI века. М., 2006.
- Макарий (Веретенников), архимандрит. Святитель Макарий, митрополит Московский, и архиереи его времени. М., 2007.
- Макарий (Миролюбов), архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Т. 1—2.
- Мейендорф И., протоиерей. Византизм и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Париж, 1990.
- Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
- Никитский А. И. Очерк внутренней истории церкви в Новгороде Великом. СПб., 1892.
- Павлов А. С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878.
- Пашуто В. Т. Александр Невский. М., 1975.
- Подскальски Г. Христианство и богословская литература Киевской Руси (988—1237 гг.). СПб., 1996.
- Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996.
- Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси XIV—XVI вв. Новосибирск. 1991.

- Скрынников Р. Г.* Трагедия Новгорода. М., 1994.
- Смирнова Э. С.* Живопись Великого Новгорода середины XIII—начала XV в. М., 1976.
- Соколов П.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1962—1965.
- Тихомиров П. И.*, протоиерей. Кафедра новгородских святителей со времени введения христианства в Новгороде до кончины последнего митрополита Новгородского Иова в 1716 г. Новгород, 1891—1897. Т. 1—2.
- Толстой М. В.* Святости и древности Великого Новгорода. М., 1862.
- Успенский Б. А.* Царь и патриарх. Харизма власти в России (византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.
- Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. М., 1991.
- Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980.
- Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е гг. XVI в. СПб., 2006.
- Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938.
- Щапов Я. Н.* Государство и Церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989.
- Янин В. Л.* Новгородские посадники. 1-е изд. М., 1962; 2-е изд. М., 2003.
- Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 1—2.
- Янин В. Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора. Церковная традиция и историческая критика. М., 1988.
- Янин В. Л.* Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII—XV веков. М., 1998.
- Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... М., 1998.
- Янин В. Л.* Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004.

СОДЕРЖАНИЕ

Епископы и архиепископы новгородской церкви X—XVI вв.	6
Введение	7
Очерк I. Метаморфозы «темного времени»	30
Очерк II. Таинственная анафема	59
Очерк III. География власти	70
Очерк IV. Вечно ли избрание на вече?	83
Очерк V. Тайна Святости	105
Очерк VI. Образ соборности	136
Очерк VII. От Москвы до Литвы	152
Очерк VIII. От Литвы до Москвы	166
Очерк IX. Ересь новгородская	186
Очерк X. Осень архиепископа	205
Заключение	223
Словарь богословских и исторических терминов	227
Избранная литература	231

АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ МУСИН

ЗАГАДКИ ДОМА СВЯТОЙ СОФИИ
Церковь Великого Новгорода в X—XVI вв.

Научно-популярное издание

Макет подготовлен издательством
«Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111
e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site:* <http://www.pvost.org>

Редактор — *О. И. Трофимова*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*
Корректор — *М. И. Тизенгаузен*

Подписано в печать 11.01.2016. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 15 печ. л.
Тираж 1000 экз. Заказ № 3865

PRINTED IN RUSSIA

Первая академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12/28

**Издательство
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»**

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers»

founded in 1992

in 2003 was included into

«The Golden Book of Saint-Petersburg Enterprises»

Address: POBox 111, St. Petersburg, Russia, 198152

E-mail: pvcentre@mail.ru

Web-site: www.pvost.org

The Publishing House specializes mainly on publications of the *scientific* and *popular science* literature on the Oriental studies (in close collaboration with the Institute of Oriental Manuscripts RAS, Oriental faculty of the St. Petersburg State University and Museum of Anthropology and Ethnography Kunstkamera RAS), as well as publications of St. Petersburg scholars-humanitarians in the field of the traditional culture and translations of important cultural monuments of the East.

Awards of the Publishing House: in 1996 it received a special diploma of the Saint-Petersburg Book Saloon for publication of the first Russian translation of the Quran (by General D. N. Boguslavsky).

The National Association of book-publishers regularly awards the Publishing House with the diplomas for original book projects at the annual competitions «The Best Book of the Year». The books of the Publishing House has been awarded several times with the diplomas of the St. Petersburg State University for the best University books of the year.

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers» was twice the UNESCO prize-winner for the best publication of the great value for the dialogue between cultures (in 2002 and 2004).

In 2002 the book by Ye. A. Rezvan «Quran and Its World» was announced the best book at the traditional competition of the National Association of book-publishers of Russia. Later the book was awarded the national prize of the Islamic Republic of Iran as «The Book of the Year in 2003».

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers» is a prize-winner of «The Book of the Year – 2005» in the field of «Humanities» and the first laureate in the competition «Art of Book» organized by the Union of Independent States (for the book by Ye. A. Rezvan «Quran of ‘Uthman»).

**Издательство
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»**

Образовано в 1992 году
В 2003 году внесено
в «Золотую книгу предприятий Санкт-Петербурга»
Почтовый адрес: 198152, г. Санкт-Петербург, а/я 111
E-mail: pvcentre@mail.ru
Web-site: <http://www.pvost.org>

Специализация издательства: прежде всего — *научная и научно-популярная литература по востоковедению* (в тесном сотрудничестве с Институтом восточных рукописей РАН, Восточным факультетом Санкт-Петербургского государственного университета, а также Музеем антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН), затем — издание трудов петербургских ученых-гуманитариев, преимущественно *в области традиционной культуры*; издание *переводов* важнейших культурных памятников стран Востока.

Награды издательства: в 1996 году за издание первого русского перевода Корана (в переводе генерала Д. Н. Богуславского) «Петербургское Востоковедение» получило специальный диплом Петербургского книжного салона.

Издательство — дважды лауреат дипломов ЮНЕСКО за лучшее издание, вносящее значительный вклад в диалог культур (2002, 2004).

В 2002 году лучшей книгой традиционного конкурса национальной Ассоциации книгоиздателей России была признана книга Е. А. Резвана «Коран и его мир», которая впоследствии стала лауреатом национальной премии Исламской Республики Иран «Книга года» за 2003 год.

Издательство — лауреат конкурса «Книга года-2005» в номинации «Humanitus», а также первый лауреат конкурса «Искусство книги», проводимого Содружеством независимых государств («Коран Усмана»).

По итогам конкурса «Книга года-2007» в номинации «Осенняя хризантема» в шорт-лист лучших изданий о Китае вошла книга «Китайская поэзия в переводах Льва Меньшикова».

В 2008 году издательство снова стало лауреатом национальной премии Исламской Республики Иран «Книга года» за издание первого дафтара поэмы «Маснави» великого персидского поэта Джалал ад-дина Руми.

Национальная Ассоциация книгоиздателей не раз отмечала лауреатскими дипломами оригинальные книжные проекты и книжные серии издательства в ежегодном конкурсе «Лучшие книги года».

В 2015 году в номинации «Лучшая книга в области гуманитарных наук» конкурса АСКИ победителем стала двухтомная монография «История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза», написанная И. А. Алимовым и М. Е. Кравцовой.

А. А. Пескова, Л. В. Строкова
ХРИСТИАНСКИЕ ДРЕВНОСТИ ВИЗАНТИИ В
«СИРИЙСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ» Б. И. И В. Н. ХАНЕНКО

Санкт-Петербург; Киев:
Петербургское Востоковедение, 2012. 224 с.
ISBN 978-5-85803-453-7

Книга является первой публикацией научного каталога византийских крестов из знаменитой «сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко, хранящейся ныне в Национальном музее истории Украины (НМИУ) в Киеве. Основу каталога составляют главным образом нагрудные кресты-реликварии, приобретенные, по свидетельствам современников, известным коллекционером и меценатом Б. И. Ханенко у инженера, работавшего на строительстве железной дороги в Дамаске (до 1914 г.).

Каталог крестов «сирийской коллекции» дополняется четырьмя византийскими процессионными крестами, поступившими в собрание Ханенко в те же годы, но из других источников, а также небольшой группой византийских крестов неизвестного происхождения из собрания НМИУ.

Настоящее издание представляет собой полноцветную публикацию византийских крестов из коллекции Ханенко, что позволит ученому и музейному сообществу свободно привлекать эти материалы для атрибуции разнообразных крестов византийского круга, а широкой общественности подарит встречу с прекрасными образцами византийского искусства.

This book is the first publication of scientific catalogue of the Byzantine crosses from a famous «Syrian collection» of Bogdan Khanenko and Varvara Khanenko, which is now stored in the National Museum of the History of Ukraine (NMHU) in Kiev. The core of the catalogue is devoted to pendant crosses-reliquaries that were purchased (according to his contemporaries) by Bogdan Khanenko, a well-known collector and art patron, from an engineer who worked at a railway construction in Damascus (before 1914). Also, the catalogue of crosses from the «Syrian collection» includes four Byzantine processional crosses, which were incorporated into Khanenko's collection from other sources in the same years, and a small set of Byzantine crosses of unknown origin from NMHU's collection.

This book is a full-color publication of Byzantine crosses from Khanenko's collection; it opens up a possibility for scientists and museum community to use these items to attribute various crosses of the Byzantine range; moreover, the book gives the public a chance to become familiar with wonderful examples of Byzantine art.

ORIENTALIA

Н. Алескерова

СУФИЙСКОЕ БРАТСТВО ХАЛВАТИЙА

СПб.: Петербургское Востоковедение, 2015. 272 с.

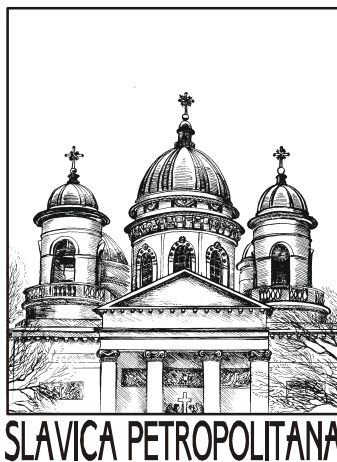
ISBN 978-5-85803-479-7

Представляемая вниманию читателя книга является первым на русском языке исследованием, посвященным деятельности тюркского суфийского братства Халватийа — одного из 12 материнских суфийских братств. Зародившись в государстве Ширваншахов (861—1538) в XIV в. — во время правления династии Дербенди (1382—1538), оно широко распространилось в Южном Азербайджане и по всему Ирану в период господства тюрко-племенных государственных объединений Кара-Коюнлу (1410—1468) и Ак-Коюнлу (1468—1508).

Наивысший расцвет Халватийа произошел при Османской империи: в этот период функционировало более сорока дочерних ответвлений братства. Общины Халватийа были весьма влиятельны и сыграли колоссальную роль в политико-экономической и духовной жизни населения как арабских, так и европейских провинций империи.

В книге впервые исследуется мировоззрение Халватийа на основе десяти научно-богословских посланий второго основного пира этого братства — саййида Йахьи ал-Бакуви: все они переведены на русский язык и даны в приложении. Именно благодаря реформаторской деятельности Йахьи ал-Бакуви оформилась организационная структура материнского братства Халватийа, основанная на беспрекословном подчинении ученика-*мурида* наставнику-*муришиду*, а также были заложены основы многочисленных дочерних ответвлений братства в Иране и Османской империи.

Издание рассчитано на специалистов-востоковедов и религиоведов, а также на всех интересующихся духовной культурой Востока.

С. В. Алексеев
ЛЕТОПИСЬ ПОПА ДУКЛЯНИНА.
ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИЙ

СПб.: Петербургское Востоковедение, 2015. 288 с.
ISBN 978-5-85803-487-2

Так называемая *Летопись попа Дуклянина* — один из старейших памятников средневековой историографии славянских народов запада Балкан. Датировка, авторство, степень исторической достоверности памятника остаются предметом острых научных споров. В то же время *Летопись* — ценнейший источник по истории южнославянских государств раннего средневековья. Данная работа представляет собой первый перевод *Летописи* с латинского языка оригинала на русский язык в сопровождении пространного научного комментария.

Издательство
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

Наши книги всегда в продаже у дилера издательства:

«Университетская книга»

В Санкт-Петербурге:

Санкт-Петербург, Средний пр., д. 60 (во флигеле)

Тел.: (812) 640-08-71; e-mail: ukniga@sp.ru

А также:

Электронный магазин книжной торговли:

<http://ozon.ru>